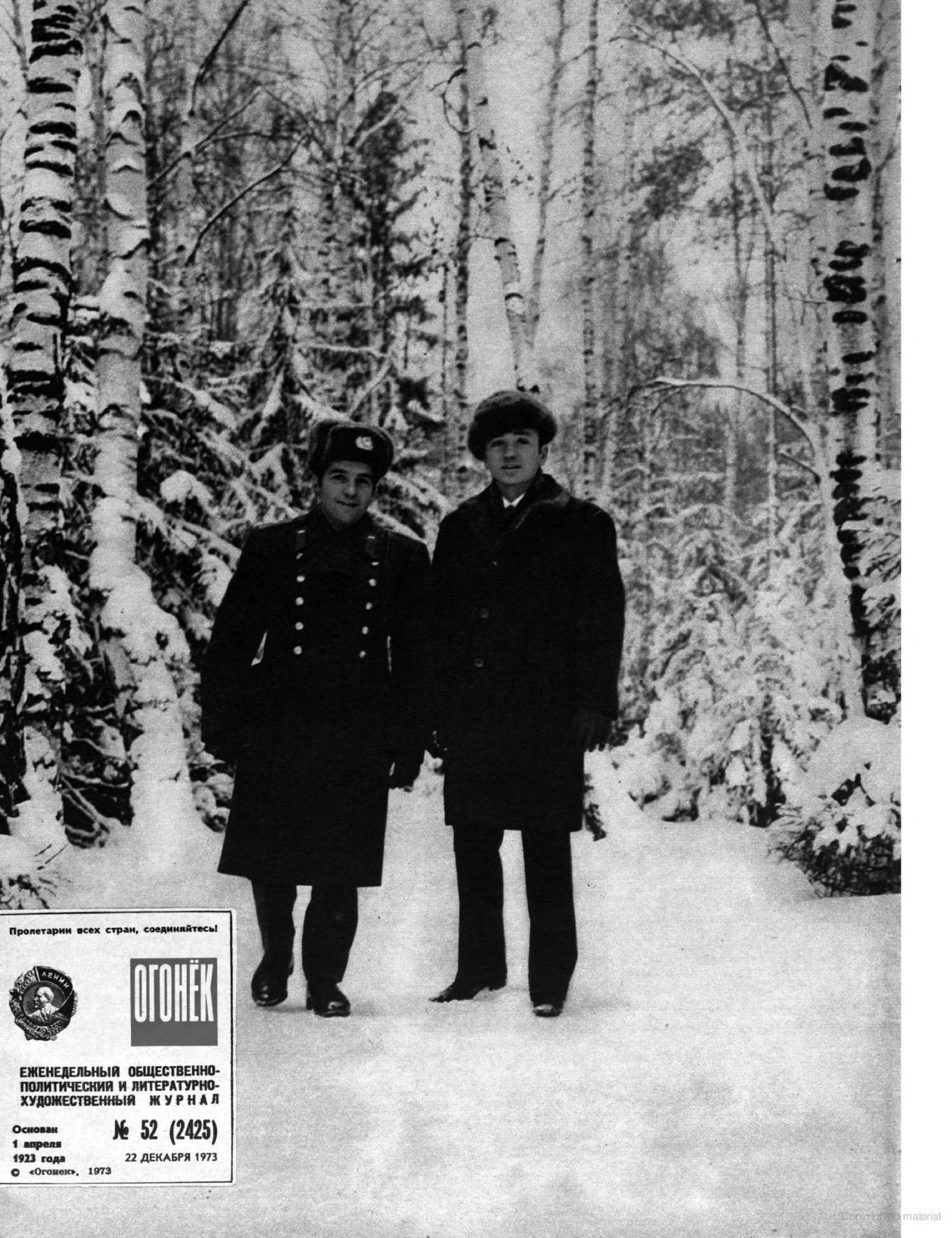

100000000

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 52 (2425)

22 ДЕКАБРЯ 1973

Командир космического корабля «Союз-13» П. И. Климук (слева) и бортинженер В. В. Лебедев.

НОВЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В КОСМОСЕ

Вадим ЛЕВСКИЙ

Всему миру известна Бюраканская астрофизическая обсерватория. Есть у нее филиал, возглавляемый членом-корреспондентом Академии наук Армянской ССР Григором Арамовичем Гурзадяном. А у филиала теперь есть свой филиал... в космосе, на борту космического корабля «Союз-13», выведенного на орбиту 18 декабря 1973 года. Пилотируют корабль космонавты Петр Климук и Валентин Лебедев.

Профессор Гурзадян как-то сказал, что если б на спутниках и космических кораблях и станциях стояли только телескопы, то такая форма космических исследований вполне бы себя оправдала и окупила бы все затраты. Конечно, никто не пытается всерьез связывать достижения астрономии с такими понятиями, как ожидаемый экономический эффект. Однако слова ученого имели под собой твердую основу.

Люди веками глядели в небо. Но сквозь толщу земной атмосферы к нам пробиваются лишь видимые и радиолучи — два узеньких окошка во всем спектре излучений. И на этом скудном пайке веками живут астрономы, целя свои все более мощные орудия в небесные дали. А там вершатся могучие процессы, невероятные, сказочные превращения. Рождаются и умирают звезды, разбегаются галактики, взрывы и вспышки наполняют вселенную. Но голоса этого многомиллиардного вселенского хора, долетев сквозь вечность до Земли, почти напрочь заглушаются ее тяжелой и плотной пеленой.

Представьте себе, что некий шутник-радиолюбитель предложил вам послушать симфонический концерт, выводя на усилитель лишь два очень узких диапазона частот. И в результате вы услышите, ну, предположим, лишь фагот и тамтамы. Каково будет впечатление! Вот в таких примерно условиях веками развивалась астрономия.

Спектр электромагнитного излучения, которым наполнен космос, широк необычайно. Астрофизики давно жаж-

Окончание см. на стр. 4.

Экипаж космического корабля «Союз-13» П. И. Климук и В. В. Лебедев на прогулке.

Фото А. Пушкарева (Фотохроника ТАСС)

Москва, Кремль. 12 декабря 1973 года. Совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей седьмой сессии Верховного Совета СССР восьмого созыва.

Фото А. Гостева

ГОДУ ЧЕТВЕРТОМУ — УДАРНЫЙ ТРУД!

14 декабря в 12 часов в Большом Кремлевском дворце состоялось второе совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

В зале присутствуют многочисленные гости — представители трудящихся Москвы и столичной области, дипломаты, аккредитованные в Советском Союзе, журналисты.

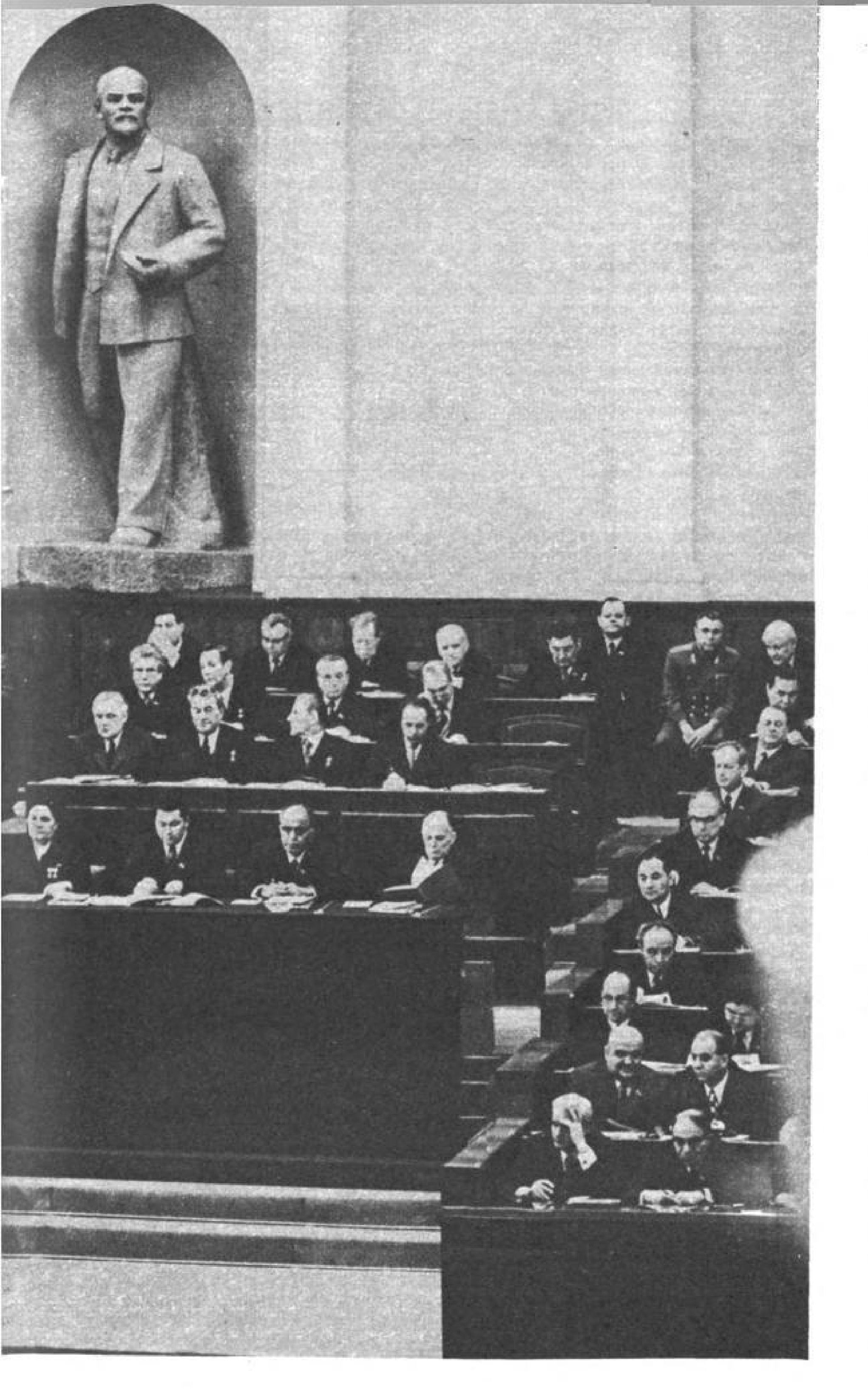
Собравшиеся бурными, продолжительными аплодисментами, стоя встретили товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, А. А. Гречко, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулакова, Д. А. Кунаева, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, П. Н. Демичева, П. М. Машерова, Б. Н. Пономарева, Г. В. Романова, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, В. И. Долгих, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева.

Верховный Совет СССР раздельным голосованием по палатам единогласно принял Закон Союза Советских Социалистических Республик о Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1974 год и утвердил Закон Союза Советских Социалистических Республик о Государственном бюджете СССР на 1974 год.

Верховный Совет СССР утвердил отчет об исполнении Государственного бюджета СССР за 1972 год, Указы Президиума Верховного Совета СССР и принял соответствующие законы и постановление.

Сессия завершила свою работу.

Финиширует 1973-й — год, который мы называем третьим, решающим годом пятилетки.

Последние дни ознаменовались событиями большой политической важности. Пленум Центрального Комитета КПСС, одобрив в основном проекты Государственного плана развития народного хозяйства и Государственного бюджета страны на 1974 год, внес их на рассмотрение сессии Верховного Совета СССР, а избранники народа единодушно утвердили эти основополагающие документы, придав им силу закона. Перед партией и народом раскрыты ясные перспективы движения вперед, четко определены высокие рубежи, которые предстоит взять в наступающем 1974 году.

Выступление на Пленуме Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, решения Пленума вооружают партийные организации, всех коммунистов боевой программой действий в борьбе за выполнение новых задач развития народного хозяйства. А задачи эти напряженнее и масштабнее, чем в нынешнем году, они требуют всемерной мобилизации сил, неуклонного совершенствования руководства экономикой, еще более полного и умелого использования преимуществ социалистического строя.

За третий год пятилетки большой шаг вперед сделала наша индустрия: темпы роста производства заметно превысили плановые, сверх намеченного будет выпущено и реализовано изделий свыше чем на 7 миллиардов рублей.

В новом году предстоит увеличить выпуск продукции еще на 6,8 процента, обеспечив опережающее развитие производства предметов потребления, а также отраслей, от которых непосредственно зависит технический прогресс.

С выдающимися успехами приходят к финишу года труженики села. Собран рекордный урожай зерна и хлопка, увеличилось производство других продуктов. Претворение в жизнь разработанной партией комплексной программы подъема сельского хозяйства позволило существенно укрепить его материально-техническую базу, экономику колхозов и совхозов, все шире переводить производство на современную индустриальную основу. Теперь необходимо идти дальше по этому пути, чтобы достичь установленных планом на 1974 год рубежей. Объем валовой продукции сельского хозяйства должен на 6,4 процента превзойти уровень нынешнего года. Добиться такого роста предстоит в основном за счет увеличения урожайности всех культур и продуктивности животноводства.

В четвертом году пятилетки будут решаться новые крупные строительные задачи. Общий объем капитальных вложений в народное хозяйство достигнет 104,2 миллиарда рублей, что почти вдвое превышает затраты на эти цели за весь предвоенный период. Предусмотрена концентрация капитальных вложений — главная их часть направляется на завершение пусковых объектов, возрастает объем реконструкции предприятий, будут сокращены сроки и улучшено качество строительства.

Год нынешний ознаменовался существенным улучшением жизни советских людей. План четвертого года пятилетки определяет новые меры в этом направлении. Реальные доходы в расчете на душу населения увеличатся еще на 5 процентов. Будут построены жилые дома общей площадью 113,4 миллиона квадратных метров.

Наши новые план и бюджет — это документы мирного созидания, в них воплощена воля советского народа уверенно идти вперед по маршруту, указанному XXIV съездом КПСС. Выполнение плановых заданий 1974 года еще выше поднимет международный авторитет Советского Союза, будет способствовать укреплению дела мира и социализма.

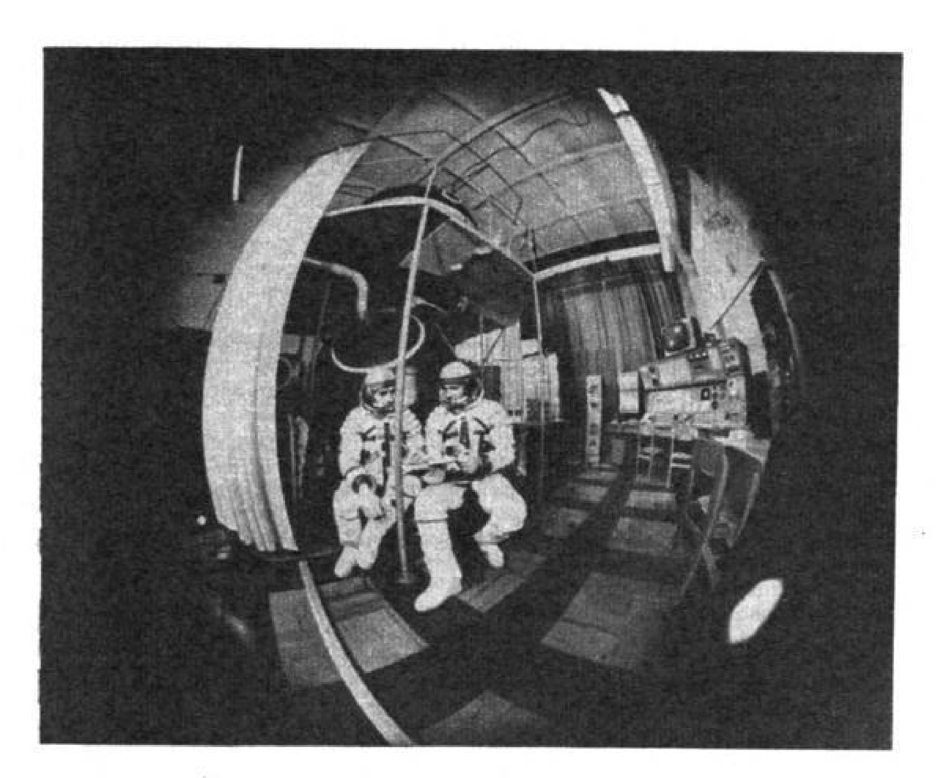
* * *

18 декабря в Большом Кремлевском дворце открылась шестая сессия Верховного Совета РСФСР восьмого созыва.

Москва, Кремль. 18 декабря 1973 года. На шестой сессии Верховного Совета РСФСР восьмого созыва.

Фото Дм. Бальтерманца

НОВЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В КОСМОСЕ

П. И. Климук и В. В. Лебедев во время тренировки в Центре подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина.

дали заполучить и рентгеновские, и гамма, и ультрафиолетовые, и инфракрасные визитные карточки небесных светил. Но получить их можно лишь за пределами земной атмосферы.

Два с половиной года назад на околоземной орбите появилась наша первая звездная обсерватория. На борту пилотируемой орбитальной станции «Салют» получила прописку астрофизическая обсерватория «Орион» — детище астрофизиков.

Помню один из рабочих дней здесь же, в Центре управления. К тому времени «Орион», смонтированный, как и теперь, при полете «Союза-13», на наружной части корпуса космического аппарата, находился в открытом космосе почти два месяца (экипаж прибыл на борт станции через несколько недель после ее запуска). Как вел себя телескоп это долгое и нелегкое время? — вот что тогда нужно было прежде всего узнать. В тот день состоялся первый сеанс работы «Ориона». И то, что все оказалось в норме, было уже успехом: основные технологические и конструкторские идеи, заложенные в создание телескопа, себя оправдали.

Мир свято чтит имена отважных космонавтов Георгия Добровольского, Виктора Пацаева, Владислава Волкова. Я помню, как на заданном витке командир Георгий Добровольский сориентировал станцию и удерживал ее в нужном положении. Пацаев, опознав нужную звезду, ввел ее в поле зрения фотогида и, переведя слежение за ней в автоматический режим, включил спектрограф. Третий член экипажа, Владислав Волков, контролировал при этом работу бортовых систем.

Экипаж «Салюта» выполнял задачу очень сложную. На первом из двух витков, выделенных при этом на «орионовские» исследования, предполагалась, как и ранее, работа по одной из звезд. А вот дальше Пацаеву предстояло отснять другую звезду, весьма далеко отстоявшую на небе от первой. Основная сложность заключалась в том, что нужно было очень быстро сориентировать корабль и выполнить целую серию операций по поиску и «захвату» новой звезды. Что и говорить, земным астрономам вряд ли приходится работать в таком остром цейтноте.

Я вспоминаю, как профессор Гурзадян взял тогда слово на заседании оперативно-технического руководства.

— Товарищи, я обращаюсь к представителям групп управления, медицины, к техническому руководству. Единственное, что я хочу сейчас сказать, — это то, что задача, которая стояла перед экипажем, была необычайно сложной. И что они, наши ребята, уже две с половиной недели находясь в космосе, проявили тем не менее такое высокое мастерство. Откровенно говоря, я не совсем верил в успех. Спасибо экипажу, спасибо вам всем, товарищи...

Всегда будут достоянием настоящего ценности, оставленные отважными космонавтами. Духовные и материальные. Нет, не увидели Г. Добровольский, В. Пацаев, В. Волков полтора десятка отснятых спектрограмм звезд Веги и Агоны, не узнали, что все было сделано ими с ювелирной точностью — ведь «орионовские» пленки проявляются на Земле. Но их работа, их подвиг проложили путь экипажу космического корабля «Союз-13» Петру Климуку и Валентину Лебедеву.

Но значит ли это, что экипажу «Союза-13» легко проводить порученные эксперименты? Новые задачи рождают новые трудности. Систему телескопов недаром назвали «Орионом-2». Она далеко не является собой точную копию «Ориона». Да и на корабле «Союз» установили ее впервые. А потому неизбежны новые нелегкие ситуации, связанные с управлением кораблем, поиском и съемкой нужных светил.

Устанавливая на борту корабля систему телескопов «Орион», ученые предписали ей, как и своему первенцу в космосе, проводить исследования в области коротковолновых излучений. Именно в этих излучениях зашифрована важная информация о процессах, происходящих в звездах, газовых туманностях, в межзвездной среде, пульсарах, квазарах, радиогалактиках. Причем речь подчас идет о таких мощных и необычайных превращениях энергий, которые еще недавно физикам и не снились.

Космическая астрономия только начинается. Будут на пути ее взлеты и, возможно, неудачи. Как и во всем новом. Будут дальнейшие «астрономические» полеты космонавтов.

После одного из сеансов связи с экипажем корабля «Союз-13» один молодой астрофизик сказал мне, что мечтает сам когда-нибудь полететь в космос, что очень это важно для науки составить со временем целый каталог звезд по их спектральным характеристикам. Я пожелал ему исполнения мечты. Пусть не в наступающем году, но когда-нибудь. Я искренне верю в реальность своего пожелания.

Мой собеседник, правда, не учел, что быть астрономом, пусть даже хорошим, еще мало для того, чтобы взлететь к звездам. Ведь звездная программа «Союза-13» хотя в данном случае одна из важнейших, но не единственная. В программу эксперимента, кроме астрофизических наблюдений звезд с помощью установленной на борту системы телескопов «Орион-2», входит спектрозональная съемка отдельных участков земной поверхности с целью получения данных для народного хозяйства, комплексная проверка и испытание бортовых систем космических кораблей «Союз», дальнейшая отработка процессов ручного и автоматического управления, а также методов автономной навигации в различных режимах полета.

Нужно очень многое знать и уметь, чтобы выполнить этот эксперимент. Путь Климука и Лебедева в космос, даже при их молодости, был долог и труден...

Центр управления полетом

ДРУГ РАБСЕЛЬКОРА

Исполняется 50 лет со дня выхода первого номера журнала «Рабоче-крестьянский корреспондент».

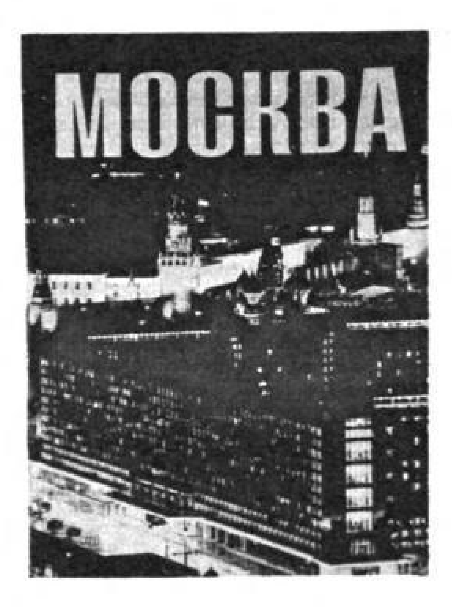
Еще в 1904 году в связи с началом издания газеты «Вперед» Владимир Ильич Ленин, предвидя, какую огромную силу таят в себе рабочие и крестьянские корреспонденты, писал: «Это недоразумение, будто именно литераторы и только литераторы (в профессиональном смысле этого слова) способны с успехом участвовать в органе; напротив, орган будет живым и жизненным тогда, когда на пяток руководящих и постоянно пишущих литераторов — пятьсот и пять тысяч работников не литераторов».

Подлинно массовое участие рабочих и крестьянских корреспондентов в журналистике началось с выходом в свет газеты «Правда». Только за один год боевой орган партии большевиков опубликовал 11 114 материалов своих добровольных корреспондентов.

Инициатором выпуска журнала «Рабоче-крестьянский корреспондент» была М. И. Ульянова. Закономерно, что журнал стал выходить именно при газете «Правда». С первых шагов Советской власти рабселькоровское движение, развернувшееся в нашей стране, потрясало воображение самых искушенных в делах журналистики профессиональных литераторов. Сбылось предвидение вождя революции: рабочие и крестьянские корреспонденты, не порывая со своей основной работой, превратились в могучую, действенную силу, с помощью которой Коммунистическая партия успешно решала боевую задачу по вовлечению миллионных масс в ряды активных строителей социализма.

Ныне центральные и городские, республиканские, областные и районные газеты ежедневно печатают тысячи, сотни тысяч выступлений своих рабочих и крестьянских корреспондентов. А кто возьмется подсчитать число многотиражек, радиопередач, стенных газет, изо дня в день выходящих в нашей стране — на заводах и фабриках, на стройках, в колхозах и совхозах, в научных и других учреждениях. Корреспонденты, как правило, не только пишут заметки, но и сами служат образцами на производстве, берут на себя новые, повышенные обязательства. Неоценимую помощь им в дальнейшей работе, в совершенствовании литературного мастерства оказывает журнал «Рабоче-крестьянский корреспондент». Журнал, по сути, стал школой, средоточием всего нового, прогрессивного в рабселькоровском движении, опытным руководителем и наставником местной печати. И беря в руки свежий, еще пахнущий типографской краской номер многотиражки, останавливаясь перед репродуктором заводского или колхозного радиоузла, читая только что вывешенный лист стенной газеты, еще и еще раз благодарим журнал «Рабоче-крестьянский корреспондент», делающий такое нужное и важное для всех нас дело.

Г. НЕСТЕРОВ

ПОЭМА О МОСКВЕ

Человеку, никогда не бывавшему в Москве, живущему от нее, быть может, в тысячах километров, этот уникальный альбом откроет душу и сердце столицы нашей Родины с такой поразительной полнотой и откровенностью, перед которой бессильны любые словесные описания. А что говорить о коренном москвиче, прожившем в этом городе не один десяток лет и ставшем свидетелем и участником преобразования столицы! С тихой торжественностью и волнением станет он разглядывать снимки разных лет, в которых оживает история города, отыскивать новые для себя черты облика, столь, казалось бы, знакомого. Альбом «Москва», выпущенный издательством «Планета», одинаково интересен всем, потому что история Москвы — это история всей нашей страны.

Каждая столица мира неповторима. Но для нас, советских людей, слово «Москва» наполнено особым смыслом — это название столицы первого в мире социалистического государства, имя города, в котором жил и работал Владимир Ильич Ленин. Москва — это гордость страны, орденов Ленина и Октябрьской Революции город-герой, город — труженик и созидатель.

Составителям альбома (Ю. Баланенко, А. Березину) удалось не просто отобрать лучшее среди готовых снимков, а именно отыскать существеннейшее из того, что характеризует наш город. Трудно пытаться здесь отмечать отдельные работы наших фотомастеров, украсившие альбом: каждая прекрасна и достойна особого разговора.Есть среди них снимки разных лет, снискавшие в свое время мировое признание, есть и новые работы, не менее выразительные (альбом превосходно оформлен Дм. Бисти и В. Добером).

Интересна композиция «Москвы». Авторы альбома, дав полюбоваться эффектной панорамой вечернего города на суперобложке, повторяют тот же вид Москвы на одном из ближайших разворотов, но на сей раз город просыпается в лучах утренней зари. Это, казалось бы, простое решение прочно «привязывает» зрителя к изображению, создавая подлинный эффект присутствия. Затем страницы альбома ведут нас в глубь истории, к зданиям — памятникам XV—XVI столетий. «Вязь веков» вплотную подводит к новой главе в истории нашей столицы. Раздел «Москва, Ленин, Революция» наглядно и объемно повествует, по сути дела, о всей истории нашего социалистического государства; снимки подчеркивают организующую роль Москвы — все, что происходило в стране, все это отзывалось в столице, либо шло от нее, либо в ней сходилось. В разделах «Знамя прогресса» и «Достояние народа» говорится о жизни Москвы трудовой, научной, Москвы артистической, города многочисленных вузов, заводов, школ, стадионов, музеев, театров и библиотек, о космосе и медицине, о транспортных артериях и лабораториях ученых. Завершающий цикл снимков «Вокруг столицы» знакомит с лирическими зимними пейзажами Подмосковья, с музеями-усадьбами, с причудливыми извивами красавицы Москвы-реки.

Все в этом чудесном альбоме, в котором поистине многое «для сердца русского слилось», живет и дышит ощущением сегодняшнего и завтрашнего дня нашей столицы. Пожалуй, просто невозможно более поэтично и взволнованно рассказать о Москве, чем это сделано на страницах этого роскошного издания.

Ю. СЕРГЕЕВ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

НАТО: В УЗЛЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Лев МАКАРОВ

По давно заведенной традиции предрождественское время — это период интенсивных совещаний в Североатлантическом союзе, когда подводятся итоги, намечаются планы, короче, когда разворачивается весь тот «ритуал» дипломатической деятельности, именуемый зимней «атлантической неделей».

В этот раз она началась 5 декабря с заседания в Брюсселе военного комитета НАТО, затем было совещание так называемой «еврогруппы», куда входят западноевропейские страны — члены НАТО, кроме Франции, Исландии и Португалии, совещание комитета планирования обороны НАТО, в котором приняли участие министры обороны стран — членов Североатлантического союза, и, наконец, завершилась она сессией совета НАТО, проходившей в штаб-квартире «союза» в Эвере 10—11 декабря.

Ни для кого не секрет, что у западноевропейских участников НАТО накопилось немало желчи по отношению к США, особенно в связи с событиями на Ближнем Востоке. Пентагон не счел нужным уведомить союзников по блоку, когда под грохот барабанов объявлял повышенную боеготовность своих вооруженных сил. Этот демарш, а также последовавшее вслед за ним арабское эмбарго на нефть, по выражению натовского бюллетеня «Нувель атлантик», «раскололо атлантическое сообщество так, как этого не сделало ни одно событие после Суэца 1956 года»...'

Впрочем, «заморозки», опустившиеся на отношения между странами НАТО и грозящие перерасти в настоящие «крещенские морозы» по случаю нынешнего энергетического кризиса (к тому же в условиях суровой зимы), начались, не когда возник ближневосточный конфликт, а гораздо раньше. Еще в апреле Вашингтон, по-настоящему оценивший силу экономического и политического нажима европейского «сообщества» после валютных потрясений, предложил устами государственного секретаря США Г. Киссинджера создать новую основу для союза и выработать для этой цели новую «Атлантическую хартию». В ту пору, как отмечала «Зюддойче цайтунг», «в ответ на это предложение Киссинджера с нашей стороны Атлантики прозвучали одни только насмешки». Однако ближневосточная война, уныло подчеркивает газета, «в более жесткой форме, чем этого когда-либо мог хотеть Киссинджер, указала (Западной) Европе ее место».

Большие разногласия между союзниками вызывает проблема расходов на содержание американских войск в Европе в плане увеличения вклада «европейцев», на чем усиленно настаивают США.

Особенно резко эти расхождения выявились на состоявшейся в Брюсселе встрече 14 министров обороны стран — членов НАТО, окрещенной в прессе «диалогом глухих». Известно, что ежегодно Соединенные Штаты тратят приблизительно 17 миллиардов долларов на содержание американских вооруженных сил, входящих в систему НАТО. Это ложится тяжелым бременем на американский платежный баланс. Однако призывы США разделить эти расходы «более пропорционально» вызвали откровенное раздражение их западноевропейских союзников. Как писал обозреватель агентства Ассошиэйтед Пресс Артур Гэвшон, атаку европейцев возглавил министр обороны Англии лорд Каррингтон. Делегаты Бельгии, Голландии и Дании заявили о планах реорганизации своих вооруженных сил и сокращении расходов на оборону. Не выразили никакого намерения взять на себя дополнительное бремя расходов и представители других стран — Италии, Турции, Греции, Норвегии, Португалии. Исландия и Люксембург вообще не участвуют в финансировании НАТО, а Франция, как известно, вышла из военной системы «союза» еще в 60-х годах.

Как бы там ни было, подчеркивает орган британских деловых кругов газета «Файнэншл таймс», ясно одно, «что не может быть никакого искусственного воскрешения настроений полного и безоговорочного единодушия, какие были характерны для союза в разгар холодной войны. За целый ряд лет стало ясно, что интересы (Западной) Европы по всем проблемам не идентичны интересам Соединенных Штатов, и все попытки перевести стрелки часов назад исключаются двойным потрясением — событиями на Ближнем Востоке и энергетическим кризисом».

Раздражение Вашингтона, по мнению «Файнэншл таймс», особенно остро проявилось по отношению к Великобритании, главным образом потому, что Соединенные Штаты в течение многих лет пользовались если не поддержкой, то молчаливым согласием ряда английских правительств в отношении войны во Вьетнаме. Американцы были потрясены, узнав, что Соединенное Королевство решило официально отмежеваться от Соединенных Штатов по вопросу Ближнего Востока. В более общем плане, подчеркивает газета, они серьезно разочарованы нежеланием Англии добиваться от своих партнеров по европейскому сообществу более явной атлантической ориентации.

Очередная «атлантическая неделя» кончилась, но противоречия остались. Они говорят, что глубокие сдвиги, происшедшие в последние годы на мировой арене, отразились и на Североатлантическом блоке. Дни холодной войны, а с ними и дни натовских политиков подходят к концу.

30 ДЕКАБРЯ 1947 ГОДА РУМЫНИЯ ПРОВОЗГЛАШЕНА НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ. С 1965 ГОДА — СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА РУМЫНИЯ.

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

ПО ВЕЛЕНИЮ ЖИЗНИ

Мирон НИКОЛЕСКУ,
Президент Академии
Социалистической Республики Румынии

ВОПРОС. В какой мере румынские ученые своими исследованиями способствуют решению народнохозяйственных проблем, техническому и экономическому прогрессу республики?

Ответ. Я рад познакомить читателей «Огонька» с некоторыми аспектами деятельности нашей академии.

Я хотел бы отметить, что традиции румынской науки пользуются заслуженным престижем. Начиная с прошлого столетия выдвинулись и получили широкое признание школы математики, физики, химии, геологии, медицины, биологии. Представители этих школ внесли ценный вклад в сокровищницу мировой науки. Но именно годы, прошедшие после провозглашения Румынии республикой, годы строительства социализма в нашей стране, годы мощного подъема ее производительных сил стали для румынской науки этапом невиданного расцвета, этапом, отмеченным замечательными достижениями во всех областях научных исследований. В эту пору возникло множество исследовательских институтов, связанных с насущными нуждами народного хозяйства и культуры, были продолжены и расширены предпринятые в прошлом исследования. Ученые взялись за решение новых задач, имеющих большое теоретическое и практическое значение.

Высший научный форум страны — Академия СРР — существует уже более ста лет. В то же время за минувшую четверть века значительно выросла сеть научно-исследовательских учреждений — их ныне более 300 вместо 52 в 1938—1939 годах. Разрабатывают они самые разные темы, подсказанные жизнью, отражая требования естественных, технических, общественных и гуманитарных наук. Характерно, что только за одно пятилетие — 1966—1970 годы — число заводских лабораторий возросло с 33 до 74.

В последние годы в СРР на основе решений партии был принят ряд мер по совершенствованию организации научной деятельности. Суть их — добиваться как можно большей согласованности, тесной связи с производством, с первоочередными нуждами народного хозяйства и культуры, с велениями жизни. В 1965 году в Румынии был создан Национальный совет по науке и технологии. Его задача — согласовать деятельность ученых в масштабе всей республики, мобилизовать их усилия, материальные средства для решения особо важных для страны проблем, разрабатывать единую программу исследований и подготовки научных кадров.

На основе объективных данных, специфических для экономического и культурного строительства Румынии, на основе анализа глубоких преобразований в современной экономике и технике были разработаны такие программы научных исследований, которые удовлетворяли бы требованиям народного хозяйства. Так создается неразрывная связь теории и практики, так согласовываются усилия, направленные на развитие фундаментальных исследований, за большинство которых отвечает наша академия, с усилиями тех специализированных научных и проектных институтов, лабораторий, конструкторских бюро, которые непосредственно озабочены улучшением технологии, производственных процессов, конструкций, качества машин, станков, различных изделий. Члены академии, научные сотрудники отраслевых институтов, заводских лабораторий действуют единым фронтом, объединяя свои силы для быстрейшего достижения общей цели.

Вот несколько примеров.

Коллектив сотрудников филиала Академии Социалистической Республики Румынии и Бухарестского политехнического института создал плазменный нож для резки металла. Это прибор, запатентованный как изобретение в национальном и международном масштабе.

Д-р Дорел Зугрэвеску сконструировал прибор для измерения приливов в земной коре, за который был удостоен премии Академии СРР.

Академик Штефан Милку и его сотрудники нашли оригинальный препарат, который перспективен при лечении рака и изготовляется ныне в промышленном масштабе.

Математический институт и Центр математической статистики содействовали практическому решению вопросов, непосредственно и тесно связанных с производством. Речь идет о применении математических методов программирования при определении места строительства цементных заводов и при установлении оптимальных размеров трубопроводов; речь идет о внедрении статистического контроля при поточном методе работы, контроле качества продукции на Сэвинештском комбинате синтетических волокон и пряжи; речь идет об использовании метода математического программирования для улучшения планирования производства, подготовки и использования рабочей силы, нагрузки оборудования и т. д.

Я хочу отметить также, что Академия СРР занимается разработкой ряда таких проблем, включенных в программы первостепенного значения, как широкое внедрение математических расчетов в народное хозяйство, борьба с загрязнением окружающей среды и т. д.

ВОПРОС. В Комплексной программе социалистической экономической интеграции, принятой странами — членами СЭВ, уделяется особое внимание научно-техническому прогрессу в решении важнейших проблем народного хозяйства. Расскажите о связях научных работников Румынии с коллегами из Советского Союза и других социалистических стран.

Ответ. Академия Социалистической Республики Румынии сотрудничает с Академией наук СССР и с академиями других социалистических стран на основе двусторонних планов, заключаемых периодически, или же на основе многосторонних соглашений.

Планом сотрудничества между Академией СРР и Академией наук СССР на 1971—1973 годы были предусмотрены 25 тем по математике, астрономии, механике, физике, химии, биологии, медицине, геологии, лингвистике.

Хотелось бы отметить совместную работу советских и румынских астрономов,— я имею в виду такие работы, как каталог слабых звезд, исследование солнечной деятельности. Успешно действует в рамках программы Интеркосмос созданная нашими академиями станция для наблюдения за искусственными спутниками. Совместными усилиями ученых наших стран выполняется ряд исследований по математике, теории механизмов и машин, эластичности. Мы участвуем в деятельности Международного математического центра имени Стефана Банаха в Варшаве.

Группа ученых Румынии поддерживает тесную связь с московским Институтом элементоорганических соединений, возглавляемым академиком А. Н. Несмеяновым, в частности с академиком О. А. Реутовым — он не раз бывал в нашей стране, его труды, переведенные на румынский язык, хорошо известны румынским химикам. А в Советском Союзе переведен и выдержал два издания «Трактат по терапевтике заболеваний эндокринных желез», составленный академиком Штефаном Милку и его сотрудниками.

В области математики мне хотелось бы отметить самую тесную и плодотворную работу, осуществляемую в течение многих лет школой профессора Гр. Моисила и школой теории автоматов члена-корреспондента АН СССР М. А. Гаврилова. Узы большой творческой дружбы связывают Бухарестский институт эндокринологии с московским Институтом экспериментальной эндокринологии и химии гормонов Академии медицинских наук СССР, а Математический институт Академии Социалистической Республики Румынии — с университетами Москвы, Одессы, Киева.

Мы убеждены в том, что и в дальнейшем сотрудничество между учеными Румынии и Советского Союза будет развиваться в интересах обеих стран, дела мира, во имя укрепления дружбы между нашими народами.

В заключение мне хотелось бы со страниц «Огонька» передать советским ученым сердечный привет от румынских научных работников и пожелать им новых успехов в их деятельности.

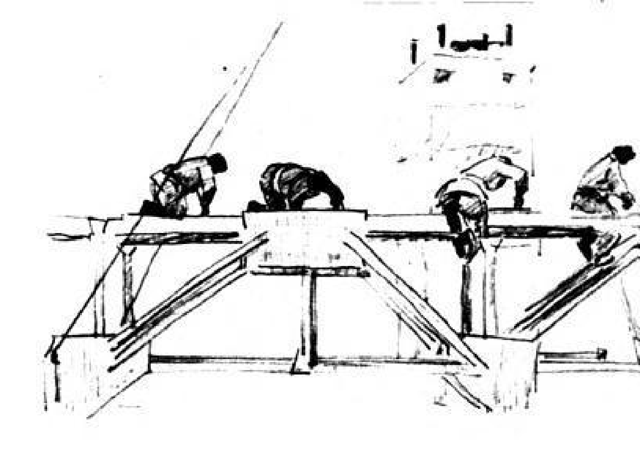
Как математик, я обращаюсь, в частности, к моим многочисленным друзьям, имеющим ту же специальность, к моим друзьям, которых я встречал в Москве, Бухаресте и в других научных центрах. Я не пытаюсь перечислить их имена из боязни пропустить кого-нибудь. Однако я хочу обратиться с особым приветствием к Президенту Академии наук СССР академику М. В. Келдышу, замечательному математику с мировым именем, к ученому, который является почетным членом нашей академии.

Беседу вел
специальный корреспондент «Огонька»
Л. ЛЕРОВ.

«ОГОНЕК» на КамАЗе

ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
Рисунки Игоря ПЧЕЛКО,
специальные корреспонденты «Огонька»

Четвертая строительная осень КамАЗа выдалась ненастной; ходят низкие, хмурые тучи, дожди и ветры, снега и хлябь. В такую непогоду особенно явственно проступают изъяны неприютной жизни строителя: за порогом грязь на асфальте, по дорогам канавы, и кажется, что отодвинулся еще дальше детский сад и магазин стал работать хуже. Нытики-пессимисты такое время года не выдерживают, начинают укладывать чемоданы. Но есть люди, которым распутица нипочем. Им чтобы дел побольше, чтоб фронт работы пошире! Таких людей я встречала много. Их усилиями, их подвигом поднимаются шесть заводов автомобильного комплекса: работает ремонтно-инструментальный завод, готовятся к монтажу оборудования корпуса кузнечного завода, завершено сооружение главного корпуса завода двигателей; встает новый город. В первом ряду идут коммунисты. Я расскажу о четырех из них, удостоенных значка «Ударник строительства КамАЗа». Вот некоторые штрихи к их портретам...

«КТО-ТО ЖЕ ДОЛЖЕН НАЧИНАТЬ!..»

— Бригадир? А он на девятом. Мусоропроводы ставим.

Легко сказать, «на девятом». Где его там найдешь, в этом доме-громаде на 354 квартиры? Дом не похож ни на один из тех, какие мне доводилось видеть в разных городах: наряден, с подчеркнуто рельефным рисунком фасада; эркеры и лоджии схвачены широкими поясами панелей. Известен этот дом в Набережных Челнах как экспериментальный. Сюда непременно привозят гостей и экскурсантов. Собран дом по особому проекту из деталей, сделанных на домостроительном, недавно вступившем в строй комбинате. Словом, первый, полностью свой, челнинский дом. До этого дома были главным образом «привозные». То из московских, то ленинградских блоков и панелей, то уфимских, куйбышевских, волгоградских... Десятки городов работают на автогигант. Строила экспериментальный дом бригада, вернее, комсомольско-молодежный поток, как он сейчас называется, Виктора Филимонова. А вот и сам бригадир. Высокий, плечистый, с приветливой до ямочек улыбкой на лице.

— Трудно строить экспериментальный?

— Трудно. Вот эти, самые красивые эркеры. Хорошо бы завод делал их целиком, а то они задуманы из двух частей. Приходится сваривать под определенным углом. Сложная операция, много на нее уходит времени. Да и недоделок проектантских, заводских и наших немало. Сейчас на ходу устраняем, чтоб в следующем доме их не повторять. А то вот соперники нас обгонять стали. Бригада Раиса Салахова тоже строит большой дом, но он пятиэтажный, типовой. Условия совсем другие. Кроме того, наш поток первым на домостроительном комбинате перешел на хозрасчет по примеру бригады московского строителя Злобина. Однако и тут своя специфика. Учитывать это надо. Надо бы на экспериментальный другую калькуляцию спустить, скорректировать ее.

Рядом с первым экспериментальным поднялся его двойник. Будет точно таким же. Растет, невзирая ни на что: ни на пургу, ни на дождь, ни на слякоть. Его тоже строит бригада Филимонова. О бригадире я уже знаю, что по складу характера он первопроходец, смельчак. Ставил первую в Набережных Челнах двенадцатиэтажную башню, присланную из Москвы, вернее, ездил за нею в столицу сам. Группа челнинских строителей работала три месяца на столичном заводе железобетонных конструкций, где изготавливают «детали» таких башен, потом участвовала в их монтаже в Чертанове. Башня плыла из Москвы сначала по Волге, потом — по Каме. Филимоновская бригада в полном составе разгружала баржу и везла башню по частям от причала к поселку КамГЭСа. Потом все челнинцы, не видавшие домов выше пяти этажей, ходили смотреть, как по дням, по часам, панель за панелью тянется к небу золотистая свеча. Кое-кто тогда спрашивал бригадира: «А вдруг завалится, не боишься?» Филимонов снисходительно улыбался: «В Москве стоят, а тут что, земля хуже? Кто-то же должен начинать!»

Потом бригада Филимонова готовила нулевой цикл под московские дома в новой части города. Потом строила здание филиала Казанского института, тоже не типовое, в котором учится бригадир сейчас сам на третьем курсе.

Задаю Виктору традиционные вопросы: откуда он родом и как попал сюда?

— Куйбышевский я. Кончал РУ каменщиков-монтажников. А в Челны приехал из Темиртау. «Казахстанскую Магнитку» строил. Начинали с палаток и вагончиков, дожили до асфальта и комфорта. Саша Слободенюк, вместе учились, письмо прислал из Челнов. Пригласил. В отпуск приехал, посмотрел: степь непуганая, вся в снегах. Простор. Есть где развернуться. Работы, значит, хватит...

СТУДЕНТКА

Люся пристроилась в уголке битком набитого автобуса. За окном серая предрассветная мгла и промозглая сырость. А тут тесно и тепло. Голова девушки опускается все ниже, ниже. Вот уткнется она носом в колени. «Э-ге, видать, перегуляла». «На заре ты ее не буди»,— хохочут парни, стоящие рядом. Люся встряхивается, как воробышек, сна как не бывало. И вовремя: Московский проспект. Приехали!

Люся проверяет, на месте ли тетрадь,— будет решать в обед задачи; пересекает проспект. Ей налево — в четвертый комплекс, самый крайний при въезде в новый город. Тут все знакомо — в глубине квартала школа, открыли ее в сентябре, они тут работали; рядом дом, уже заселенный. Их бригада производила в нем штукатурку и покраску. Но ни школы, ни дома сейчас не видно. Все поглотил туман, плотный, как манный пудинг. Возле кафе дорога кончилась, под ногами рыхлое месиво.

Запомнилось девчатам это кафе! Они отделывали тогда подсобные помещения в подвале. Крыши и витражей еще не было — детское кафе будет в пристройке дома, и в подвал поднатекло. Работали по колено в холодной воде. Три недели с утра до ночи лили дожди. Все было мокрое: небо и земля, спецовки и инструмент. Негде было даже присесть. Дядя Саша, их бригадир Александр Сергеевич Ремизов, ходил очень сердитый в те дни, ругал на чем свет стоит погоду, потому что жалел девчонок: «Такого мокрого безобразия не видал нигде». А он и в Усть-Илиме поработал и в алмазном городе Мирном. Бывалый он человек, даже Ташкент восстанавливал. И мастер первоклассный: в Ташкенте гостиницу и ресторан отделывал. Куда там Люсе Ямалеевой до него: Набережные Челны — всего лишь первая в ее жизни стройка и после средней школы первая работа. Правильно она сделала, что послушалась Гульнур Имаммову, своего первого бригадира, и попросилась в бригаду Ремизова. Тут она теперь звеньевая.

Вот, наконец, и их дом. 25 подъездов. В каждом подъезде 20 квартир. В каждой нужно покрасить двери, окна, плинтусы, например. Это ее обязанность. Люся красит сама и учит других. Впрочем, и все остальные работы по отделке и штукатурке она освоила. Три года назад, когда она только начинала, Гульнур велела чистить ей стены,— самая неприятная, тяжелая операция, экзамен для новичков. Механизмов тогда не было, все приходилось делать вручную, а потом еще шкуркой. Ломило без привычки руки и спину. Они как раз «Чулпан», кинотеатр отделывали. Хотелось, чтобы он был очень красивым. Люся старалась. Гульнур сразу заметила, что новенькая — исполнительная девчонка, ра-

ботает на совесть, и стала поручать ей операции день ото дня сложней. Не вышла как-то звеньевая, доверила заменить ее. Справилась. Росла не только профессионально, но и политически. Подала заявление в кандидаты, а затем и в члены КПСС...

Когда Гульнур внезапно заболела, и врачи порекомендовали перейти ей на другую работу, то вместо себя бригадир оставила Люсю. Нелегко ей пришлось в двадцать-то лет! Отвечаешь ведь и за всю бригаду, а в ней двадцать пять человек, и за сдачу объекта. А фронт работ? А обеспеченность материалами? И за качество спросят,— словом, за все. Даже за прогулы, если кто сделает, отвечаешь. К тому же Люся стала заниматься. Решила сдавать вступительные экзамены в КИСИ — филиал Казанского инженерно-строительного института. В общем, слишком большая нагрузка свалилась на ее девичьи плечи...

В вестибюле белого, как выпавший снег, здания филиала КИСИ — глубоко задумавшийся человек. Хмурый лоб прорезали складки. Подбородок подпирает мускулистая рука. Рабочая рука. Это знаменитый «Мыслитель» Родена. С этим человеком Люся встречается пять раз в неделю. Входя, как бы обменивается с ним взглядом. Пять раз в неделю вечером, после работы она слушает лекции и ведет конспекты, решает лабораторные задачи и изучает английский. Маляр, обыкновенная девушка из соседнего поселка, дочь крестьянки, собирается стать инженером. Чтоб это свершилось, допоздна сидит Люся над книгами и чертежами, и до глубокой ночи светится окошко на шестом этаже нового общежития. А вставать утром надо, как всегда, в 5.30. Что же после того удивляться, если девушка в автобусе и вздремнет?

Полное Люсино имя — «Гюлюся», что на татарском языке означает «Пусть цветок растет». Очень подходит Люсе Ямалеевой это имя.

ОТ ВАЗа к КамАЗу

Прямо на ковре на корточках сидят двое: Виктор Георгиевич и Виктор Викторович. «Та-та-тах!» — кричит Виктор Георгиевич. «Та-та-тах!» — еще звонче, краснея от натуги, вторит ему Виктор Викторович и двигает деревянную пушку прямо на отца. Тут и роскошный белогривый конь с коляской, и велосипед, и качалка: «Чтоб вестибулярный аппарат отрабатывал, может, еще космонавтом станет...»

Виктор Викторович — стопроцентный челнинец. Родился здесь, только не в этом новом доме поселка КамГЭСа, а в другом: монтажники муж и жена Деребизовы снимали тогда комнату. Что же касается Виктора Георгиевича, то он считает себя тольяттинцем: строил Волжский автомобильный завод. Однако с таким же правом он мог бы себя считать и норильчанином и омичом. В Норильске строил обогатительную фабрику, в Омске — завод синтетического каучука. Но больше всего, разумеется, он саратовский — хотя бы по анкетным данным о месте рождения. Там и десятилетку и монтажный техникум кончал.

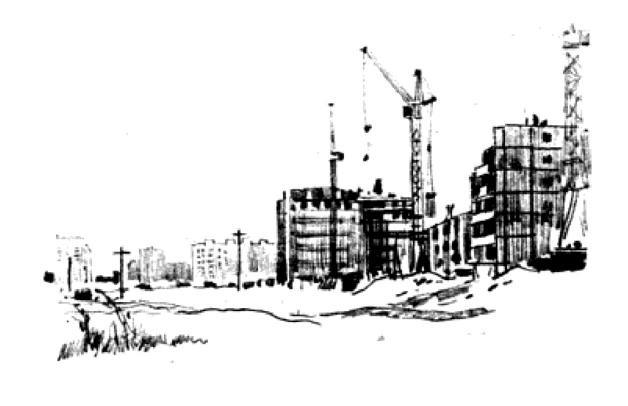
Однако познакомилась я с Виктором Деребизовым не в столь приятной домашней обстановке, а на прессово-рамном заводе. Я давно хотела посмотреть, как «вешают» потолки и крыши на КамАЗе, то есть собирают на земле кровлю корпусов из совершенно готовых утепленных блоков со всей соответствующей «начинкой»: вентиляцией, фонарями, системами труб для горячей и холодной воды, панелями и всем прочим, что находится в цеху над головой. Каждый такой блок, по существу, целый дом: длина его — 24 метра, ширина — 12, высота — 7 метров. То есть два этажа. Мощный кран «СКР-1500» подхватывает готовый сорокатонный блок. Такого крана больше нет пока ни на одной стройке.

Я вспомнила виденное, кажется, совсем недавно, всего лишь пять лет назад, на ВАЗе. Тогда еще не знали блоков. Собирали прессовый корпус и его кровлю дифференцированно, как говорят монтажники, «в россыпь», отдельными элементами: колонны, балки, подстропильные фермы, фонари, плиты перекрытий и так далее. Потом появился горьковский метод. Но и он претерпел изменения. Так шагает современная строительная индустрия. ВАЗ — ГАЗ — КамАЗ. И люди тоже шагают. Деребизов был в Тольятти монтажником, тут — бригадир.

Деребизов, услыхала я, одним из первых здесь освоил конвейерный метод монтажа блоков перекрытий. Вот я и поехала к нему. Кстати, Виктор и в Тольятти строил прессовый корпус. На КамАЗе прессовое производство намного солиднее — целый завод. Монтажные работы ведет челнинское управление треста «Стальконструкция». Начальник управления Александр Сергеевич Сычев — земляк Виктора, тоже саратовский. Вместе они и в Норильске работали и в Тольятти. Сычев сюда назначение получил, и Виктор за ним, потому что оба как истые монтажники-непоседы считают: «Если остаться на одном месте, то закиснешь. Интересно новое дело». А нового тут хоть отбавляй. Работа группы строителей управления, усовершенствовавших и освоивших монтаж блоков, отмечена медалями ВДНХ. Сам Сычев — золотой медали, Деребизов — серебряной.

Однако, как ставят блоки, мне так и не довелось увидеть, потому что готовых, собранных блоков в наличии не оказалось. Подвели поставщики. Энгельсский завод задержал металлоконструкции, а того, в свою очередь, подвели череповецкие металлурги. Вот цепочка и раскрутилась. Что же делает в такой ситуации бригадир и его бригада? Простой?

— Бригада должна быть мобильной, способной переключиться на любой участок,— так рассматривает свою задачу Виктор Деребизов. В брезентовой робе, обвешанный цепью, он только что спустился с «неба», с этажерки кровли, где монтажники устраняют недоделки.— Ждать нельзя.— Как член партбюро, как депутат горсовета, он бьет тревогу везде, где только может: прессово-рамный должен быть закрыт, то есть одет панелями с боков и сверху крышей, и получить тепло. Только при этом условии можно, как это предусмотрено графиком, начать зимой монтаж оборудования.

СЧАСТЛИВЫЙ ГОД

У многих бригадиров я спрашивала: применяете КТУ, коэффициент трудового участия? Он определяет отношение каждого члена бригады к работе. Если кто провинится, то совет бригады снижает ему заработок, вроде штрафа за нарушение дисциплины или халатное отношение к делу. Но главный эффект КТУ не столько в материальном, сколько в моральном воздействии. Человек сразу чувствует, что его осудили товарищи, и не допустит такого впредь. Бригадиры отвечали мне по-разному. Виктор Филимонов прямо сказал: «Какой же это коллектив коммунистического труда, если есть нарушения?» Другой вожак бригады коммунистического труда был иного мнения: «К нам пришло пополнение. Десять новичков. Ребята молодые, кое-кого воспитывать надо. Применяем». А в бригаде Ильфата Сибгатуллина произошел однажды такой случай. Один стропальщик (фамилию его Ильфат категорически отказался назвать) перегрузил подъемный кран. Сделал он это, конечно, не со зла. Прибыла сразу большая партия балок, и рабочий, чтобы ускорить их отгрузку, переусердствовал. Вероятно, надеялся, что кран выдержит, есть же у него запас прочности! К счастью, Ильфат вовремя заметил, остановил стропальщика, а то аварии было бы не избежать: чуть ли не целый вагон балок застропил. Бригадир стал отчитывать рабочего, а тот: «Ну, подумаешь, ничего бы не случилось...»

— Вот это-то нас больше всего и возмутило,— рассказывал мне Ильфат.— Ребята прямо набросились на него: «Мало бы кран выбыл из строя, так мы же внизу. А если бы придавило?» Как видите, особый случай: не прогул, не опоздание и не брак — нарушение техники безопасности. Начальство, когда узнало об этом случае, хотело вовсе от работы отстранить. А нам жалко его стало. Я ходил, просил за него, вроде бы на поруки под личную ответственность взял. Ну, а совет бригады постановил тогда КТУ применить, четыре десятых от зарплаты чтоб было. Стропальщик осознал свою неправоту, ходил как убитый и не из-за этих четырех десятых. Очень тяжело, когда приходится человека наказывать...

В последней фразе Ильфат Сибгатуллин как на ладони весь: тяжело человека наказывать. Требовательный он сам, но и добрый по натуре. Наказывать никого, кстати, больше не приходилось. Бригада сильная, спаянная, в таком составе не первый год. А если говорить об уходящем годе, то выдался он для Ильфата вообще необыкновенным. Начать хотя бы с того, что Новый год справлял он в новом доме, въехал как раз 30 декабря. Бригада же «встречала» уходящий, 1973 год еще раньше, летом 10 августа. Завершила годовой план. И теперь она живет давно не по календарю.

В этом году в жизни Сибгатуллина был день 3 апреля. Ильфат никогда не забудет этот день, как не забудет и то мгновение, кода Раис Киямович Беляев, первый секретарь горкома партии, вручил ему бесценную красную книжечку с портретом Ленина. Происходило это в очень торжественной обстановке — в зале заседаний горкома. Ильфат сидел в первом ряду как именинник. Первым встал и пошел к трибуне, убранной цветами, Виктор Деребизов. Он еще давал рекомендацию Ильфату в партию. Виктору вручали партбилет нового образца. Наконец назвали фамилию кандидата в члены партии Сибгатуллина...

Месяц спустя молодой коммунист стоял на трибуне на Красной площади, у Мавзолея. Строители КамАЗа, вся Татария оказали ему большую честь — послали на праздник Первого мая в столицу. Ильфат и Флюрз, его жена, остановились в гостинице «Россия»; за окном пламенел своими звездами Кремль и светилась отраженными огнями Москва-река...

Живут Сибгатуллины в колоссальном, длиной на целый квартал доме, что на проспекте Вахитова. Строил этот дом Главмосстрой. Челнинцы успели оценить работу москвичей, стремятся получать квартиры в их домах. Уж очень они хороши, комфортабельны, со скоростными лифтами. Но двести метров, что от остановки до квартиры, я преодолевала с огромным трудом, по вязкой, хлюпающей грязи. У подъездов очереди к корытам с водой: все от мала до велика, прежде чем подняться на ступеньки, моют сапоги. Такие же корыта, бадьи, короба повсюду в Набережных Челнах, они словно неизбежная деталь внешнего облика города-стройки.

Я шла за Ильфатом след в след, боясь оступиться, потому что его след тут же затягивала слякотная каша. А за мной след в след шли еще две женщины, одна молоденькая, другая пожилая, видимо, приехала к дочери.

— Как же вы тут ходите, как живете-терпите? — ужаснулась пожилая.

Молодая сделала вид, будто не расслышала вопроса. Интересно, что по этому поводу сказал бы Ильфат, если бы вопрос был обращен к нему? Ступал он широко, смело и как-то удивительно ловко, не скользя и не обрызгиваясь, будто шел по твердым кирпичикам.

— В Коммунарске мы жили на проспекте Ленина. Не город, а рай. Улицы в абрикосах, яблонях и вишнях. Походишь по асфальту, а на ботиночках — ни пылинки. И у нас так будет. Все будет: и сады тоже. Завод-то какой: ма-хи-на. Не сравнишь ни с чем. Посмотрите,— обвел Ильфат рукой.

Вокруг, громоздясь этажами, вздымались один выше другого, дома и дома. И сверкали в ночном небе тысячами изумрудных, аквамариновых, хрустальных, рубиновых окон.

— Вот говорят про грязь. Грязь, это конечно, плохо, но это же временно. Главное совсем в другом. Мы город строим. Нам посчастливилось. Как там у нас, когда едешь на автозавод, на арке написано: «Не всем дано так щедро жить — на память людям города дарить»!

ВИКТОР ФИЛИМОНОВ

И. Пчелко. ИХ ИМЕНА ВОШЛИ В ЛЕТОПИСЬ СТРОЙКИ:

ВИКТОР ДЕРЕБИЗОВ

И. Пчелко. ГЮЛЮСЯ ЯМАЛЕЕВА

БУДЕТ ПРЕССОВО-РАМНЫЙ ЗАВОД

ИЛЬФАТ СИБГАТУЛЛИН

В НОВОМ РАЙОНЕ НАБЕРЕЖНЫХ ЧЕЛНОВ

ТРИ МОНОЛОГА

Ахсан БАЯНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

МОНОЛОГ ВТОРОЙ

Анис-энем!

Когда человеку доверяют, он становится доверчивее. Если хочешь, чтобы я все рассказала тебе, поверь мне. Поверь своей Наркес-апа!

Ты нечасто бываешь в нашей деревне Череккуль. Скажешь, в нашей деревне мало привлекательного? Растянулась она вдоль речки Базы, утопает в зелени. Много прошло людей через нашу деревню. С кем только не приходилось встречаться с тех пор, как я поселилась здесь! Раньше я была очень внимательна к прохожим. Теперь я стала к ним безразличной — и взгляда не брошу на тех, кто проезжает или проходит мимо. А в нашей деревне — да ты знаешь!— если появился незнакомый человек, все женщины, как по команде, прилипают к окнам. Нисколько не стесняются. Следят, пока тот не скроется из глаз. Давно и я это делала, только уже забыла когда. Но однажды...

Трава на нашей улице зеленая, очень зеленая, приятно окинуть ее взглядом. И вот я увидела на лужайке незнакомого человека. Человек стоял среди детей и разговаривал с ними. Маленькая девочка вдруг попросила:

— Абый, покажи нам руки.

Незнакомец вытянул руки ладонями вверх, и девочка, как цыганка-гадалка, стала их внимательно рассматривать.

— Ты хороший человек, дяденька,— сказала девочка.

— Почему?

— Плохой человек показывает руки, сжатые в кулаки.

Человек улыбнулся и пошел своей дорогой. Но дети догоняли его, спрашивали:

— Дядя, к кому ты пришел?

— Почему ни к кому не заходишь?

Девочка, говорившая с ним,— моя младшая дочь Альфия... А незнакомый прохожий? Мне показалось, это был ты, Анис-энем. Да, это был ты. Спасибо тебе, что через четверть века вспомнил обо мне. А все-таки я хочу знать, почему ты не зашел к нам в дом?

В этой деревне, кроме меня, никто тебя не знает. Я видела — ты посмотрел на наш дом. И даже догадываюсь, о чем ты думал в это время. Ведь мы с тобой были очень и очень близки.

А все-таки, почему же ты не навестил меня? Как мог пройти мимо и не поговорить со мной, не посмотреть в глаза мне, Анис-энем?

Мой дом ничем особенным не выделяется среди других домов деревни. Если сказать, что вербами,— так они выстроились по всей улице. Может быть, шиферной крышей или телевизионной антенной? Так нет, и шиферных крыш и антенн таких теперь много, а из года в год их становится все больше.

В каждом доме хлопочут по хозяйству такие же, похожие друг на друга женщины. Загорелые, обветренные лица, одного фасона фартуки и платки, даже манера разговаривать почти одинаковая. Но на одну ты все же обратил внимание, даже приостановился, задумался о чем-то. А она обыкновенная. Когда-то была красивой и задиристой девушкой. Теперь у нее девять детей. Героиня!.. Старший сын окончил институт — у него своя жизнь, остальные учатся. Самая же младшая рассматривала твои руки на лужайке.

Да, наш дом такой же, как все другие. У нашего дома, в нашей семье такие же, как и везде, заботы, радости. Но есть еще у нашего дома и одна тайна. Она, эта тайна, живет в нашем доме. О ней не знает муж, дети — тем более. А ты, Анис, о ней знаешь. Эта женщина хлопочет целыми днями возле печки и думает, думает: она живет прошлым, она хранит тайну. А если подумать — у каждой женщины ведь была молодость, у каждой осталась в памяти своя тайна. Но не всякому встречному поведаешь о ней.

Когда у меня на душе тоска, я вспоминаю о тех днях, когда было так весело, когда беспричинно звучал смех, вспоминаю ясные зори, ласковые вечера, нежные слова, сказанные только мне одной. Теперь-то все это во много раз стало желаннее, потому что теперь, как ни захочешь услышать те слова, почувствовать ту ласку, не услышишь, не дождешься.

Тоскую я о ночном шелесте деревьев, о шорохе трав. Я вижу парня и девчонку, босиком разгуливающих в лугах. Тогда только для них звучали песни о любви, только они двое понимали тайный смысл, скрытый в словах. Для других слова были обычными, для них — особенными.

Если остаюсь одна, я забываю про все житейские заботы, я пою, пою не теперешние веселые песни, а прежние, старинные — протяжные и унылые. Голос мой теперь не тот, да и поддержать песню некому. А раньше был такой человек. Этого человека звали Ильдархан.

Теперь уж я потеряла его навек.

Ты, наверно, помнишь, как приехал он после войны. Когда машина остановилась возле магазина в соседней деревне, мне позвонили по телефону. Я успела только сообщить новость директору школы и побежала в вашу деревню. Я так спешила, что много раз спотыкалась и падала. Я не видела дороги. И вот уже осталось до деревни километр-полтора...

Когда вы шли по мосту, я смотрела на вас с горы, потом бросилась к нему, к моему Ильдархану, только никак не могла узнать его. Да, это он, Ильдархан... Но как изменился, как изменился...

Мой Ильдархан был очень красив. Смеющиеся карие с поволокой глаза, в которых не затухала любовь. Любовь к жизни, ко мне. Чистый овал лица, белые зубы. Светлым, сияющим месяцем был мой Ильдархан. Такого джигита проводила я, такого джигита я и ждала. А передо мной... Кто же так успел изменить его? Годы? Война? Где, скажите, тот... мой Ильдархан?

Да, совершенно чужой человек подал мне руку, даже улыбка была чужая. Я и слова не могла сказать, я не знала, что сказать, и только пошла рядом.

Помню, как после обычной в таких случаях суматохи сели за стол. Я все время держалась в сторонке, все надеялась, что Ильдархан постарается побыть со мной наедине, скажет мне слова, которые хранил годы, но он не замечал меня. Ему нравилось быть в центре внимания, и я не знала — то ли его не отпускали гости, то ли он сам не хотел оставлять их.

Началось застолье. Раскупорили бутылки, провозгласили первый тост за вернувшихся с войны. Поднял стакан Ильдархан, пригубила и я немного. А потом вышла во двор и в саду стала ждать Ильдархана. Несколько часов ждала, но он не вышел. Шум, гам за окном, пьяные песни. Ильдархан, которого я любила, поступил бы иначе.

Наконец все повалили во двор. Но пьяная болтовня продолжалась. Ильдархан тоже прошел в сад, но он не искал меня, а увидел случайно и удивился:

— Ба-а-а, Наркес! Чего ты тут делаешь одна?

— Не знаю...

— Как это не знаешь? Ах, Наркес, Наркес!

Взял мои руки в свои, но руки его были не теми, прежними, горячими и любящими, они были твердыми, холодными, равнодушными.

«Нет, это совсем другой человек. Другой и чужой». И словно бы в подтверждение этим словам пахнуло на меня водочным перегаром и запахом крепкого табака. Мой Ильдархан не пил и не курил. Этот Ильдархан обнял меня, противиться я не стала.

Да, многие мужчины вернулись с войны огрубевшими душой. Их осталось мало, они знали это, и оттого некоторые возгордились. Бедные женщины старались приспособиться к ним, приноровиться и часто тем самым унижали себя. А я никогда не смогла бы так, не могу я терпеть высокомерия и показного, незаслуженного превосходства. Мужчина должен уважать женщину, как... как, скажем, Исанбек абый...

Не буду скрывать: в первую ночь, после той гулянки, были слова о том, как стосковались, как ждали мы встречи, но в словах этих не было прежней естественности, прежней чистоты. Любовь, все прекрасное было где-то далеко от нас. В этот первый час свидания мы должны были бы, наверно, говорить о том, что волновало наши сердца, о нашем прошлом и нашем будущем, говорить о счастье и любви нашей, о наших мечтах... Сколько слов должно было накопиться за долгие годы разлуки! А их не было...

Нет, я, видно, слишком много требовала — ведь Ильдархан только что с дороги, он очень устал.

Вот уже и рассвет. Я встаю с постели. В окно пробился первый яркий луч солнца. Ильдархан спит. Спит спокойным сном.

Ах, если бы мой Ильдархан был прежним, он давно почувствовал бы, что я встала. Он проснулся бы и стал бы тормошить меня, ласкать, рассеял бы все мои сомнения, как Исанбек абый. Это он объяснил мне, какое великое чувство любовь, как это чувство прекрасно. Это он открыл мне на многое глаза. Если бы я не встретила его, может быть, и не

Окончание. См. «Огонек» №№ 50, 51.

чувствовала бы теперь так остро тех изменений, которые произошли в Ильдархане.

Ах, Исанбек абый, Исанбек абый... Чувствую, очень хорошо чувствую я, насколько Исанбек абый умнее, внимательнее, прекрасней! Если бы я не повстречала Исанбека абый! Я думала, что эта встреча — случайность, и только. Всего лишь временный интерес, увлечение, которое быстро проходит. А он навсегда лег мне на душу тяжким грузом. С тех пор я не могу прятать беспокойную боль, которой он заразил меня. Ильдархан должен об этом знать. Я должна быть чистой перед ним, и он должен меня простить.

Помню, как я впервые выпила вина, когда провожала Ильдархана в армию. Вдруг легким стало тело, перед глазами все играло и цвело, ноги сами собой пустились в пляс. Заботы, печали, расставание — все вдруг оказалось пустяком. И одно только чувство захватило меня: я кого-то люблю очень сильной, бесконечной любовью. Это чувство походило на вино: оно было сладкое и чуть терпкое, оно пьянило, разжигало костер в груди.

При первой встрече Исанбек абый взглянул на меня необъяснимо многозначительно, в его глазах были робость и намек, растерянность и еще что-то неуловимое. Его волнение вдруг передалось мне, и неясное беспокойство перевернуло мне душу. Отчего это, отчего?

Не буду скромничать. Не раз ловила я на себе мужские взгляды. Одни смотрели с восхищением, другие с интересом, третьи раздевали взглядом. Я осмелилась и тоже внимательно взглянула на него, и вдруг у меня закружилась голова.

Исанбек абый любил рисовать. Рисовал разное, но чаще всего из-под его карандаша появлялась птица. И обязательно с одним крылом.

Я спросила как-то, почему у птицы одно крыло.

— Потому что другое она потеряла,— ответил он и больше ничего не сказал.

Легко было догадаться, что рисовал он однокрылую птицу неспроста. Однажды, когда его не было дома, я посмотрела внимательнее на рисунок и обнаружила надпись: «Будьте счастливы!» И мое сердце охватила тревога.

Как-то утром я встала пораньше. Думала, что Исанбек абый еще спит — он лежал тихо-тихо. Я подошла к его кровати, взглянула и увидела в глазах слезы. Он не заметил меня, смотрел, казалось, в себя, и такая безнадежная тоска была в его глазах! На всю жизнь я запомнила этот взгляд, и глаза, и слезы. Я поняла тогда, что человек этот скрывает трагедию. Спрятал ее далеко, но она проглядывает. Видно, слишком велика она, и нельзя ее спрятать так, чтоб не заметили. Кто-то должен разделить с ним эту боль.

Мне не приходилось раньше встречать глубоко несчастного человека, скрывающего свое несчастье. Он первый. И я должна помочь ему. Не помочь — это было бы просто бесчеловечно. Но как? Не знаю, не могу придумать, а оттого и мучаюсь.

Стараюсь узнать об Исанбеке абый как можно больше, собираю по зернышку. Сегодня одно слово услышу нужное, завтра другое. Стараюсь не отходить от него ни на шаг. Пытаюсь его расспрашивать. То, что я принимаю в нем такое участие, ему нравится, он оживляется, смеется порой, но стоит ему остаться одному — и снова уныние, тоска в глазах.

По мере того, как для меня стало кое-что проясняться, тревога и страх мои росли. И наконец я поняла: он за всю жизнь не знал ласки, не имел рядом такого человека, который согрел бы его, дал радость, стал близким, и вот он потерял надежду, разуверился.

Не смотри на меня, Исанбек абый, таким отрешенным взглядом. Не надо... Неужто ты поверил, что так и уйдешь из мира однокрылой птицей? Нет, я не допущу этого. «Что же это за чувства появляются во мне?— думала я.— Или пришла другая любовь?» Не знаю, не знаю. Но что бы там ни было, а результат вот он: человек перевернул всю мою душу и уехал. Уехал, совершенно переродив меня. Да, я стала другим человеком! Иначе разве я смогла бы теперь сидеть возле спокойно спящего Ильдархана, охваченная такими думами. С такими мыслями — возле него... Я виновата... Я обманщица!

— Ильдархан, я виновата перед тобой!

Спокойно спящий Ильдархан сразу открыл глаза.

— Что ты сказала?

— Я виновата, Ильдархан.

— В чем виновата?

И я все рассказала ему. Напоследок добавила:

— Только знай вот что: как бы там ни было, но я не собиралась оставлять тебя. И не оставлю. А то, что случилось, изменой не назовешь.

— Что же это тогда такое?— спросил Ильдархан и, не дожидаясь ответа, оделся и вышел.

Он не простил, он не понял и обрек себя и меня на пожизненное страдание. Тот Ильдархан, которого я любила, простил бы меня, какой бы ни была моя вина.

Я знаю, что преступление всегда влечет за собой наказание. И я приняла наказание. После проводов Ильдархана я много, очень много думала и стала вдруг бояться смотреть своим ученикам в глаза. Веду урок, а сама читаю в глазах детей осуждение. Будто они знают все. Знают, только не смеют сказать осуждающих слов.

«Как ты можешь учить нас?— спрашивают их глаза.— Тот, кто взращивает добро, святость чувств, должен быть прежде всего сам во всем чист». Каждый день, входя в класс, я мысленно слышала такие упреки. Если бы хоть кто слово сказал мне осуждающее, я бы выплакалась досыта и, возможно, успокоилась. А так... Сколько же можно терпеть наказание? Я подала заявление об уходе из школы. Не отпустили. Словно специально решили продлить мои мучения.

Пришло время, когда стало недостаточно общего среднего образования для учителя. Принялись меня уговаривать поступить заочно в институт. Но я снова подала заявление об уходе. Удивились. Другие, мол, хотят учиться, расти, а у тебя такая возможность...

Я уволилась и стала работать на ферме.

Ах, почему ты не зашел ко мне, Анис-энем? Когда праздновали двадцатипятилетие великой Победы, я увидела Исанбека абый.

Мы — наша семья и гости — смотрели по телевизору документальные фильмы о войне. Дети шалили, а взрослые сидели притихшие. Иногда лишь вспомнит кто-нибудь эпизод-другой, потревожит старую рану — и снова тихо. А на экране — взрывы бомб и снарядов. Страшно.

Лагеря смерти... Тысячи глаз смотрят на нас через расстояние в четверть века и молят: помогите! Ах, эти глаза! Тоскливые, ужасные! Такие глаза могут быть только у того, кто совершенно отчаялся, кто уже давно простился с жизнью.

И вдруг я увидела глаза, очень мне знакомые. Да, знакомые! Я знаю эти глаза, но никак не могу вспомнить, чьи они. Кого-то очень знакомого, нет, близкого. Да и как вспомнишь? Ведь передо мной живой скелет — в чем душа держится, и я удивляюсь, как человек этот еще стоит и не только стоит, а даже ходит. А он идет, идет ко мне, идет прямо на меня.

— Ай, ай!

Только потом, когда мои дети, все гости принялись успокаивать меня, только тогда поняла, почему я кричала таким душераздирающим, страшным голосом...

— Что случилось?

— Что с тобой?

Спрашивал меня муж, спрашивали обеспокоенно гости, а я молчала. Я сидела будто в беспамятстве и слова вымолвить не могла. Дали мне холодного айрана, заставили выпить, только никто не догадался выключить телевизор. Я отвернулась от экрана и понемногу пришла в себя, вернулась из далекого прошлого в сегодняшний день.

Долго еще расспрашивали домашние, отчего я так испугалась. Но что сказать им? Не могла же я рассказать, как через четверть века умирающий человек спешил ко мне. Я даже не могла назвать его имени и лишь повторяла про себя:

«Исанбек! Исанбек, дорогой мой!»

Да, да, в душе я говорила ему эти слова. Почему так ласково?.. Сама не пойму. Если бы кто-нибудь попросил объяснить — не смогла бы. Не смогла бы тогда, не могу и теперь. Мы и себя ведь по-настоящему хорошо не знаем, а беремся рассуждать о других...

«Исанбек, дорогой мой Исанбек...»

Текут и текут слезы из моих глаз.

Прежде чем я отвернулась от экрана и закричала, в моих глазах остался Исанбек... Его уводили куда-то. Я слышу пулеметные очереди, вижу трубу крематория, черный дым до неба.

«Исанбек, дорогой мой!»

Как только подует ветер, все ивы, растущие вдоль речки Базы, и все березы, посаженные возле домов, начинают кланяться, качаться, шуметь. Но я думаю, шумят они не от ветра, они, эти ивы и березы, тоже тоскуют, все ждут кого-то и ждут. Они ждут не вернувшихся с войны. А еще они в дождливые дни плачут о моей юности, затерявшейся бесследно в далеком прошлом, в необозримом далеке.

Бывает и так. Наступит ласковый, хороший вечер. В такой вечер ивы и березы говорят мне: сегодня день был прекрасным, но он прошел. Сколько ни тоскуй, ни жалей о прошлом — его не вернешь. Был день и была юность, но как прекрасен вечер и как полна теперь твоя жизнь! Цени это. Ты теперь подобна яблоне, которая опустила свои ветви под тяжестью плодов. Тяжело яблоне, но она гонит и гонит питательные соки, соки земли к своим листьям и плодам, она радуется дождям и солнцу, она живет. Живи и ты ради детей.

И я говорю в ответ березам и вам: спасибо. Спасибо, я живу. Я вижу красоту вечера и любуюсь им. А на рассвете прерывается мой сон. Его прерывает знакомый, желанный голос. Голос моей первой любви. Он окликает меня, говорит:

«Наркес, зачем ты живешь там, где погибло твое счастье? Зачем ты там, где так безжалостна была к тебе жизнь? Идем туда, где нас не знает никто, где никто ничего дурного не слышал о нас, где некому напомнить о прошлом. Идем в чужие края!»

Отвечаю я:

«Нет, Ильдархан, никакие чужие края не станут нашим спасением. И давно я уже не твоя. Я давно живу другими думами, другими заботами, я давно начала новую жизнь. Прощай, желаю тебе всего доброго!»

Прощай, Ильдархан милый...

МОНОЛОГ ТРЕТИЙ

Ах, Анис, Анис! Странный ты человек. Тебя трудно понять. К чему говорить о том, чего никогда не вернешь.

«Что бы ты сказал Исанбеку абый, Наркес?» — спрашиваешь ты. А что бы я им сказал? Обижаюсь? Нет, братишка.

Всяких людей я видал в жизни. Мне частенько говаривали: «Тот, кто счастлив, чужого счастья не разрушит». И ты вот говоришь то же самое. Весьма справедливо. Ты ведь в университете учился! Но и я не хуже твоего умею вести пустопорожние разговоры. Твоего Исанбека абый и твою Наркес апа пожалеть надо, посочувствовать им. Не меня — себя они опозорили. Опозорили так, что трудно на глаза людям показаться. Моя же совесть чиста. Я тебе вот что скажу, если не знал до сих пор, так знай: несчастье другим приносят только несчастные люди. А ты будь счастливым.

Что было у нас с Наркес, то было и давно быльем поросло. Теперь каждый из нас поумнел.

Ты найди себе стóящую девушку. А то ведь среди них все больше таких: ты стараешься поднять их имя в синюю высь, а они твое затаптывают в грязь. Ты это запомни. Хорошенько запомни! Уж кто-кто, а я это проверил.

Когда мы с тобой пасли деревенское стадо, у нашей соседки Хатираттай овца принесла ягненка. Помнишь, наверно. Появление летнего ягненка издавна считалось к счастью. Я, словно ребенка маленького, внес того ягненка в их двор. Хатираттай обрадовалась, точно богатство пришло к ней. Какой же, говорит, дать тебе выкуп? Что подарить за доставленную радость? Ничего, говорю, не надо мне, пусть вам счастье будет. Нет, Ильдархан, отвечает Хатираттай, так не годится. Благое дело дороже зо-

лота стоит. И вот что мы сделаем. Ягненок наш — барашек, оказывается. Давай вырастим его, а когда зарежем — овчину я отдам тебе. Такая овчина на полу не валяется.

Согласился я. Спасибо, Хатираттай, говорю. Помнишь, должно быть, как мы с тобой читали сказку о золотой овчине. Или золотым руном она называется — этого не помню... А подумал я тогда, что, может, та овчина и будет моим золотым руном.

А через десять дней золоторунного ягненка затоптали коровы, овцу волк уволок...

Горевал я, но недолго. У меня, мол, есть самое большое счастье — Наркес. Она всегда будет со мной. Я верю в нее и надеюсь на нее. Но все-таки я стал бояться, как бы и ее не уволок какой-нибудь волк. Когда пришла пора идти в армию, тоска меня охватила. Видно, чувствовало сердце, что подстерегает девушку зверь. И чтобы было надежнее, предложил я ей зарегистрироваться. Она согласилась. Можно подумать, если девушка стала тебе женой, то будет она твоей навеки. Глупый я, глупый...

Жалкие мечты, пустые надежды!

В армии основными моими занятиями были военная подготовка и письма к Наркес. Не меньше ста писем в месяц писал я, ей-богу. Поэтому, наверно, и не думала много она обо мне. Я же о каждом часе своем в письмах рассказывал. Учти и это, брат. Не увлекайся слишком, не воспитывай в человеке зазнайство, эгоизм, если говорить по-вашему, ученому. Вообще-то, сказать правду, Наркес мои письма без ответа не оставляла. Писала, что каждый день, каждый час моей службы считает. И я верю этому до сих пор. Она, надо сказать, никогда не знала, что такое ложь и обман.

Перед отправкой на фронт написал я ей письмо. А она ответила, что и после окончания войны будет ждать двадцать лет. Эти слова были написаны уже после того, как Исанбек побывал у нас.

А я, когда наш эшелон подъезжал к станции, готов был выпрыгнуть из теплушки, плакать, рыдать. Еще километров за двести на каком-то разъезде заметил я стоящих на перроне женщину и мальчонку — и сразу представил: мальчонка — это ты, а женщина — Наркес.

Так и на войне, в каждой освобожденной деревне, казалось, ждет меня встреча с нею, с вами. Сквозь дым и пламя, сквозь взрывы и смерчи я видел ее. А я многое повидал.

Представь себе понтонный мост. Я шофер, сижу за рулем. В кузове снаряды. Бомбежка. Гром, треск. Закрыл я глаза — и вот она, Наркес. И, веришь, исчез куда-то страх. Я рванул машину с места и без остановки, на полной скорости — по мосту. Доставил груз, куда надо, вовремя. Тогда и дали мне медаль «За отвагу».

Теперь вот тоскую о тех... днях. Смешно, странно, но что поделаешь. Вся моя жизнь порушилась после окончания войны. А я приехал, помнишь, победителем. Вся грудь в медалях, счастливый, гордый...

Когда Наркес бежала ко мне, я готов был поднять ее на руки и так нести хоть на край света. Но она вдруг остановилась, и в глазах ее промелькнули отчуждение и испуг. «Эта не та Наркес, которую я оставил»,— пронеслось в голове. И так оказалось на самом деле. С первых же слов я почувствовал: не любит она меня. Любит другого. Кого? Разговоры об Исанбеке доставляли ей наслаждение. И я все понял. Я понял, кого любит она.

Неужели я должен был жить с ней, зная, что она бредит другим? Она изменила мне в то время, когда я видел ее под бомбежкой, в огне, на мосту. Такое простить?! Нет!

Я твердо решил никогда не возвращаться к Наркес. Я уехал и написал ей, чтобы не ждала меня, выходила за кого-нибудь замуж. В душе же все равно горела, пусть тускло, как коптилка, но все же горела надежда, пронесенная через войну. Наркес, мол, не поверит моим словам, а даже если и поверит,— попросит прощения, многое передумает, не поспешит делать еще одну глупость — выходить замуж. Я верил, она забудет о своем увлечении, она вновь полюбит меня. Прошло уже не так и много дней после моего письма, и Наркес апа вышла замуж.

Говоришь, следовало сразу простить, а не письмо писать? Тогда бы не вышла замуж? Умный совет. А куда же мне было девать то, что и словами не выразить? Чем больше я убеждал себя простить, тем больше горело сердце. Чем больше оправдывал ее, тем больше накипало злобы...

Вот так, братишка. Желаю тебе поумнее, чем я, свою жизнь построить. Может быть, ты правильно говоришь, надо было найти другую, полюбить другую. Правильно, надо было. Может быть, ты сумеешь так, а я не сумел. У меня, прошу прощения, не получилось.

Много встречал я девушек. Чувствовал, что я им нравлюсь. Да и в нашей деревне некоторые девушки пробовали объясниться мне в любви. Но они, когда я уходил в армию, были еще девчонками. Сколько я их знал, они уважали меня, уважали, как старшего брата, как дядю. Мог ли я смотреть на них иными глазами?

Если бы они были ровесницами Наркес, может быть, и заменили бы мне ее. Может быть...

Да, всякие попадались, но ни одна из них не показалась мне близкой, родной. Я всегда одно видел в их глазах — желание во что бы то ни стало выйти замуж. А любовь... О ней они и не думали. Любви у них не было ко мне.

Как-то я познакомился с девушкой по имени Адиль. Уехали мы из деревни, путешествие как-то быстро сблизило нас, и вдруг у меня зародилась тайная, пусть слабая, но надежда, что я смогу позабыть Наркес. Я подумал: а не нашел ли я новое счастье? Тем более мне была приятна мысль, что Адиль ничуть не походила на Наркес.

Случилось так, что нам пришлось расстаться ненадолго. Потом мы встретились, как чужие. То ли растеряла она свои чувства, то ли... Во всяком случае, жить вместе мы уже не стали, не могли. Она была далека от меня, я от нее. И нужна мне была снова только Наркес. Только она, моя Наркес!..

Мы говорим: от любви до ненависти — один шаг. Ты как считаешь, это верно? Если голова есть на плечах, не верь! Это мещане, неспособные достойно пережить свое поражение, придумали такое. Ты им не верь. Нечто вроде любви есть даже у зверей. Яд и любовь несовместимы. Никогда не могут быть совместимы! Любовь настоящего человека, настоящая любовь, никогда не превратится в ненависть.

Мы разошлись с Наркес, но слышал ли ты от меня хоть одно плохое слово о ней? Или, может, когда-нибудь с ее языка слетало обо мне плохое слово? Нет. Да, только она одна — моя любовь! Только она. Не нашел я никого, кто бы мог заменить ее, никого больше я не мог назвать своей, жить хоть миг душа в душу. И знаю, не нашел и, возможно, никогда не найду...

Наркес!

Светлее, чище тебя, должно быть, нет человека на земле. Поэтому не могу простить...

Ты не успокаивай меня, Анис, ладно. И не учи уму-разуму. Молод еще. Я давно сам все знаю. Какое там осуждение!.. Нет, если я и ругаю ее, так только как близкого, дорогого человека. Да и невозможно ругать человека за то, что он попал в беду. Уж не твои ли это слова?

Да, прежнего Ильдархана нет. Нет того Ильдархана, о котором тоскуете вы, его я и сам теперь ищу. А пуще того ищу Наркес. Всюду ищу!

Перевел с татарского Н. НЕФЕДОВ.

Н. КОЗЛОВСКИЙ

Архив фотокорреспондента — кладезь интереснейших тем. Идут годы, и вдруг — неожиданная встреча с героем старого репортажа. Как сложилась его жизнь, кем он стал, где работает!..

Сегодня мы рассказываем как раз о таких встречах фотокорреспондента «Огонька» Николая Козловского.

медицинских наук, работает в Институте геронтологии АМН СССР. Врачами стали и Лариса Качала, Галина Мельничук, а Елена Галицкая — инженер-механик. В Киевском пединституте работает бывший завуч школы Марсель Ивановна Бойко — ныне кандидат филологических наук.

Многочисленные почитатели таланта народного артиста СССР Ивана Сергеевича Паторжинского узнали, что он не только прекрасный певец, но и замечательный дед. Его внучка Наташа не изменила детскому увлече-

— Не узнаете! Я тот самый школьник из села Ясеня, которого вы фотографировали в Карпатах. Теперь я тоже стал фотокорреспондентом, работаю в молодежной газете Винницы.

Лаборант Геннадий Пастушенко помогал наклеивать фотографии на картон... И вдруг улыбнулся:

— Не может быть, чтобы это была Люда!

— Какая Люда! — удивился автор снимка.

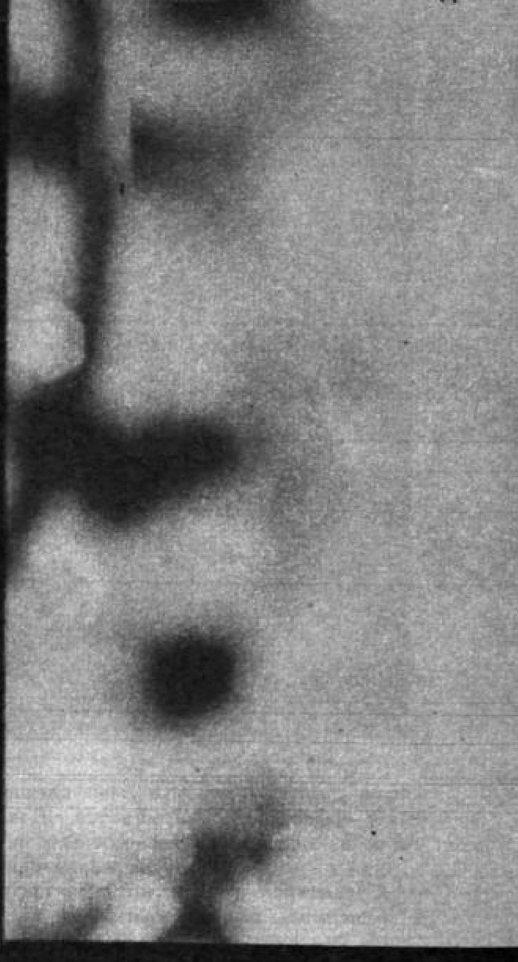
— Вот эта, которая лепит снеговика.

— Верно, справа Люда, а слева Таня. Обе девочки

Прием в комсомол. 1953 год.

Двадцать лет спустя почти в том же составе...

ДВАДЦАТЬ Л

Семиклассницу Светлану Карпову принимают в комсомол... На всю жизнь запомнила девушка этот день. Но разве могла она предположить, что через двадцать лет снова соберется комсомольское бюро, на этот раз в гостях у бывшего директора школы заслуженной учительницы школы УССР О. Ф. Кривошея. За эти годы Светлана Михайловна Карпова стала кандидатом

нию и стала преподавателем музыки. Хочет стать музыкантом ее сын Ваня, правнук И. С. Паторжинского. У Вани есть своя скрипка, кларнет и даже маленький дирижерский пульт.

С Сашей Гордиевичем Николай Козловский встретился в Киеве, на семинаре фотокорреспондентов. Саша достал сложенную вчетверо обложку «Огонька» и спросил:

из детского сада завода «Арсенал» имени Ленина.

— Теперь Люда моя жена! И она и ее подруга Таня Врублевская работают на «Арсенале», обе стали техниками-конструкторами. А наш сынишка ходит в тот же детский садик «Звездочка», где вы когда-то сфотографировали его маму.

С. КАЛИНИЧЕВ

Галина Мельничук.

Светлана Карпова.

ЕТ СПУСТЯ...

Елена Галицкая.

Лариса Качала.

Наташа Паторжинская с сыном Ваней, 5 января 1973 года.

Техники - конструкторы завода «Арсенал» Людмила Пастушенко и Татьяна Врублевская.

Люда и Таня в детском саду.

Мария Сидоряк и Саша Гордиевич. 1949 год.

— Деда, неверно поешь! 5 января 1953 года.

Фоторепортер Александр Гордиевич. 1972 год.

К 80-ЛЕТИЮ А. А. КАРАВАЕВОЙ

РАДОСТЬ ТВОРЧЕСТВА

В 1922 году из-под пера 29-летней учительницы Анны Караваевой вышел первый рассказ. С тех пор прошло более полувека. Ее романы, повести, рассказы, очерки, публицистика заняли достойное место в советской литературе, завоевав признание миллионов читателей.

Каждый приходит в литературу своим путем. Окончив знаменитые в России Бестужевские курсы, Анна Александровна стала педагогом — сперва учила детей, а потом преподавала в совпартшколе, где за партами сидели взрослые люди, только что вернувшиеся с полей гражданской войны. Она обучала их грамматике и литературе, а они передавали ей свой революционный накал, свой жизненный опыт. Кто знает, может быть, именно это общение с людьми, взращенными революцией, опаленными ее бурями, дало возможность молодой учительнице почувствовать в себе живительный приток сил, обогатило и расширило круг ее представлений и размышлений, увлекло на нелегкий путь литературного творчества. К тому же природа не обошла ее зорким зрением, тонкой наблюдательностью. Душа ее была раскрыта всем ветрам молодой революционной жизни. В 1926 году, уже писательницей, Анна Караваева стала членом Коммунистической партии.

Она долгое время работала в Сибири и на Урале, и это ясно ощущалось в ее творчестве. Опубликованная в 1925 году историческая повесть «Золотой клюв», рассказавшая об алтайских рудокопах, об истории этого богатейшего края, привлекла внимание читателей свежестью подхода к теме, знанием исторического материала, сочным языком, ярко выписанными характерами. Через год появилась повесть «Двор», рассказавшая о первых годах Советской власти и о переменах, происходивших в сибирской деревне. Стало ясно, что в литературу пришел мастер, обладающий и острым видением жизни и броским талантом. А потом появились романы «Лесозавод», «Лена из журавлиной рощи», сопровождаемые соцветием рассказов и очерков.

Голос писательницы звучал сильно, звонко, проникновенно.

С 1931 по 1938 год Анна Александровна совмещала свою не прекращавшуюся ни на один день литературную деятельность с редакторской работой в журнале «Молодая гвардия». Именно в те годы, когда она руководила журналом, на его страницах появился роман «Как закалялась сталь» Н. Островского, которому суждено было стать эпохальной книгой.

Во время Великой Отечественной войны Анна Караваева работала корреспондентом «Правды» на Урале, который в ту грозную пору был могучей кузницей вооружения для Советской Армии. Трудовой подвиг советских людей явился главной темой публицистических выступлений писательницы. В сороковых годах ее основной работой была трилогия "Родина", состоявшая из трех романов: «Огни», «Разбег» и «Родной дом».

Жизнь сталкивала писательницу с большим кругом людей. Ее воспоминания о Н. Островском, П. Бажове, А. Серафимовиче, А. Фадееве, Я. Купале, Б. Левине отличаются точными характеристиками, умением подметить у своих товарищей по перу главные, определяющие черты творчества и человеческого характера.

Пятнадцать лет тому назад Юрий Либединский в очерке «Живая душа» писал об Анне Караваевой: «У нее живой, красочный язык, своеобразие которого выражается в том, что в книжно-интеллигентный склад речи вдруг врываются образные обороты далекой уральской и сибирской деревни». Действительно, уральские и сибирские узоры, которые искусно вплетаются в речь людей, живущих в романах Анны Караваевой, характерны для творчества писательницы.

Анне Александровне восемьдесят лет, возраст почтенный. Но еще сравнительно недавно она говорила мне, как ей дорог писательский труд, как ее радостно волнует вид чистой бумаги на письменном столе, что ей всегда хочется писать и творить. Думается, что этот жар творчества, который вот уже полвека неугасимо горит в ее сердце, сопряженный с познанием жизни, с умной и тонкой проникновенностью в суть бытия, и дал ей возможность создать целую библиотеку книг, которые дороги людям.

Ник. КРУЖКОВ

ГОД 1973-й, ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ

Анатолий СОФРОНОВ

...А мы все чаще смотрим на календарь. Последние дни 1973 года. Что они, эти дни и часы, принесут человечеству? Что они еще принесут советскому народу, который надолго запомнит этот знаменательный и чем-то особый год коренных изменений и новаторских поворотов в международной политике, событий, которые впрямую обратили человечество на путь прежде всего заботы обо всем человечестве и о каждом человеке, где бы он, под каким бы хладным или знойным небом ни проживал.

На все нужно время. Нужно время и на то, чтобы за отдельными фактами и событиями увидеть целое, единое, последовательное. И не только увидеть, но и осмыслить логическое и целеустремленное развитие тех истоков, откуда пошли во всем мире (а если все охватить взором и глубоко проанализировать — именно во всем мире) те животворные и обнадеживающие перемены. Истоки эти были рождены решениями XXIV съезда КПСС, принявшего историческую Программу мира. Провозглашенная в докладе Генерального секретаря Центрального Комитета нашей партии Леонида Ильича Брежнева, она была единогласно принята XXIV съездом. Навсегда останутся в сердце и в памяти у нас, делегатов съезда, незабываемые дни заседаний XXIV съезда, начертавшего и утвердившего программу жизни, программу борьбы человечества за мир. Помнятся встречи делегатов съезда с многочисленными гостями, представителями коммунистических, рабочих и социалистических партий, с теми, кто приехал на съезд, будучи лидерами национально-освободительных движений Африки, Азии и Латинской Америки. Как же могут быть забыты рукопожатия Амилкара Кабрала, позже ставшего жертвой подосланного империалистами убийцы, или слова привета и дружбы Луиса Корвалана, ныне заточенного чилийской фашистской хунтой в концентрационный лагерь на пустынном острове возле Огненной Земли?!

Это был съезд не просто созидателей и строителей новой советской жизни, но и съезд тех, кто никогда не отделял и не отделяет судьбу своего народа от судеб народов всего мира. И хотя времени от XXIV съезда нашей партии до нынешних дней прошло не так много, а уже зримо видны исторические вехи реального осуществления этой великой Программы. И вместе с этим видно и реально ощущается активное противодействие этому курсу апологетов империализма, чувствующих, как редеет вокруг привычная и такая желанная для них атмосфера антисоветизма и антикоммунизма. Впрочем, ради сохранения этой атмосферы они идут на любые авантюры и подлости, только чтобы как-то затормозить могучее движение народов, всех прогрессивных общественных сил нашей планеты в их несгибаемой решимости и уверенности в возможности предотвращения новой войны и термоядерной катастрофы. Не так все просто в достижении этих целей народами земного шара, но уже и не так просто противникам разрядки в международных отношениях сохранить напряженность и состояние агрессивности духа. Все дело в том, что усилия миролюбивых государств помогли силам мира нашей планеты, где бы они ни находились, обрести уверенность в успехе дела мира. Процесс этот сложный и взаимосвязанный. И следует реально видеть зависимость этого процесса от факторов, которые, все более развиваясь, принесли при всех сложностях этого процесса те совершенно новые тенденции в нашем сложном мире, которые ныне имеют все больше оснований стать необратимыми.

Какие же это факторы?

Уходят в небытие шумные легенды об агрессивности Советского Союза. Только на темных задворках международных политиканов еще пытаются устами матерых антисоветчиков и закономерно смыкающихся с ними проповедников из стана маоистов поддерживать эти легенды. Но сама жизнь, практика реального воплощения Программы мира, утвержденной XXIV съездом, разрушают эти легенды, все чаще воспринимаемые как незамысловатое пропагандистское трюкачество и ухищрения незадачливых политиканов. Впрочем, было бы странным, если бы этих трюков не было. Что бы тогда делали антисоветчики, щедро оплачиваемые из сейфов тех, для кого нагнетание военной угрозы является в одном случае оборотной стороной огромных прибылей, а в другом — маскировочной сеткой супернационализма и шовинизма!

Но не они, к счастью, определяют в настоящее время ведущие тенденции в отношениях между народами земного шара.

Весной этого года состоялся визит Леонида Ильича Брежнева в Федеративную Республику Германии. С чистым сердцем мы называем его визитом историческим и все переговоры и документы, принятые в результате этого визита,— также историческими. Вспомним, что визиту Леонида Ильича Брежнева предшествовал визит Вилли Брандта в Крым осенью 1971 года. Наши страны вышли на дорогу реалистических отношений. Ах, как бы хотелось западногерманским реваншистам и тем, кто постоянно отравляет воздух зловонным запахом реваншизма, сохранять постоянно эту атмосферу ненависти. Личный опыт каждого из нас — это всегда частный, необобщенный опыт. И все же... Троекратное посещение Федеративной Республики Германии и общение с «западными» немцами укрепило автора этих строк в мысли о неизбежности победы реалистического курса Федеративной Республики Германии. На улицах Гамбурга, Мюнхена, Дортмунда и Кёльна мы до сих пор встречаем инвалидов прошлой войны. Только идиоты и враги немецкой нации пытаются толкать юношей ФРГ на агрессивный курс под смехотворными ныне лозунгами «великой Германии». Жизнь, развитие каждой нации и каждого человека могут быть обеспечены только на мирной дороге.

У Кремлевского Дворца съездов в дни работы Всемирного конгресса миролюбивых сил.

В перерыве между заседаниями.

В зале заседаний конгресса.

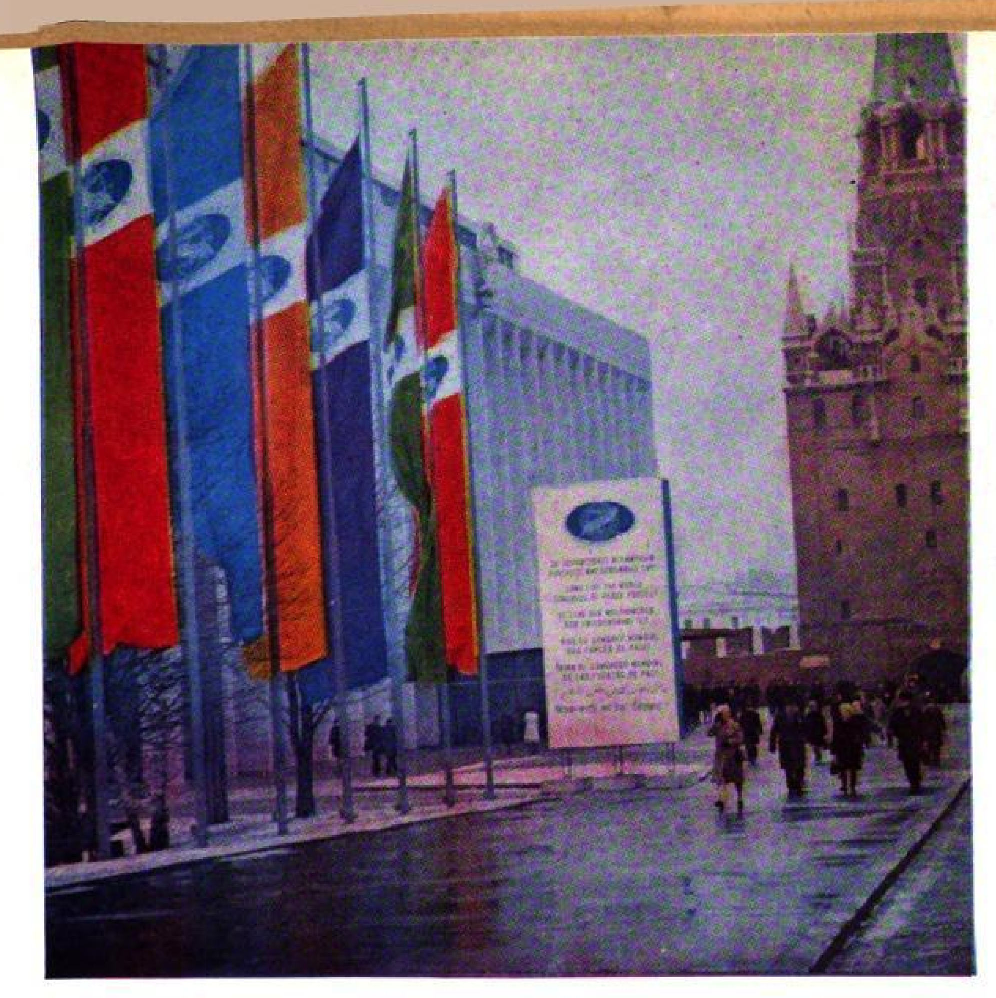
Ортенсия Бусси де Альенде, вдова президента Чили.

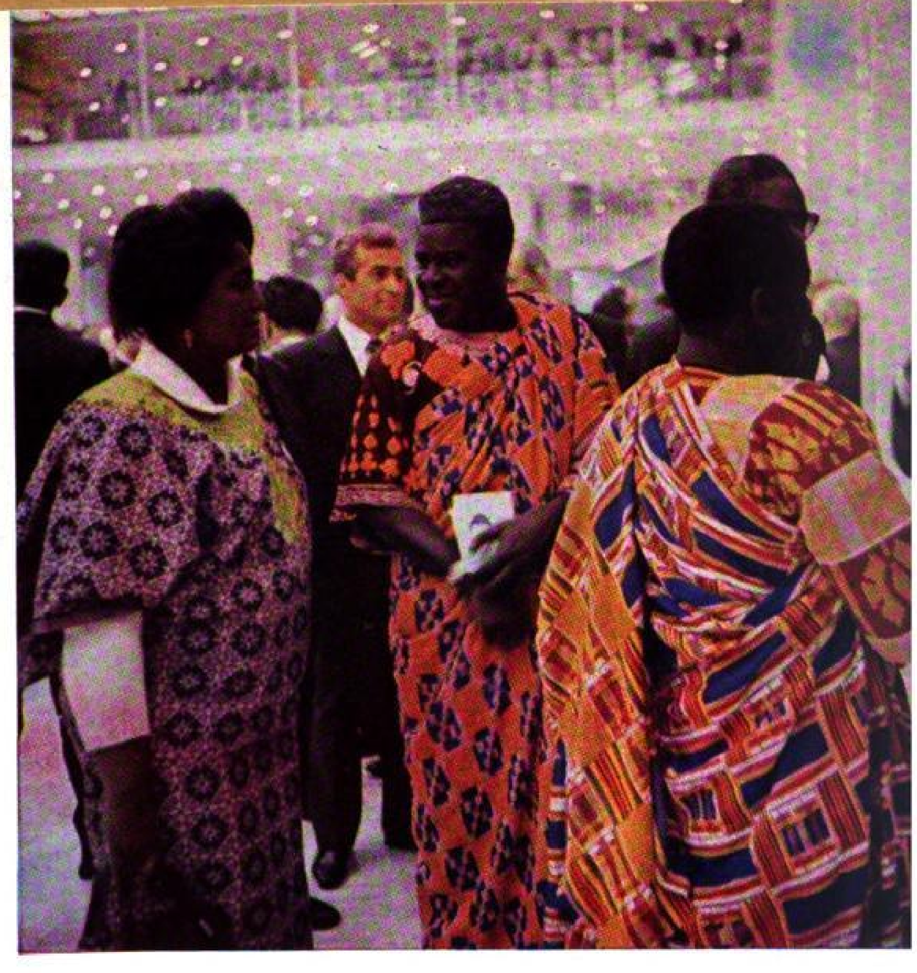
Делегаты Японии.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

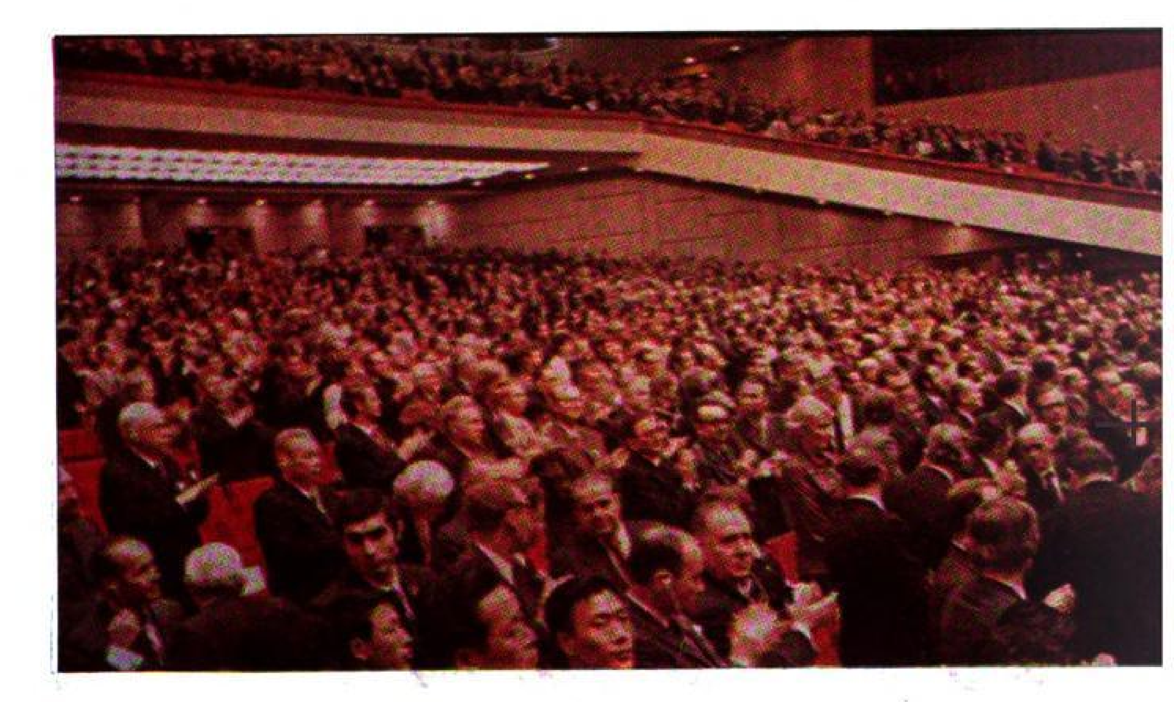
За мир и дружбу! В Президиуме конгресса.

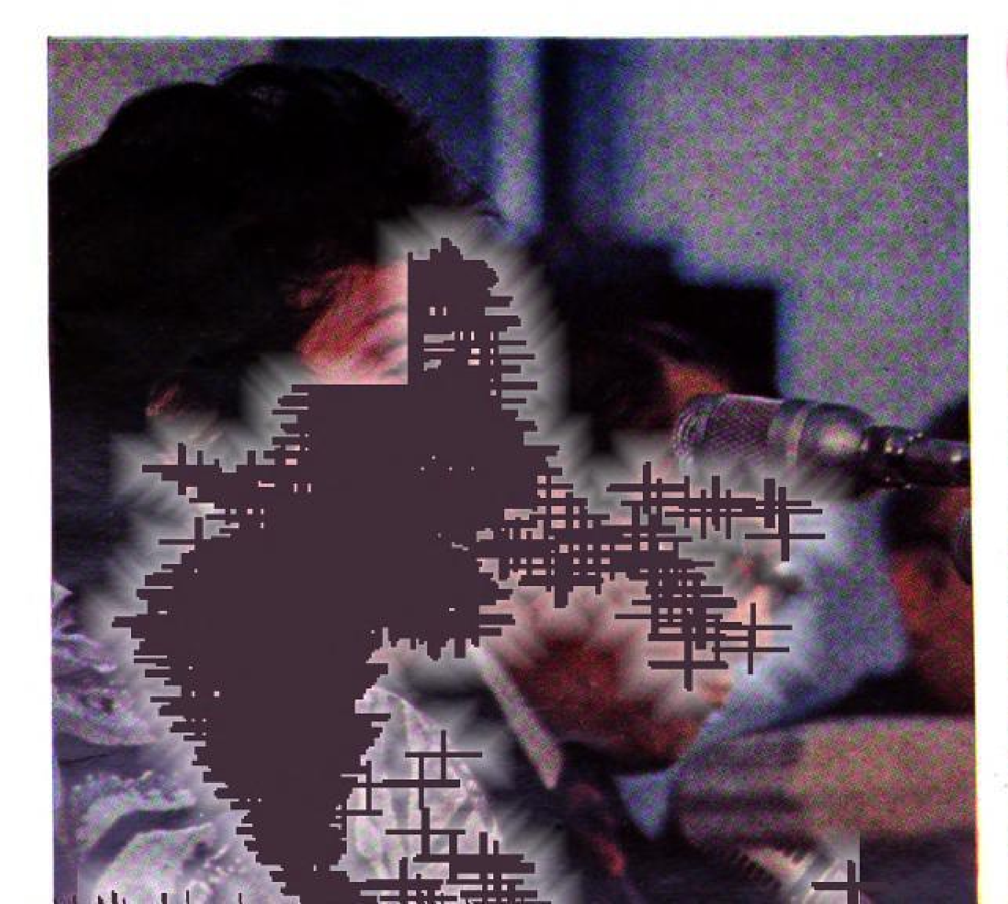
Фото А. Геринаса, А. Гостева, А. Награльяна.

ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС
МОСКВА
1973
МИРОЛЮБИВЫХ СИЛ

Огромным историческим событием 1973 года был визит Леонида Ильича Брежнева в Соединенные Штаты Америки. Вспомним эти дни. Вспомним напряженное внимание каждого из нас, когда мы, буквально прильнув к экранам телевизоров, неотрывно смотрели каждую новую страницу этого визита, вслушиваясь в каждое произносимое Леонидом Ильичом Брежневым слово. Каждое слово касалось любого из нас, касалось судеб наших детей и внуков, ибо их судьбы зависят и от того, каковы будут взаимоотношения между нашими странами. Роковая судьба никогда не сталкивала наши народы лицом к лицу на поле брани. Она сталкивала их лицом к лицу на поле победы, на берегах Эльбы. Но апостолы капитализма и империализма не могли, да и еще не могут примириться с положением равновесия в отношениях между нашими народами. Очень им кажется опасным это равновесие для существования капитализма. Те, кому приходилось бывать в Соединенных Штатах, может быть, особенно остро чувствовали на себе несоответствие несусветной политической чуши, периодически, махровым цветом расцветающей на страницах американской печати, с тем сердечным отношением многих и многих американцев, реально понимающих весьма сомнительную цену этих выступлений печати. В конце концов американцы не хуже нас понимают, какие страшные бедствия может принести ядерная война. Не раз в различных американских домах я слышал слова о необходимости дружеских деловых отношений между нашими народами. Реализм в политике — это золотое качество современных государственных деятелей, заботящихся о судьбах и жизни своих народов. Поэтому миссия мира, с какой прибыл в Соединенные Штаты Леонид Ильич Брежнев, и вызвала такой жгучий интерес к человеку, с именем которого народы земного шара связывают активную защиту мира, прежде всего ради жизни всех народов земного шара. Конечно, смешно было бы думать, что по мановению волшебной палочки наступит мир и благоволение в сердцах человеческих. И тем не менее интересы не только народов Советского Союза и США, но и всех других — больших и малых — оказались главными мотивами в этих памятных и перспективных переговорах, закрепленных документами, в которых человечество видит в настоящее время опору для дальнейшего снижения напряженности в международных отношениях. И как бы ни пытались трубадуры империализма снова толкнуть все человечество на опасную черту взаимоисключающей ненависти, события нынешнего года, несмотря на чрезвычайные обстоятельства, вызванные агрессивной политикой Израиля и международного сионизма, показали, что черта эта не была переступлена.

Мир все больше убеждается в реальной эффективности торжества благоразумия. Ни одна агрессия никому еще не приносила ни лавров, ни успехов. В этом мир еще и еще раз убедился на примере победы Вьетнама и — соответственно — поражения военно-промышленного комплекса Соединенных Штатов Америки.

Долгой и сложной дорогой шли защитники мира ко Всемирному конгрессу миролюбивых сил. Этот конгресс брал начало в уже, как сейчас кажется, давние, послевоенные годы. Еще зияли черные пепелища последней войны в городах Европы. Еще не зарубцевались раны у тех, кто падал на полях сражений. Еще не высохли слезы жен и матерей, потерявших своих близких и родных. Стокгольмское воззвание собирало десятки, сотни, тысячи подписей. Это воззвание было первым международным манифестом, призывающим к защите мира во всем мире. Оно играло мобилизующую роль и одновременно являлось могучим организатором, позволившим многим людям земного шара, может быть, впервые поверить в преимущество сил мира над силами войны. И хотя за последние два десятилетия человечество неоднократно потрясалось так называемыми локальными войнами,— дело мира, борьба за мир продолжали оказывать свое плодотворное влияние на все более широкие круги человечества, во многом несходные в идеологии и мировоззрении, в понимании социального устройства мира, но сходящиеся в главном — мир на земле должен и может быть сохранен. Эта главная исходная позиция давала возможность искать и другие соприкасающиеся друг с другом позиции, наличие которых, как это особенно впечатляюще выяснилось на открывшемся в Кремлевском Дворце съездов 25 октября 1973 года Всемирном конгрессе миролюбивых сил, оказалось весьма перспективным. Нет, не только с радостными вестями пришли делегаты на этот конгресс — фашистская хунта в Чили совершила контрреволюционный переворот, расстреляв в президентском дворце законно избранного главу государства, замечательного борца за демократию и национальное освобождение Сальвадора Альенде, десятки и сотни демократов и патриотов Чили. Предательски был убит лидер борцов за национальное освобождение Гвинеи (Бисау) от порабощения португальских колонизаторов Амилкар Кабрал. Израильские агрессоры, поощряемые международным империализмом и сионизмом, пытались создать критическое положение, чреватое опасными последствиями для всего мира. Причем именно эти последние события совпали с началом работы конгресса, естественно, вызывая тревожную озабоченность у его делегатов.

В этих условиях с особенным нетерпением ожидалась всеми делегатами речь Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, давшего согласие о выступлении на конгрессе. Сейчас как бы заново в памяти возникает все, что было 26 октября 1973 года под высокими сводами Кремлевского Дворца съездов. Каждое слово речи Леонида Ильича западало в сердца и память делегатов.

— Наш общий долг,— говорил он,— неустанно двигаться вперед по избранному пути, двигаться безостановочно, настойчиво, широким фронтом, решительно ломая сопротивление противников разрядки и поклонников «холодной войны». Задача, как считаем мы в Советском Союзе, состоит в том, чтобы сделать достигнутую на решающих направлениях развития международных отношений разрядку напряженности явлением стойким, прочным, более того — необратимым.

Да, именно — необратимым, ибо благодаря усилиям передовых, прогрессивных сил человечества, которое направило лучших, деятельных и мужественных своих представителей на этот, закономерно получивший наименование Московского, конгресс, процесс необратимости разрядки напряженности приобретает все более реальные основания. Защитники мира получают опорные возможности навязывать свою волю тем государственным деятелям, которые вчера еще могли и пренебречь этой волей, а сегодня вынуждены с ней считаться. Такова логика развития международных событий.

Таковы зримые результаты реального воплощения в жизнь великой Программы мира.

Никогда не изгладятся из памяти овации делегатов конгресса, восторженно принявших и взявших на вооружение глубокую и всеобъемлющую речь Л. И. Брежнева. В едином порыве поднялись они в знак уважения к человеку, неутомимо выполняющему высокий и гуманный долг сохранения мира для всего человечества...

Об огромном резонансе и впечатлении от выступления Генерального секретаря нашей партии мы уже знаем из многих источников печати и устных выступлений делегатов конгресса, вернувшихся в свои страны на все пять материков нашей планеты. Но как учесть тот духовный потенциал, который не только увезли с собой делегаты, но и получила, как об этом говорилось и на самом конгрессе и после него, могучая армия защитников мира на всем земном шаре?!

Время... Время... Каждый день приносит нам новые события...

Оглядывая просторы уходящего 1973 года, хочется вспомнить замечательный визит Леонида Ильича Брежнева в дружественную, близкую нам не только территориально, но и духовно Индию. Снежные вершины Гималаев никогда не разделяли наши народы. Тверской купец Афанасий Никитин прошел трудный путь, но увидел индийский народ и встретил там дружеское отношение и понимание. Великий мыслитель и писатель Индии Рабиндранат Тагор посетил нашу Родину в годы первой пятилетки. Прекрасный русский художник Николай Рерих видел много общего между народами России и Индии...

В наши дни значительно увеличиваются экономические, деловые и культурные связи между Советским Союзом и Индией.

Совместная советско-индийская декларация, под которой стоят подписи Л. И. Брежнева и Индиры Ганди, поднимает отношения между Советским Союзом и Индией на еще более высокую ступень. Это и естественно. И Советский Союз, территория которого на две трети расположена в Азии, и великое государство Азии, каким является Индия, кровно заинтересованы в сохранении мира на азиатских просторах.

Я мысленно представляю города и села Индии, в которых мне многократно приходилось бывать, пользуясь сердечным радушием добрых и всегда гостеприимных друзей. И на землях Пенджаба и на полях Западной Бенгалии, и в вечно красивом Бомбее, и шумной Калькутте, и в предгорьях Гималаев, в новом городе Чандигархе мы не раз думали о тех временах, когда наши народы еще ближе подойдут друг к другу. Эти времена наступили. Наступили на радость и великую пользу нашим народам и вызывают горячую поддержку и одобрение многих других стран и народов, видящих в советско-индийской дружбе опору безопасности и в Азии и во всем мире.

* * *

В эти последние дни 1973-го, знаменательного многими историческими событиями года мы видим лица друзей — в Софии и Будапеште, в Праге и Улан-Баторе, в Берлине и Варшаве, в Бухаресте и Белграде, в Ханое и Пхеньяне. Видим лица друзей в странах Азии и Африки, в Европе и Австралии — всюду, где звучат голоса людей, для которых Мир является основой жизни, а дружба между народами — опорой в борьбе за мирное развитие всего человечества.

В эти последние, уходящие дни 1973 года мы видим наш могучий Советский Союз, видим лица наших друзей и товарищей, с которыми мы идем вместе все эти десятилетия.

Мы славно потрудились и в этом году на землях наших республик, в промышленности и в сельском хозяйстве, в науке и культуре, вызывая глубокое уважение и любовь народов всего мира к народам Советского Союза.

И оглядываясь на уходящий 1973 трудовой и высокотворческий год, мы можем смело его назвать годом, который надолго останется в сердце и в памяти каждого из нас!

С этим чувством гордости за содеянное, чувством радости за укрепление позиций мира, дружбы и солидарности между народами земного шара и встречаем мы Новый, 1974 год — год новых трудовых побед и свершений Союза Советских Социалистических Республик!

Советские писатели П. Бровка, Г. Марков, Н. Тихонов на конгрессе.

В кулуарах конгресса.

Автограф Долорес Ибаррури.

Абура Перус и Лили Бометт, представительницы Кении.

Писатель Чингиз Айтматов беседует с делегатом Индии Карналом Сингхом.

Председатель Всенародного комитета болгаро-советской дружбы Цола Драгойчева и Герой Советского Союза летчица Марина Чечнева.

Сергей СМИРНОВ

Поэту Сергею Васильевичу Смирнову исполняется шестьдесят лет. Эта дата явно не соответствует его неугасимо молодому душевному настрою. И хотя он признает, что «вес мгновений стал еще дороже», но, находясь в ряду «познавших счастье жить не зря», с полным основанием может утверждать:

И не иссяк запас былого жара,
И ты считаешь, правды не тая,
Что в золотом запасе всей державы
Есть золотинка
кровная, твоя.

Сергей Смирнов прошел долгий, но завидный по целеустремленности и общественной значимости путь. Будущий поэт был и подземным рабочим славного Метростроя и одновременно — без отрыва от производства — студентом Литинститута; рядовым одной из гвардейских дивизий, куда он явился в начале минувшей войны добровольно, и в то же самое время певцом героизма бойцов этой дивизии; участником выездной редакции «Правды» уже на мирном хлебном фронте и несколько позже наставником молодых поэтов в нашем литературном вузе. Выполняя любое из этих дел, поэт, по его же собственным словам, ощущал все более крепнущее «чувство подотчетности во всем» перед народом, перед Родиной.

В момент гражданского становления приходит и литературная известность. Дарование поэта оказалось такого свойства, что появление в печати даже ранних его стихов невозможно было не заметить. Казалось, с каждым поэт заговорил «От первого лица» и «О самом сокровенном». Даже названия этих начальных книг Сергея Смирнова свидетельствуют о задушевности его поэтических интонаций, о разговорном ладе его стихов. Но не только этими добрыми чертами отличался талант Сергея Смирнова.

Едва ли не с первых строк его поэзия была пронизана улыбчивым юмором. А с годами к нему присоединились хлесткая сатиричность и разящая ирония. Поэт поставил перед собой и такую цель:

Вести огонь прицельно и широко,
Чтоб своему идейному врагу
Не даровать
ни отдыха, ни срока...

Книга «Сто коротких басен» получила широчайшую известность. Этот сборник можно назвать по-настоящему новаторским. Недаром смирновские короткие басни послужили образцами для великого множества подражаний.

Трудно определить, какому направлению в своей многогранной поэзии сам автор отдает предпочтение. Сергей Смирнов самобытен и в стихах, пронизанных гражданским пафосом, и в любовной лирике, подарившей нам обаятельный образ Избранницы поэта, и в сатирическом жанре, и в великолепных пейзажных миниатюрах.

А в недавние годы рядом с лирическим поэтом во весь голос заговорил Сергей Смирнов — поэт эпического плана.

Один только перечень его крупных произведений свидетельствует сам за себя: тут и пристрастная автобиографическая исповедь о Метрострое и метростроевцах «Имеем право», и поэма о возможностях человека-подвижника «Скрипичный мастер», и «лирико-ироническая» вещь «Сезам, откройся!», и «Верхневолжский монолог», и поэма, посвященная памяти Неизвестного солдата, «Неизвестный — известен»...

Какое же новое слово скажет нам Сергей Смирнов, умудренный опытом славного шестидесятилетия? Пока что это «секрет» поэта. Но он уж сам себе дал задание наперед —

Творить,
входя в сознанье и сердца
Людей труда и творческой отваги...

Пожелаем же ему больших успехов в этом!

Олег ЗВЕРЕВ

ЖИТЬ И ВЕРИ

АЛЬЕНДЕ И НЕРУДА

Мне
боль и скорбь
радируют оттуда,
Что Чили
Не растоптана врагом.
И не ушли
Альенде и Неруда,
А держат строй
И действуют кругом.
Их
Ни террор,
Ни смерть
Не разлучили.
Они в строю
бессменны и нужны.
И с ними —
Вся непокоримость Чили,
Как меч,
до срока
спрятанный в ножны.
Похоронил друзей не мало.
Их кровь
навечно горяча.
Она в походе принимала
Знаменный трепет кумача.
Она среди смертельных вмятин —
Чем отдаленней,
тем видней.
И мне по-своему понятен
Багряный жар
Тех ратных дней.
И, чувства правды не узоря,
Поныне ясно для бойца,
Откуда даже в наши зори
Впитались
красные тельца.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

И Жизнь одна,
И Смерть одна.
Но кто сильней?
Измерьте...
Я убежден,
что Смерть
сильна,
А Жизнь —
Сильнее
Смерти!

* * *

Немалые сроки измерены.
Известно —
что льзя, что нельзя.
И действенней всяких намерений
Свой избранный труд и стезя.
Старайся и делай Историю.
Дерзай,
А где нужно —
дерзи!
Ведь ты же не пешка, которую
Судьба
продвигает
в ферзи!..

СОПЕРНИЧЕСТВО

Соперничество
есть соперничество.
А если ты опережен,
Легко
насупиться,
разнервничаться,
«Полезть в бутыль»
И на рожон.
Нет! —
Подтянись
духовно,
качественно.
Все компоненты
Взвесь,
прозри.
И обскачи
победно скачущего,
Будь первым хоть на полноздри!

* * *

Видно,
все это так —
возрастное.
Неторопкий маршрут на зарю
И раздумье под старой сосною,
На которой
простор глухарю.
И какая-то тень умиленья,
Что все так же
березы сквозят
И не гаснет костер в отдаленье,
Как почти полстолетья назад...

ЖУРЧАК-РУЧЕЙ

Среди ключей
Возник ручей,
Журчит,
чем дальше,
тем звончей.
— Скажи,
Ты чей,
журчак-ручей?!.
А он
Всеобщий
И ничей.

ПРОГРАММА-МИНИМУМ

Жить,
мерить
Суши и моря
И верить,
Что живешь не зря.
Вбирать
сознаньем
Все и вся
И уносить,
Не унося!

* * *

Жить,
как самые лучшие жили,
Наступать,
что ни день,
что ни год,
Чтоб во всем,
Даже в личном режиме,
Никаких послаблений и льгот.
Жить,
да так,
чтобы, зримая всеми,

Не сгибалась душевная стать,
Чтоб при самом жестоком отсеве
Гражданином
Грядущего
Стать!

ЗЕМЛЯ И ТЫ

У всех особые заботы,
Стремленья,
цели
и дела.
Паук плетет свои тенёта.
Среди цветов гудит пчела.
Кружится коршун, с жаждой
крови.
Бушуют трели соловья.
И держит жало наготове
Спиралевидная змея.
А ты идешь, как царь природы,
И все тебе посвящено:
Земной простор,
леса,
и воды,
И воздух, пьяный, как вино.
И проводов живые нити,
И синева над головой,
И солнце с облачком в зените,
И прелесть дремы луговой.
Земля
все краше,
все роднее,

ТЬ

Не перечесть ее щедрот.
И ты
царишь
на ней
над нею,
А быть могло
Наоборот.

* * *

О, не без грусти
Зришь,
свой путь итожа:
Исток и Устье —
Не одно и то же...

ЛАДОНЬ СУДЬБЫ

Было все —
и житейское крошево,
И работа, аж струйки со лба.
Ты диктуешь,
а я по-хорошему
Возражаю, товарищ судьба.
Возражаю...
И мне
многозначаще
Ты с улыбкой ладонь подала.
А ладонь,
будто лист мать-и-мачехи,
У тебя холодна и тепла.

КРАСНЫЙ ЦВЕТ

Я, как положено по штату,
Служивым был не малый срок.
И в чине гвардии солдата
Шагал по множеству дорог.
Но мне везло неутомимо
На той особой полосе:
Осколки — мимо,
пули — мимо,
Но мимо — все-таки не все.

ИЗ ПОЧТЫ «ОГОНЬКА»

ЕЛКА НА ДНЕ ФЬОРДА

В. Ф. ТАММАН,
бывший командир подводной лодки, капитан первого ранга в отставке

В боевой поход наша подводная лодка «Л-20» вышла в самом конце 1942 года. От Кольского залива до берегов Норвегии мы шли в надводном положении. Суров Север, и воевать здесь приходилось не только с врагом. Штормовой ветер дул в лоб (как говорят моряки, «мордотык»). Нам доставалось здорово. Волны хлестали с такой силой, что даже толстые стекла ограждения рубки выбило начисто. Вахтенного офицера и матроса-сигнальщика то и дело обдавало потоками воды, они почти не вылезали из студеной купели. Если б не привязались накрепко, быть бы им за бортом!

Но погода не погода, Арктика не Арктика, а задание выполнять надо. В одном из фьордов, как было приказано, мы поставили мины. А в канун Нового года оказались в небольшой бухточке Конгс-фьорда. Здесь нам предстояло передать оружие, боеприпасы и продовольствие норвежским партизанам. Мы всплыли, долго ждали, подавали сигнал — никого.

— Оставаться в этой крысоловке больше невозможно,— сказал я старпому Редькину.— Давайте дадим команде часок отдохнуть, кстати, и Новый год отметим. А потом — в море.

Лодка отошла к вершине фьорда, погрузилась. Старпом собрал в кают-компании офицеров.

— В нашем распоряжении — один час. Продукты не жалеть. А водки не будет, обойдемся портвейном, да и то символическим глотком!

Накрыли столы, поставив на них все наши яства. А я отправился в обход подводного корабля, чтобы поздравить экипаж.

Во втором отсеке — удивительная картина. На столе с праздничным ужином стояла... самая настоящая елочка. Да, свежая, будто только что из леса! Среди множества механизмов, переплетений трубопроводов, запасных торпед лесная красавица казалась сказкой, несмотря на незатейливое убранство: вместо игрушек на ветках были развешаны этикетки, галеты, таранька и даже пузырек с йодом, добытый, видимо, в медпункте. Правда, на елке висели еще и разноцветные лампочки. И горели так ярко и весело, будто наш боевой корабль стоял в гавани, у пирса, а не лежал на дне, у неприятельских берегов...

— Молодцы! — не удержался я.

Матросы весело зашумели. Они радовались, как дети, что их выдумка оказалась для командира приятным сюрпризом.

После того как я поздравил матросов, командир отсека лейтенант Острянко вручил мне подарок — маленький плакатик, на котором было написано пожелание команды открыть счет потопленным кораблям в первый же день Нового года!

Час пролетел незаметно, отдых кончился. Подводная лодка всплыла и никем не замеченная вышла из фьорда в море.

— С правого борта корабли! — доложил сигнальщик. В напряженном голосе матроса — волнение: вот оно, исполняется новогоднее пожелание!

Я скомандовал срочное погружение. Прогремела боевая тревога. Поднят перископ: видны смутные очертания судов вражеского конвоя. В центре — три крупных транспорта, вокруг катера-охотники. Остальной эскорт — миноносцы и тральщики — держится мористее.

Короткий маневр, и мы приближаемся к среднему, самому большому транспорту. Теперь силуэты кораблей выделяются четко, будто нарисованы тушью. «Ну! — шепчу сам себе. И тут же подаю команду: — Аппараты!.. Пли!»

Корпус лодки слегка вздрагивает. Пошли торпеды.

Человеческое восприятие времени — наихудший секундомер. Секунды ожидания, проходя через призму нашего нетерпения, превращались в часы. Весь экипаж застыл в напряжении. А конвой тем временем движется как ни в чем не бывало! Неужели промах?

И тут у борта транспорта в полярной ночи грянула вспышка огня, взметнулся столб черного дыма. Смертельно раненное судно вздрогнуло, осело носом и стало быстро тонуть. Конвой всполошился. Но мы уже скрылись под водой. И пока вражеские катера безуспешно искали нас в море, спокойно лежали на грунте у самого берега.

Позже выяснилось, что мы потопили гитлеровский транспорт «Муанса» и открыли счет потопленным кораблям врага в 1943 году.

А с норвежскими партизанами мы все-таки встретились — пришли еще раз в Конгс-фьорд. На этот раз условный сигнал не остался без ответа. И вскоре к нашему борту подошла шлюпка. Началась выгрузка. Матросы образовали живой конвейер. Тюки и ящики в сильных матросских руках молниеносно взлетали на мостик и опускались в шлюпку. Распрощавшись с норвежцами, мы двинулись на свою базу, и, хоть там нас ждал настоящий отдых и настоящая елка, та скромная, которая была с нами в новогоднем походе, запомнилась навсегда.

УЗБЕКСКИЙ ХРУСТАЛЬ

Мы привыкли слышать: чешский хрусталь, немецкий, французский, изделия Гусь-Хрустального. «Узбекский хрусталь» звучит необычно, но оговоримся — пока. Необычно потому, что продукция ташкентского завода «Миконд», а точнее, первых его цехов, все больше и больше заявляет о себе.

Впервые узбекский хрусталь был произведен в 1969 году, а уже сегодня ташкентские мастера выпускают свыше 30 образцов высококачественной хрустальной продукции. Фужеры, бокалы, рюмки, вазы, конфетницы, блюда-ляганы с национальным орнаментом...

Как же обойтись в рисунке без хлопковой коробочки, виноградного листа, без тонких линий, олицетворяющих щедрые лучи солнца? А оно переливается, дробится в гранях, искрится и будто бы заново рождается в прозрачной глубине хрустальной ляганы, которую внимательно и придирчиво просматривает контрольный мастер Насиба Шарипова.

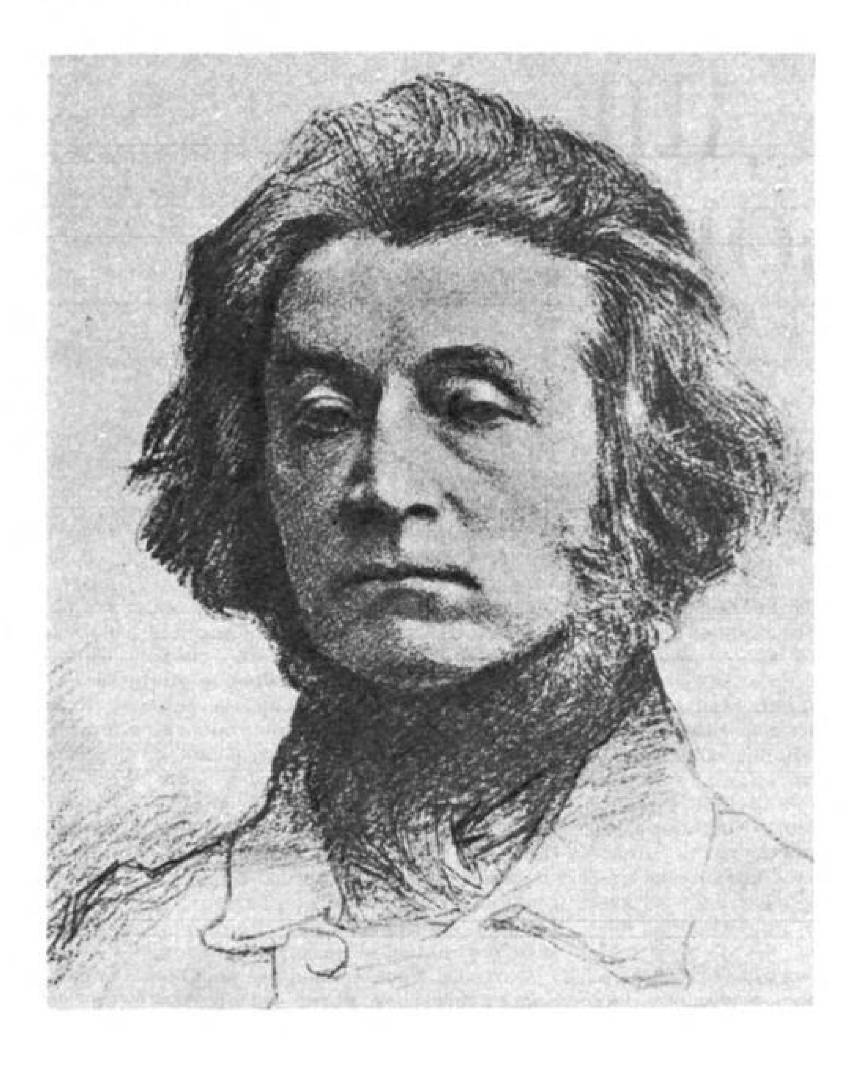
— Узбекский хрусталь,— говорит директор завода Учкун Умарович Умаров,— теперь известен далеко за пределами республики. Очень приятно сознавать, что в перезвон новогодних бокалов вольется и его чистый голос. Звон праздничного бокала, говорят в народе, звон радости и добра. Пусть же приносит счастье людям и наш, узбекский хрусталь!

В. СВАРИЧЕВСКИЙ

Насиба Шарипова — контролер.

Фото автора.

«ОН ВДОХНОВЕН БЫЛ СВЫШЕ...»

Борис ПРИМЕРОВ

В самый канун нового, 1799 года, в рождественский сочельник в семье захудалого шляхетского рода Мицкевичей на литовской земле родился мальчик. Назвали его Адамом. До десяти лет он жил в селе Заосье, Минской губернии, а позже был отдан в учение к доминиканцам. Прилежание и старательность ребенка привлекли внимание, но, как это обычно бывает, вряд ли кто из родственников и учителей мог предполагать, что перед ними проходит начало жизни будущей гордости польского народа и всей мировой литературы.

Биографические сведения о ранних годах Адама Мицкевича более чем скупы. Отец его Николай Мицкевич принадлежал к некогда богатой, а затем разорившейся фамилии. Из недвижимого имущества он имел только дом в местечке близ Новогрудка и, чтобы прокормить семейство, занимался адвокатской практикой. О матери поэта, Варваре Маевской, мы знаем и того меньше. Говорят, что это была умная, чуткого и заботливого сердца женщина, на плечах которой лежали все хлопоты по хозяйству. Близость к природе рано пробудила в мальчике поэтическую душу. Огромное впечатление на него произвел и поход наполеоновской армии 1812 года, во время которого один из французских полков был расквартирован в самом Новогрудке. Юноша рано почувствовал в себе способность к импровизации. Уже с 1815 года в среде виленской молодежи (с этого времени А. Мицкевич стал студентом Виленского университета) он был известен как сочинитель и знаток стихов. Ко времени учебы относится и вступление будущего поэта в общество «филоматов», а чуть позже — в союз «филаретов». Это были кружки свободолюбивой, критически настроенной польской молодежи. Общеизвестно, что польское восстание 1830—1831 годов назревало исподволь, по мере того как усиливался гнет русского самодержавия. В среде шляхты быстро шло расслоение: в руках придворной и служивой знати накапливались богатства, появлялись всесильные магнаты, мелкопоместные же шляхтичи разорялись, пополняя собой ряды разночинцев и ремесленников, а соответственно — и ряды недовольных политикой Российской империи, будущих повстанцев.

За участие в вышеназванных студенческих кружках Адам Мицкевич был выслан под конвоем жандармов в Петербург. К тому времени уже вышли два томика его стихотворений и баллад. Он знал или, во всяком случае, чувствовал, какой поэтический потенциал несет в себе его поэзия. Он даже предполагал, какую меру популярности и читательской любви заслуживала своим страстным служением родине его муза. Но каковы же были его удивление и радость, когда по прибытии в русскую столицу он обнаружил, что и здесь его знают и чтят, что в самых отменных литературных салонах и содружествах он оказывается равным среди равных.

Адама Мицкевича сделала поэтом его жертвенная любовь к родине. История и судьба Польши — вот не прерывающаяся ни на одно мгновение золотая струна в творчестве этого великого человека. Каждую строку, каждое четверостишие, каждое стихотворение он вскормил живым чувством собственного сердца, неутолимой любовью, которую мы теперь именуем патриотизмом. Где бы ни был поэт — в Германии, Франции, Италии,— раздумья об отчей земле, ее прошлом, настоящем и будущем никогда не давали ему покоя. Он жил только одной верой в желанную свободу многострадальной отчизны. И не случайно революционное настроение его музы, как и предгрозовое дыхание Двенадцатого этюда Фредерика Шопена, передавалось тысячам поляков. Поэт пламенно восклицал: «О, если бы мог я зажечь огонь в груди моих слушателей, оживить в них образы погибшего прошлого, тронуть словами сердца моих братьев! Быть может, на минуту при звуках родной песни почуют они священный трепет, ощутят приливы прежнего мужества...»

Прошло более ста лет с тех пор, как замолчало сердце великого польского гражданина, поэта, публициста. Но чем дальше во времени отстоит от нас подлинное поэтическое слово, тем порою неожиданнее и действеннее его сила. Интерес к гениальному литературному явлению, каким был Адам Мицкевич, не ослабевает и поныне. Правда, вокруг многих поэтических сентенций поэта не раз скрещивались полемические шпаги. С ним во многом не соглашались, с ним спорили и знаменитые мужи словесности и простые читатели. Но все буквально с первых строк его книг чувствовали слово необыкновенное, овеянное бесстрашными идеями свободы и разумной волей народа. Наша страна может гордиться непрерывным вниманием к творчеству этого замечательного польского поэта. Двери в удивительный мир его лирики первым открыл русскому человеку Кондратий Федорович Рылеев. Еще в 1821 году он перевел большой отрывок из баллады «Лилии». Год спустя в подражание сонету «Воспоминание» Рылеевым было написано одноименное стихотворение. Два друга, два поэта и гражданина были связаны прежде всего высоким идейным родством.

Друзья, сплотимся в общем деле!
В взаимном счастье наши цели,—

призывал один из них. Другой мужественно восклицал:

Не тот отчизны верный сын,
. . . .
Кто раб презренного тщеславья!
Но тот, кто с сильными в борьбе
За край родной иль за свободу,
Забывши вовсе о себе,
Готов всем жертвовать народу.

Ко времени их личного знакомства — 1824 году — оба уже сознательно вступили на путь революционной борьбы. Именно из-за сочувствия настроениям повстанцев, из-за служения своей музы их идеалам Мицкевич оказался в числе эмигрантов. И именно за возглавление вооруженного восстания вскоре был осужден на казнь Рылеев. Узнав о подавлении восстания на Сенатской площади, польский поэт вспомнит русских друзей горечью строк искреннего сочувствия и сожаления:

Где все вы теперь? Посылаю позор и проклятье
Народам, предавшим пророков своих избиенью!
. . . .

О, пусть эта песнь из страны,
где свободны народы,
До вас донесется на льдистые ваши равнины.

Да будет она провозвестницей вашей свободы,
Как вестником вешней поры —
перелет журавлиный.

Послание это автор назвал «К русским друзьям». А друзей, опальных и избежавших опалы, в России осталось много. Трудно назвать кого-либо из значительных литераторов минувшего века, который прямым или косвенным путем не был бы соединен судьбой или музой с великим представителем польской культуры. За дружеской беседой в Крыму ли, в Москве ли, Одессе или Петербурге с ним сиживали Жуковский, Вяземский, Грибоедов, Веневитинов, Туманский, Боратынский, Шевырев, братья Полевые, Дельвиг, Пушкин... Имя Мицкевича в нашем сознании прочно утвердилось рядом с именем Александра Сергеевича Пушкина. Ведь такие удивительные баллады, как «Воевода» и «Будрыс и его сыновья», давно стали для русского читателя в равной степени их общим творением.

Годы, прожитые поэтом на русской земле, прошли для него недаром. Он узнал Одессу, а когда увидел Крым, то был очарован его экзотической, хранящей в себе тайны веков красотой навсегда. В декабре 1826 года Мицкевич издает сборник сонетов, который так и называется — «Крымские сонеты».

21 февраля 1828 года в Петербурге была напечатана поэма «Конрад Валленрод». Впечатление от нее в среде передовой русской интеллигенции было огромно. «Вступление» к поэме перевел сам Пушкин. 15 мая 1829 года Адам Мицкевич навсегда покидает пределы Российской империи. Ему не суждено больше до конца своих дней увидеть родные просторы, почувствовать дыхание родных полей, вдохнуть глубину неба милой Польши. Во время восстания 1830—1831 годов поэт находился за границей. Но горечь поражения повстанцев была испита им до дна. Наряду с тысячами соотечественников он мужественно разделил судьбу всей польской эмиграции. Память же о великом человеке, о замечательном поэте не угасла в людях, знавших и любивших его...

Он между нами жил,
Средь племени ему чужого, злобы
В душе своей к нам не питал, и мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Он посещал беседы наши. С ним
Делились мы и чистыми мечтами
И песнями (он вдохновен был свыше
И свысока взирал на жизнь). Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Эта емкая стихотворная характеристика польского поэта принадлежит А. С. Пушкину. В наши дни последние две строки цитируются довольно часто. Поэт вложил в них смысл особый, ибо по вдохновению своему Адам Мицкевич (а уж кому, как не Пушкину, было дано почувствовать и угадать это!) принадлежал как раз к тем великим гуманистам мировой культуры человечества, которые, говоря «о временах грядущих», имели в виду счастливое будущее объединившихся, живущих в мире народов.

«Крымские сонеты» и «Валленрод», «Гражина» и «Пан Тадеуш», баллады и дружеские послания, страстная публицистика и статьи в защиту романтического направления литературы — вот далеко не полный перечень писательского наследия Адама Мицкевича.

Судьба уготовила поэту много испытаний и потрясений. Впрочем, как почти всякий великий человек, он к тому же сам спешил ко всему причаститься, всем насладиться и всем перестрадать вполне. Ясным, гармоническим даром песнопения наделила любимого сына родная земля. Она вложила в его уста одно из удивительнейших таинств природы — высокоорганизованную вдохновением речь. Врожденное поэтическое чувство кратчайшей и прямой дороги к людскому сердцу не подводило его никогда. Вот почему сейчас, в 175-летие со дня его рождения, мы с благодарностью вспоминаем его светлое имя, его личность, его создания.

ОБ ОДНОМ УВЛЕЧЕНИИ МИЦКЕВИЧА

Великий польский поэт Адам Мицкевич, как известно, отличался высокой образованностью. На одном из стендов музея Мицкевича, разместившегося в небольшом доме на площади рынка Старого города в Варшаве, читаем: «Хорошо знал химию, историю, классическую литературу, физику. Владел русским, французским, итальянским, немецким, английским, греческим, латинским. Был задумчив, голос имел сильный; когда вступал в дискуссию, глаза загорались. На лекциях во Франции им овладевал поэтический экстаз».

Но не все знают о серьезном увлечении молодого Мицкевича шашечной игрой. Его поэма «Шашки» («Warcaby») — гимн этой замечательной игре. 29 апреля 1819 года первая часть поэмы (214 строк) была впервые прочитана на собрании членов общества «филоматов». На память приходят строки поэта:

А если оттепель не даст, или жара,
Иль холод вечера нам выйти со двора,
Что помешает нам найти себе забаву?
Игрой себя развлечь наш ум имеет право.
Не той, которая до полночи томит
Нам тело бренное, а ум при этом спит,—
Так развлекается гуляк толпа пустая,
То кости по столу, то карты рассыпая:
Корыстью низкою руководим игрок,
Исход игры слепой определяет рок.
Чей ум живей, чей дух способнее к паренью,
Тем шашки лучшее доставят развлеченье.

Любимая игра владык в былое время,
Повсюду в наши дни любимы шашки теми,
Кто, шумным играм враг, корыстью не влеком,
Проводит за столом досуг в кругу своем...

Содержание стихов свидетельствует о том, что автор их не только любил шашки, но и прекрасно разбирался в многочисленных системах игры, получивших распространение в разных странах. Многие строки поэмы излагают в блестящей поэтической форме правила игры, рекомендации по стратегии ведения партий, критикуют изменение намеченного в партии плана.

Через два года Мицкевич вернулся к незаконченной поэме и дописал 68 строк, в которых отразилась его возвышенная, полная драматических переживаний любовь к Марыле (как ее ласково называли) Верещак, с которой поэт познакомился во время летних вакаций 1818 года в помещичьем имении ее семьи в Тухановичах, близ города Новогрудка — родины поэта. Но Марыля была невестой графа Путткамера, за которого она и вышла замуж в феврале 1821 года.

Забыть Марылю Мицкевич не мог. Образ ее он неоднократно воскрешал много лет спустя, когда в изгнании перед его памятью вставала далекая родина. И в стихах, написанных в Альпах, и в известной миниатюре «Полились мои слезы...», и в письмах из Лозанны, где он получил кафедру латинской словесности в университете, и в Париже, где Мицкевич читал курс славянских литератур в Коллеж де Франс, его не покидают воспоминания молодости.

Понятна поэтому сила строчек поэмы «Warcaby», посвященных Марыле:

О шашки, некогда игра мне дорогая,
Скажите, почему давно вас избегаю?
О ты, навечная избранница моя,
Чье имя милое назвать не смею я?
С тех пор, как в шашки был тебе проигран мною
Душевный мой покой,— я к ним остыл, не скрою.
В сражениях с тобой я был плохим бойцом,
Следил не за игрой, а за твоим лицом...

Перевод с польского О. Румера.

Время создания второй части поэмы совпадает с периодом учительствования Мицкевича в уездной Ковенской гимназии, куда он был назначен по окончании Виленского университета.

Школа, расположенная на Ратушной площади, в помещении которой когда-то работал молодой учитель Адам Мицкевич, одна из старейших в Каунасе. Она носит в настоящее время имя поэта. Школьный музей располагает оригиналами некоторых писем друзей Мицкевича, старыми изданиями произведений поэта.

Следует отметить, что в стихах о любимой игре Мицкевич представил двух самых близких ему в то время людей — Марылю Верещак и сердечного друга и университетского товарища, сына ректора Виленского университета Францишка Малевского, которому адресовано сочинение. Большая дружба связывала Мицкевича с Малевским со студенческих лет до самого отъезда поэта из России в 1829 году. А некоторое время спустя они стали родственниками, женившись на сестрах Шимановских. Оба они были в числе организаторов общества «филоматов», оба были высланы в центральные губернии России. Во время пребывания в Москве друзья жили вместе на Малой Дмитровке (ныне ул. Чехова), на Большой Мещанской (ныне Проспект мира).

В одном из писем Малевского к поэту, жившему тогда в Ковно, излагается программа встреч членов общества «филоматов»: «Зимой — чтение периодических изданий, стихи, речи, как можно чаще рассказы о жизни знаменитых поляков, шахматы, шашки...»

Леонид НОРИН

Даниил ДОЛИНСКИЙ

* * *

Земля красна, земля всегда красна...
Особенно когда, раздвинув зори,
выходишь к ней с зерном, когда она
из рук твоих приемлет капли зерен!

Земля красна, земля всегда красна...
Особенно когда твоя работа
ей по нутру, когда ей суть ясна,
что капли зерен — это капли пота!

Земля красна, земля всегда красна...
Особенно когда, взойдя из мрака,
на ней, как хлебный запах, тишина,
и в тишине восходит лучик злака!

Земля красна, земля всегда красна...
Особенно когда ты, не краснея
за все, что дал ей, говоришь:
«Моя она!»
Когда земля красна — ты красен ею!

* * *

Я так, рывком, беру дверную ручку,
как будто сразу в руки день беру:
и эту рань, и эту даль, и тучку,
и этот дождик, скачущий в бору,
и эту уходящую шоссейку,
и этот синеватый окоем,
и тоненькую дудочку-жалейку,
поющую о чем-то о своем...
А вечером, когда уже усталость
перебирает впечатленья дня,
я думаю:
а что во мне осталось
ото всего, что было у меня?

* * *

Давиду Кугультинову

Я с неких пор — степной гравер.
Мне стал доской гравировальной
продолговатый лист
овальный,
собою выткавший ковер.
Он выставлен в далях неоглядных,
где дымкой — облачная цепь.
Как бы лежащий виноградник —
огнем зеленым
тлеет степь.
А степь к художникам привыкла.

Придет мой срок — прищурю глаз
и взглядом пристальным калмыка
определю, что в самый раз
пройтись, касаясь еле-еле
росистых трав,
резцом апреля,
и тонко вывести узор.
И в первозданной, изначальной
степи, от ковыля печальной,
вослед мне песней величальной
тюльпанов выплеснет костер!

АМЕРИКАНСКИЕ РЕПОРТАЖИ *

Афиша... одна из многих подобных.

ИНДУСТРИЯ БЕССТЫДСТВА

В. НИКОЛАЕВ, фото Д. БАЛЬТЕРМАНЦА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Нью-Йорк, в центре города.

В Нью-Йорке мы жили на углу седьмой авеню и 51-й улицы. Выходили из своей гостиницы и в считанные минуты попадали в район Бродвея и пересекающих его сороковых улиц, то есть в самый центр города-гиганта. Что сразу бросается в глаза на этом отрезке Бродвея? Буйство рекламы, которая день и ночь переливается разноцветными огнями. А следующим, вторым характерным признаком этого места являются... неприличие и бесстыдство. Причем эти слова, прямо скажем, слишком деликатны для точного определения того, во что превращен центр крупнейшего американского города. Вакханалией самой разнузданной порнографии можно назвать то, что здесь видишь и слышишь. И это вовсе не только наша личная реакция. В июле этого года журнал «Ньюсуик» писал: «За последнее десятилетие Таймс-сквер в Нью-Йорке (в центральной части Бродвея.— **В. Н.**) дегенерировал из блестящего развлекательного центра в отталкивающую арену, где главное место занимают порнографические книжные магазины и такие же кинозабегаловки».

Журнал прав. На каждом шагу здесь открыто, вполне легально, по закону, многочисленным прохожим предлагают свою продукцию дельцы от порнографии. Вот обычный газетный киоск. Вы подходите к нему купить свежую газету. Пожалуйста, она перед вами, на прилавке, кладите пятнадцать центов и берите верхнюю из толстой пачки. А рядом с ней, тут же, на прилавке, другая пачка, тоже свежие газетные номера такого же солидного формата, как, скажем, только что купленная вами «Нью-Йорк таймс». Называется она «Биплан». Во всю ее первую полосу порнографический снимок. Многие подходят к киоску, не все, разумеется, приобретают газету «Биплан», но на всех нагло смотрит с ее первой страницы огромная порнографическая фотография.

В такое трудно поверить. Но это факт. Один из множества, с которыми здесь, в центре Нью-Йорка, сталкиваешься буквально на каждом шагу. Открыто продающаяся газета «Биплан» — это только один крохотный штришок на искаженном уродливой гримасой облике Бродвея.

Весь номер газеты сделан в том же духе, что и его первая полоса: десятки порнографических фотографий и рисунков с соответствующими текстами к ним, на последних страницах объявления, податели которых предлагают желающим участвовать вместе с ними во всевозможных извращениях и групповых оргиях, причем в текстах даются подлинные фамилии, адреса и телефоны. Еще раз подчеркиваем, что это не журнальчики или неприличные картинки, продающиеся и показывающиеся из-под полы. Нет! Это полнометражная, разрешенная городскими властями газета, на ее последней полосе можно увидеть адрес редакции: 210, 5-е авеню, 10010, Нью-Йорк.

Да, вопиющая мерзость и вызывающее бесстыдство выступают на этих улицах, под своими подлинными именами, не таясь, не прячась, а, наоборот, громко заявляя о себе и о своем праве на существование. Реклама и зазывалы приглашают прохожих в весьма специфические кинотеатры, расположенные здесь буквально на каждом шагу. За два-три доллара в них можно увидеть в цвете и на широком экране все, что только может придумать больное воображение полового психопата. В фильмах снимаются актеры, специализирующиеся в этом жанре, многие из них уже пользуются немалой известностью, о них пишут не только в изданиях типа газеты «Биплан», но и в прессе вполне приличной. Пишут не с осуждением и возмущением. Нет! С умным видом рецензенты разбирают их «творчество», судят о качестве их «игры».

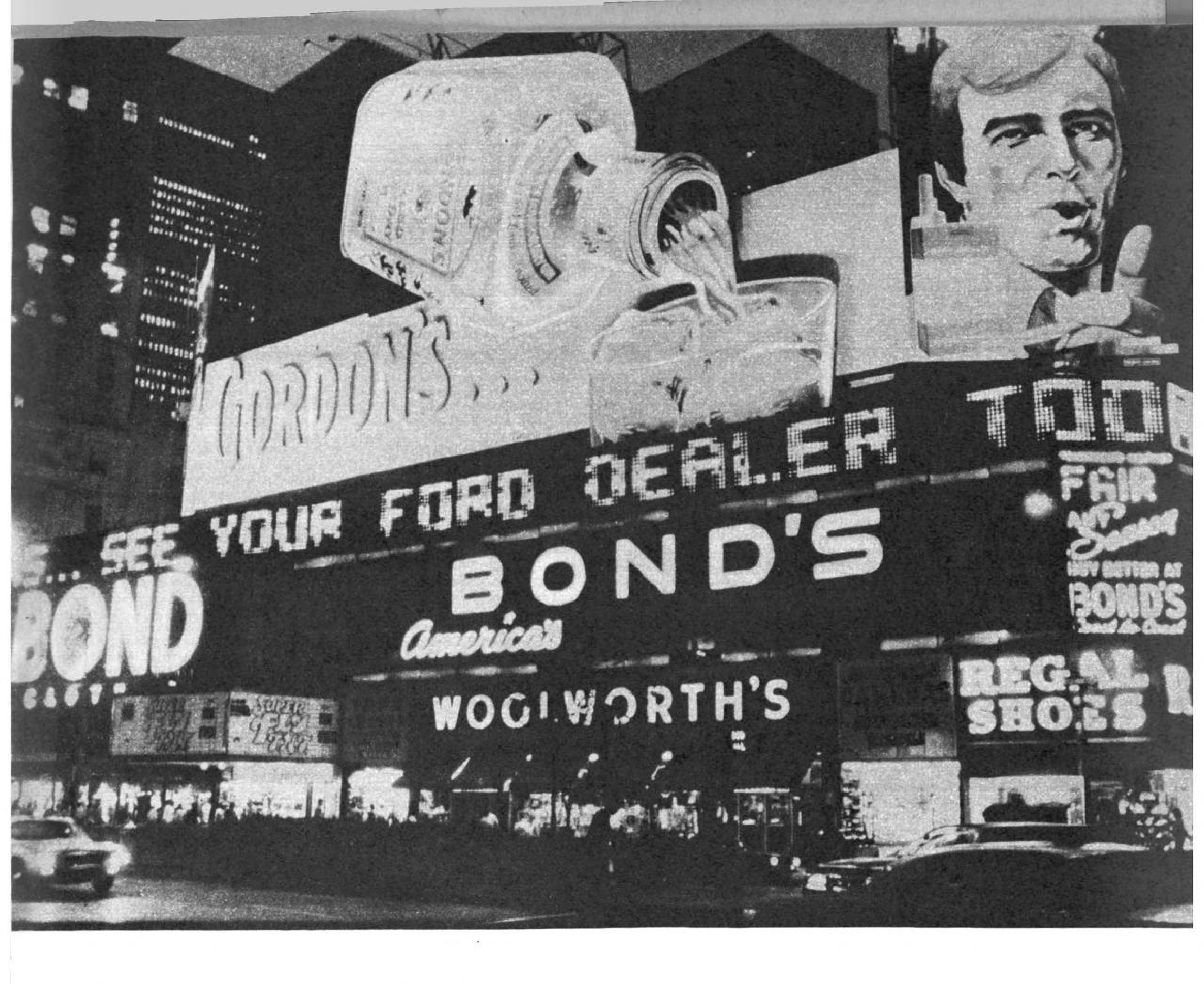
Кому жаль платить за такое зрелище два-три доллара или у кого их просто на это нет, тот может посмотреть киноленту такого содержания всего за... 25 центов. Правда, за эти гроши придется стоять перед крохотным глазком киноавтомата.

Вперемежку с такого рода кинотеатрами сияют всеми цветами радуги витрины специальных книжных магазинов, где продается только порнография. Дополняют общий облик центра города тоже бесчисленные рестораны и бары, главной приманкой которых является женское тело. С позднего вечера до рассвета в этих заведениях молодые женщины в чем мать родила изображают перед подвыпившими посетителями страсть в танцах, похожих на автоматические движения робота.

Тут же, в этом проклятом богом и людьми центре Нью-Йорка, уви-

---

* Начало см. «Огонек» №№ 40, 43, 46, 48.

дишь на каждом шагу женщин с еще менее завидной судьбой. Это проститутки. Здесь, в центре, они все, как правило, молоды, изящно одеты. Стоит такая стайка из пяти-шести девиц на углу, а на противоположной стороне улицы дежурит их сутенер, дородный, ухоженный дядя в отличном костюме, с портативным радиопередатчиком в кармане. Техническое оснащение ему необходимо. Дело в том, что если описанные нами выше порнографические заведения существуют вполне легально, то проституция в Нью-Йорке официально запрещена. Стоит появиться полицейскому патрулю в зоне видимости такой стайки девиц, как они мгновенно рассредоточиваются. Проехала полицейская машина, и они снова тут как тут, опять на своем посту. А с помощью радиосвязи их сутенер может получать от своих коллег предупреждение о приближающейся полиции.

Как же возможно существование в самом центре Нью-Йорка этой клоаки?! Любопытно, что недели нашего путешествия по США совпали по времени со всеамериканской дискуссией на тему: что же является порнографией и как с ней бороться? Вполне естественно, что большинство американцев справедливо негодует по поводу такого положения вещей в центре Нью-Йорка, по поводу захлестнувшего всю страну грязного половодья.

Как в такой обстановке можно воспитывать своих детей?! Вот первый вопрос, висящий дамокловым мечом над родителями.

Возмущение широкой американской общественности разгулом порнографии в стране заставило власти наконец заняться этой проблемой. Дело дошло до высшей судебной инстанции — Верховного суда США, который должен был научно определить, что же считать порнографией. Выработать такое определение не удалось. Но тем не менее Верховный суд разрешил местным судам решать в каждом конкретном случае, какие произведения или заведения являются порнографическими, а значит, незаконными, а какие не являются таковыми.

Расплывчатому решению верховных судейских жрецов можно не удивляться, если подойти к делу с чисто теоретической, если хотите, академической точки зрения. Эту мысль легче всего пояснить на конкретном примере. Самой нашумевшей картиной на Западе сейчас является недавно выпущенный фильм «Последнее танго в Париже». Суть его сюжета — ужас одиночества в современном буржуазном обществе. Человек живет среди подобных ему в полном душевном одичании. Авторы фильма задают вопрос: может быть, в настоящей любви выход из одиночества, душевного тупика? Они показывают, как это чувство приходит к опустошенному, уже почти погибшему человеку, которого блистательно играет знаменитый американский актер Марлон Брандо. Герой фильма напуган подступившим к нему чувством. Он не верит ни во что. И, пытаясь убедить себя в том, что и это чувство — обман, он спешит загрязнить его и опошлить. Чтобы как можно сильнее выразить эту внутреннюю борьбу с самим собой, авторы фильма идут на то, что показывают в любовных сценах попытки героя убить зарождающееся в нем чувство более чем натурально, неприлично с общепринятой точки зрения. Но в то же время у каждой из таких сцен большой психологический подтекст. Можно ли в данном случае весь фильм в целом объявить порнографическим? Об этом уже несколько месяцев подряд спорит западная печать. В Соединенных Штатах фильм шел повсюду. Теперь, возможно, в одном американском городе его будут демонстрировать по-прежнему, а в другом могут запретить. Какой из двух городов будет прав? В долгих дебатах члены Верховного суда США называли одним из главных признаков порнографии следующий: «Произведения о сексе, которые в целом взывают к нездоровому интересу и которые, изображая половые сношения, не имеют серьезной литературной, художественной, политической или научной ценности».

Что ж! Некоторые произведения действительно всегда будут отрицаться одними, но признаваться другими. Но о каких проблемах можно дискутировать, решая запретить или не запретить кинопохабство за 25 центов?!

Дискуссии американских законников пока бесплодны. Одна из главных причин такой беспомощности в том, что страну отравляет порнографией давно и хорошо налаженная, год от года растущая индустрия бесстыдства. У нее миллиардные (!) обороты. Вот в чем суть вопроса. Вот в чем суть явления, ставшего подлинной трагедией современной Америки.

Некоронованные короли индустрии бесстыдства — известные всей стране люди. Известные, потому что богатые. Их портреты и жизнеописания не сходят со страниц печати. Богат — значит, велик и могуч. Такова мораль общества, в котором по принципу «деньги не пахнут» можно жить припеваючи. И они, эти короли, живут. И не только делают деньги, но и всеми силами разлагают общественную мораль и нравственность. Сотни порнографических и полупорнографических журналов и газет выходят многомиллионными тиражами и своими миазмами отравляют атмосферу страны.

Ежемесячно огромными тиражами выходят два флагмана этой пиратской армады, журналы «Плейбой» (6 700 000 экз.) и «Пентхауз» (3 400 000 экз.). Таких омерзительных сцен, какие увидишь на страницах уже упоминавшегося нами «Биплана», в этих изданиях пока еще нет. Но зато обильные текстовые материалы претендуют на создание целой теории, оправдывающей бесстыдство и скотство в современном мире.

«Плейбой» — старший в этом дуэте, в январе 1974 года ему стукнет двадцать лет. Его основатель Хью Хефнер, ныне миллионер. Он правит своей империей, сидя в десятиэтажном оффисе на Мичиган-авеню в Чикаго. Помимо «Плейбоя», он получает доход с принадлежащих ему отелей, клубов и других изданий. «Можно сказать,— пишет журнал «Тайм»,— что сейчас золотой век для такого типа журналов. «Плейбой» и «Пентхауз» — чемпионы в этой сфере бизнеса, они приносят 20 процентов от общей суммы, на которую продается журналов в США. От студенческих общежитий до армейских казарм эти издания являют собой некий необходимый эталон американского образа жизни. К очевидному удовольствию их читательской аудитории журнальные фотографы словно соревнуются между собой в демонстрации наиболее изощренных поз и самых интимных частей человеческого тела». Кстати, «Тайм» не разоблачает, не порицает и даже не просто констатирует, а скорее рекламирует Хью Хефнера и его бизнес. Вот цветное фото: Хефнер в собственном самолете, который обошелся ему в пять с половиной миллионов долларов. Другие фото, тоже цветные: Хефнер принимает гостей в своем роскошном поместье в Калифорнии, он же с блондинкой, одной из его наемной армии красоток, он же на просмотре фильма (разумеется, с девицей на коленях) и т. п.

Описание жизни магната индустрии бесстыдства дается «Таймом» (да и не только этим журналом!) в тонах самых восторженных. Как Хефнер богат и деловит! Какие у него машины, какая кровать (круглая и огромных размеров), какой бассейн и так далее. «Тайм» не нарадуется: «Жизнь Хефнера — это осуществленная мальчишеская мечта. У него одно дело — получать удовольствие. Стремительные машины и собственные самолеты, закрытые бассейны и фантастические, прямо-таки неземные девушки, которых можно считать на дюжины». Мечта идиота, сказал бы Остап Бендер, но именно эту мечту подсовывают читателю-обывателю в качестве образца полноценного американского счастья. Стыдно за великую и умную страну Америку! Но хефнерам не стыдно, они делают деньги, которые в США, как известно, не пахнут.

«Плейбой», «Пентхауз» и их меньшие собратья — это уже явление со своей философией. Весьма показательны те их материалы, в которых читателю преподносится тот или иной субъект, который, по мнению редакции, является образцом, эталоном нового героя наших дней.

Вот, например, восторженное жизнеописание многолетней деятельности мистера Силки, одного из нью-йоркских... сутенеров. «Пентхауз» восхищается, во-первых, его доходами, а затем, естественно, его сделанным по специальному заказу «кадиллаком», пошитыми у лучшего портного костюмами, роскошной квартирой... Работающие на него женщины его, разумеется, обожают и за счастье считают регулярно приносить ему деньги. Вот несколько образцов этого «высокого» стиля.

«Да, есть такой термин, сутенер, —начинает свои откровения мистер Силки,— но я его не употребляю. Я профессионал по организации досуга и удовольствия. Делать мне абсолютно нечего. Я валяюсь в постели и принимаю душ. Я зарабатываю больше, чем президент Соединенных Штатов. Мои «инструменты» весьма дороги. Я постоянно следую моде в отношении моих машин, драгоценностей и костюмов. Все это необходимо мне так же, как полицейскому пистолет. Я все время пытаюсь упрочить свое положение, так же как всякий бизнесмен».

А вот еще один плейбойско-пентхаузовский герой — некий Рейнольдс. Он был незаметным, бедным актером, но вдруг прославился на всю страну и тут же, разумеется, разбогател. «Плейбой» и «Пентхауз» считаются журналами для мужчин, точно так же есть подобные издания и для женщин. За счет последних Рейнольдс стал знаменитостью. Он оказался первым мужчиной, появившимся на фотографии в женском журнале в обнаженном виде. Какие дифирамбы поет ему теперь «Пентхауз»! Например: «В наше время новых совершенных категорий Рейнольдс, несомненно, является первым претендентом на звание суперзвезды».

Такие комплименты вполне объяснимы. Рейнольдс разбогател! В этом и только в этом секрет успеха. «Одна фирма,— говорит Рейнольдс в интервью с корреспондентом «Пентхауза»,— предложила мне рекламировать часы, при этом я должен быть в голом виде. А Форд предложил мне рекламировать его продукцию за полмиллиона долларов!» Так индустрия бесстыдства, смыкаясь с обыкновенным бизнесом, создает свою суперзвезду, своего кумира для американского народа.

Традиции нашей печати и наша мораль не позволяют нам хотя бы отрывочно цитировать «философские» изыскания журналов типа «Плейбой». Под каждую мерзость их писаки пытаются подвести научную, психологическую базу, пытаются оправдать и возвести на пьедестал самые грязные пороки, низводящие человека до сексуального маньяка. Делая это, они выполняют заказ своих хозяев, которым нужны барыши, а значит, расширение читательской аудитории. И вот итог их деятельности, печально подведенный журналом «Тайм» летом этого года: «Секс. Эта тема никогда не была доминирующей в области разума и логики. Но сегодня со всей своей нелепой абсурдностью она в полном расцвете».

Суждение верное. Но даже изрекший его вполне добропорядочный журнал «Тайм» оказался не в силах противостоять наступлению порнографии. В одном из своих октябрьских номеров журнал, словно позавидовав «Плейбою» и «Пентхаузу», описал в весьма благожелательном тоне жизнь сутенера из Амстердама. И тут же дал фотографию: он с женой (зарабатывающей ему на жизнь) на прогулке. И статья и фотография даны были не без информационного повода. Оказывается, коллеги этой пары готовятся отпраздновать ее 25-летие в сем своеобразном бизнесе. «Тайм» сообщает, что на торжества приглашен оркестр полицейских...

Нью-Йорк.

ЛЕТИТ «ТРОЙКА»

Имя ей — «Русская тройка». Но эта тройка особая, самая быстрая. Скорость? 200 километров в час. Скоростной поезд «Русская тройка», рассчитанный на 544 пассажира, создан на Калининском вагоностроительном заводе.

Я разговаривал с одним из создателей, диспетчером цеха опытных изделий Калининского вагоностроительного завода Владимиром Арсеньевичем Веселовым. Были поздние декабрьские сумерки. Мы подошли к путям, где стояла «тройка».

— Всего вагонов, созданных на нашем заводе, восемь. Они оборудованы кондиционерами, мягкими, радиофицированными поворотными креслами с регулируемым наклоном спинок, люминесцентным освещением. Может быть, это несколько грубовато для «тройки», но мне приходится говорить о ней языком специалиста: цельносварная, из алюминиевых сплавов, на специальных колесных парах. Вагоны отличаются стремительной точностью линии, подчеркивающей быстроту нового поезда. Создали его заводские конструкторы при участии многих научных организаций, конструкторских бюро и предприятий смежных отраслей. «Русская тройка» будет курсировать на линии Москва — Ленинград.

— За сколько времени можно будет добраться до Ленинграда из Москвы?

— Вы употребили обиходное слово «добраться». Мне кажется, что здесь уместно слово «долететь». Четыре часа с небольшим!

Л. СЕМЕНОВ

Заслуженный летчик-испытатель СССР, Герой Советского Союза Александр Федотов в уходящем году стал обладателем нескольких мировых рекордов. На самолете «Е-266» он установил мировой рекорд полета по замкнутому 100-километровому маршруту. Кинотеодолиты зафиксировали скорость более 2 600 километров в час! В другом полете летчику-испытателю удалось поднять свою машину на высоту 36 240 метров (прежний рекорд высоты принадлежал тоже советскому летчику Георгию Мосолову), а с грузом одна и две тонны Федотов установил еще два рекорда высоты — по 35 200 метров!

Фото Г. МАКАРОВА.

Михаил ОЗЕРОВ

Фото автора.

НА КОРАЛЛОВОМ АРХИПЕЛАГЕ

— Так все на свете проспать можно. Вставайте, мы подходим,— разбудил меня капитан советского корабля «Баскунчак».

Выхожу на палубу. На горизонте виднеется множество точек. Это острова — разного размера и формы, но все сказочно красивые: окружённые голубой гладью океана, опоясанные узкой полосой белого песка, утопающие в тропической зелени.

Каждый остров манит, зовет, притягивает к себе, но наш корабль «стойко» идет мимо. Нам нужен самый большой остров, на котором раскинулась столица Мальдивской Республики — Мале.

Пробравшись между рифами и отмелями, «Баскунчак» входит в порт Мале.

Улицы столицы прямые и чистые. Мостовые, дома и заборы белого цвета — они сделаны из кораллов.

Уже минут тридцать продолжается путешествие. Почему так долго, ведь остров всего полкилометра в ширину и полтора в длину? Немного смутившись, Джалиль говорит: от пристани до МИДа двести метров, и туда можно добраться за несколько минут. Поэтому для «торжественности» нас возят вокруг города.

Понять наших хозяев можно. Страна их миниатюрна. Здесь живет лишь 118 тысяч человек. Они разбросаны на двухстах обитаемых островах, причем некоторые островки меньше футбольного поля, а вообще архипелаг состоит из двух тысяч островов.

В Мальдивской Республике — нелегкие климатические условия, песчаные, малоплодородные почвы, почти нет рек. Поэтому ощущается острая нехватка овощей и фруктов. Даже рис, основной продукт питания, приходится импортировать. Здесь также отсутствует и животноводство. Жизненный уровень в стране пока низкий. В республике нет промышленности, за исключением кустарных предприятий по строительству лодок, плетению сетей, изготовлению циновок из тростника.

Мальдивы — древнее государство.

В 1558 году на островах побывали португальцы, затем здесь пытались закрепиться англичане. В 1887 году Великобритания навязала стране так называемый «договор о протекторате». С этого времени архипелаг стал фактически английской колонией. Начались регулярные заходы сюда британских военных кораблей. Остров Ган был превращен в базу английских ВМС.

Однако мальдивцы не прекращали борьбу за свободу. И в 1965 году она увенчалась успехом — провозглашением независимости. А спустя три года состоялась торжественная церемония объявления Мальдивов республикой. Первым президентом стал Ибрагим Насир — один из руководителей освободительного движения.

...Рано утром, как только начинает всходить солнце, в море уходят сотни лодок. Мальдивы — страна рыбаков. Даже десяти-одиннадцатилетние ребятишки участвуют вместе с отцами в промысле. А потом получают свою «законную» долю.

Частным владельцам на Мальдивах принадлежат почти все суда. Из четырех тысяч лодок, которые существуют в стране, лишь несколько десятков оборудованы двигателями. Из-за низкого технического уровня лов ведется не дальше пятнадцати — двадцати километров от берега, хотя ширина территориальных вод республики — 166 километров.

В настоящее время правительство разработало и начало осуществлять программу модернизации рыболовства. Она предусматривает механизацию лодок, строительство траулеров. Под контроль государства взят также экспорт рыбы.

За рубеж идет сушеный тунец, который широко известен в Азии под названием «мальдивская рыба». На него падает 90 процентов доходов от экспорта страны. Основной покупатель тунца — Шри Ланка. На архипелаге нет холодильников, поэтому свежая рыба не вывозится.

Важнейшая сельскохозяйственная культура островов — кокосовая пальма. Ее называют здесь «деревом жизни». Из пальмовой древесины сельские жители строят хижины, листьями покрывают крыши, орехи используют в пищу. Мякоть ореха — копра, из которой делается кокосовое масло,— идет и на внешний рынок.

Обычно, когда говорят, богат или беден человек, в первую очередь имеют в виду деньги, которыми он располагает. На Мальдивах мерилом богатства служат кокосовые пальмы.

Земля на архипелаге принадлежит государству, но власти охотно продают острова, считая, что их и так слишком много. Цена острова определяется не его площадью, а числом растущих на нем кокосовых пальм. Средний по местным масштабам остров стоит около пятидесяти тысяч рупий. Это «солидная» сумма: цена автомобиля — 5 тысяч, велосипеда — 400 рупий. Однако есть люди, которые владеют несколькими десятками островов. Иностранцам земля не продается.

Еще одно богатство республики — знаменитые морские раковины, считающиеся лучшими в мире.

В Мале на каждом шагу встречаешь магазины и лавочки. В них можно найти все что угодно: японские магнитофоны и американскую жевательную резинку, купальники из Австралии и стеганые теплые куртки из Норвегии (правда, непонятно, кому они тут нужны). В 1969 году столица стала «открытым портом» — иностранные товары не облагаются пошлиной. С импортными товарами успешно конкурируют мальдивские раковины. Они продаются повсюду: в магазинах, на рынках, даже у входа в министерство безопасности.

«Дары моря» наряду с выпуском почтовых марок приносят стране немалый доход. Так же как и туризм, быстрое развитие которого началось здесь с прошлого года.

Туристы. Для них, кажется, не осталось «белых пятен» на свете. Джунгли Амазонки, острова Фиджи, территория, где живут племена африканских пигмеев, — даже в такие дебри добираются увешанные кино- и фотокамерами люди. Минувшим летом на двух необитаемых островах было решено создать туристские центры. Спустя три месяца на месте глухих зарослей появились современные городки, гостиницы с кондиционерами, рестораны, теннисные корты.

Чтобы понять «секрет» таких быстрых темпов, надо знать трудолюбие мальдивцев. С самого утра и до поздней ночи нигде не встретишь праздношатающегося или скучающего человека. Различные митинги, собрания, торжественные церемонии проводятся только по вечерам, когда кончается работа. Даже заседания меджлиса (парламента) открываются в девять часов вечера.

...Целый день провели мы на прекрасном острове Курумба. Купались в прозрачном, чистом океане с гладким, песчаным дном. Надев маски, погружались в удивительное царство: золотые, голубые, всех цветов радуги рыбы снуют по коралловым городам, прячутся в коралловых пещерах, мчатся наперегонки над острыми белыми шпилями. Уж на что знаменит своим подводным миром город на восточном побережье Цейлона Хиккадува, но и ему далеко до Мальдивов!

Слово «Цейлон» часто слышишь здесь. И дело не только в том, что Шри Ланка ближе других государств расположена к архипелагу (правда, близость тут относительная — 700 километров), что климат обеих стран схож: жаркий и влажный, с муссонными режимами, с незначительным колебанием температуры в течение суток и всего года.

Мальдивская Республика поддерживает давние тесные связи со Шри Ланка в самых разных областях. Это ее главный торговый партнер, единственное государство, с которым у островов есть воздушное сообщение. Даже музыку для мальдивского государственного гимна написал известный ланкийский композитор У. Амарадева. По пальцам можно пересчитать иностранцев, работающих на архипелаге. И почти все они цейлонцы: врачи, геологи, геофизики.

И еще учителя. Просвещение — одна из острых проблем в республике. Лишь один человек из пяти умеет читать и писать. В Мале находятся три средних школы: частная и две государственных. На других островах есть только начальная школа. Серьезной проблемой уже долгое время остается проблема языка: в начальных школах преподавание ведется на мальдивском, в средних — на английском языке. Низкой грамотностью населения объясняется то, что в стране выходит всего две газеты, общий тираж которых меньше полутора тысяч экземпляров. Помогая улучшать систему образования, Шри Ланка присылает сюда учебное оборудование, помогает строить школы. Многие мальдивцы уезжают учиться в Цейлонский университет (своих вузов на островах нет).

Ставропольский край. Колхоз имени Свердлова. Лучшему комбайнеру комсомольцу Сергею Колесникову преподносят каравай из пшеницы нового урожая.

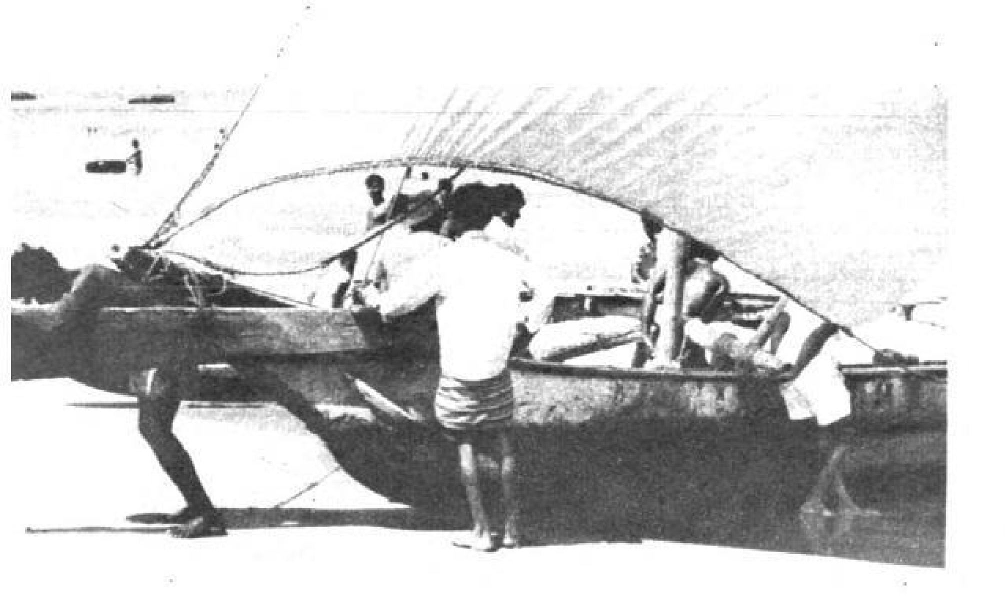
Фото А. Гостева.

Западно-Сибирский металлургический завод выступил инициатором соревнования за досрочное освоение новых металлургических агрегатов. За минувшие три года пятилетки страна получила дополнительно более двух миллионов тонн запсибовской стали.

Фото Г. Копосова.

Врач Мохаммед Ахмед окончил Ленинградский медицинский институт.

Рыбаки и дети Мальдивов.

Шри Ланка — единственная страна, от которой мальдивское правительство принимает безвозмездную экономическую помощь. Дело в том, что руководство республики проводит чрезвычайно осторожный внешнеполитический курс, опасаясь попасть в зависимость от иностранных держав. Хотя она поддерживает дипломатические отношения с девятнадцатью государствами, в Мале нет ни одной иностранной миссии. Единственное мальдивское посольство находится все в том же Коломбо.

Такая осторожность понятна. Она объясняется тем интересом, который проявляют империалистические страны, в первую очередь Англия и США, к маленькому архипелагу. Очень уж их привлекает его выгодное стратегическое расположение в Индийском океане!

— Мы поддерживаем дружбу с государствами, которые уважают нашу независимость и территориальную целостность,— говорит премьер-министр Ахмед Заки. Мы встретились с ним в его резиденции.

Подвижный и общительный, премьер-министр выглядит гораздо моложе своих сорока лет. Не верится, что за его плечами долгие годы борьбы против колонизаторов, что свыше пяти лет он еще и министр иностранных дел, что у него взрослый сын, который учится, между прочим, в Ленинграде.

В начале нашего разговора Ахмед Заки замечает, что он в первый раз дает интервью советскому журналисту, что очень рад этому факту и хочет откровенно поговорить о делах страны.

Во время беседы премьер-министр снова и снова возвращается к мальдивско-советским отношениям.

— Наш народ,— подчеркивает он,— высоко ценит миролюбивую политику СССР, политику поддержки развивающихся государств. Советский Союз — искренний друг народов, которые отстаивают свою независимость. Мы благодарны вам за большую помощь в укреплении мальдивской экономики, подготовке кадров и от всей души приветствуем каждый новый шаг по пути развития наших дружеских связей.

Не раз вспоминал я эти слова во время поездки по республике. Вспоминал, когда в крупнейшей на архипелаге школе — «Маджийя скул» — экспонировалась выставка советской фотографии. На ее открытие, казалось, приехала вся страна. Рядом с одетыми «по протоколу» членами правительства — рыбаки в полосатых саронгах, женщины в разноцветных сари, школьники в белой форме. Не только зал, но и двор школы и даже улицы вокруг заполнены народом.

Центральной темой выступлений местной печати стал в те дни футбольный матч сборной Мальдивской Республики с командой корабля «Баскунчак». Спорт чрезвычайно популярен на островах. Здесь любят травяной хоккей, велосипедные гонки, настольный теннис, шахматы. По настольному теннису проведено уже пятнадцать первенств страны, в последнем из них, в 1972 году, участвовало рекордное число спортсменов — 92. Во время матча Спасский — Фишер шахматные доски были прикреплены к заборам, и лучшие мальдивские игроки прямо на улицах комментировали партии.

Но спорт номер один на архипелаге — футбол. Уже за месяц до прихода нашего корабля началась подготовка к встрече с советскими моряками. Делались всевозможные прогнозы, обсуждался состав сборной. Центральный стадион в Мале приводили в порядок: утрамбовывали землю, подстригали траву.

Конечно, Центральный стадион — это не Лужники. На нем, кроме футбольного поля, нет ничего: ни трибун, ни табло. Однако в день матча здесь появилось несколько скамеек для почетных гостей. Мальдивцы хорошо двигались, сильно били по воротам, хотя играли босиком. К восторгу публики, они победили со счетом 2 : 0.

— Все-таки полгода не ходили по земле, только плавали. А тут бегать пришлось,— оправдывался капитан нашей команды.

Правда, на следующий день моряки взяли реванш: выиграли в волейбол тоже с «сухим» счетом — 3 : 0.

Во время нашего визита у касс кинотеатра «Олимп» выстраивались длинные очереди. Здесь проходил фестиваль советских документальных фильмов. В республике есть два кинотеатра: государственный и частный. «Олимп» — государственный. Перед открытием фестиваля в фойе кинотеатра ко мне подошел худощавый паренек и неожиданно спросил по-русски:

— Вы давно были в Ленинграде?

Оказалось, что Мохаммед Ахмед — выпускник Ленинградского медицинского института.

На следующее утро он долго и с увлечением показывал нам больницу, в которой работает врачом. А показать тут действительно есть что: светлые, удобные палаты, оборудованная по последнему слову техники операционная, терапевтический, глазной и зубной кабинеты.

В больнице практикуют четыре врача. Любопытно, что двое из них учились в Советском Союзе. Каждому приходится быть мастером на все руки: и хирургом, и акушером, и педиатром. Это единственный в стране госпиталь, поэтому, хотя он рассчитан на сорок коек, в нем, как правило, содержится в два раза больше больных. Но чтобы попасть в него, все равно приходится ждать очереди по нескольку месяцев.

Сейчас на архипелаге ускоренными темпами ведется улучшение системы здравоохранения. Первостепенное внимание обращено на подготовку медицинских специалистов. Важное место отводится борьбе с инфекционными болезнями, которые до последнего времени были здесь настоящим бедствием. Оспа, малярия, проказа ежегодно уносили сотни жизней. На различных островах организованы «центры здоровья», задача которых — предотвращение эпидемий. В них проводится вакцинация населения, лечение болезней в начальной стадии.

Мохаммед Ахмед постоянно бывает в этих «центрах». Он трудится по шестнадцать — восемнадцать часов в сутки.

— Не думаю, что справился бы с такой работой, если бы не учился в Советском Союзе,— говорит он.— Я с благодарностью вспоминаю ленинградских профессоров, которые за шесть лет сделали из меня специалиста широкого профиля. Обязательно передайте им, что мы на практике доказываем преимущества советских дипломов.

На Мальдивах мне казалось, будто я попал в сказку. Миниатюрные островки, экзотическая природа, необычные нравы. И во время «мальдивской жизни» меня не покидали чувства романтики, юности, жажды приключений.

В свете неоновых ламп утопает по вечерам столица. И когда наш корабль отходит от пристани, огоньки Мале подмигивают, как бы приглашая: приезжайте еще.

Мале — Коломбо.

Сергей Есенин и П. И. Чагин (справа) среди сотрудников газеты «Бакинский рабочий». 1925 г.

Юрий ПРОКУШЕВ

ЕСЕНИН В БАКУ

Но ту весну, которую люблю,
я революцией великой называю!
Есенин.

В 1925 году на Кавказе — в Баку и Тифлисе — выходят две новые книги Сергея Есенина — «Русь Советская» и «Страна Советская».

«Собранные здесь стихи,— писал в предисловии к книге «Русь Советская» редактор газеты «Бакинский рабочий», член ЦК Компартии Азербайджана П. И. Чагин,— первые ласточки, первые предвестники настоящей революционной весны есенинского творчества. В этих стихах Сергей Есенин — **уже больше чем попутчик; он уже наш спутник** (подчеркнуто П. И. Чагиным)...

Такие превосходные создания есенинского пера, как «На родине», «Русь Советская», чрезвычайно характерны не только для него, но и для всей той среды, через которую и вместе с которой он, подгоняемый ветрами и бурями революции, проталкивается к массам».

«В гражданских стихах Есенина,— отмечает далее П. И. Чагин,— нашел свое поэтическое выражение перелом, происходящий теперь в настроениях и сознании нашей интеллигенции. Это лишний раз свидетельствует о непочатой силе есенинского таланта и о том, какого большого поэта приобретает в нем революция».

Каждый образ, каждая строка книги «Русь Советская» подтверждают мысли автора «Предисловия». Достаточно обратиться к ее составу, чтобы явственно почувствовать это. «Поэма о 36», «Песнь о великом походе», «Баллада о двадцати шести», «Возвращение на родину», «Русь уходящая», «Письмо к женщине», «Письмо к матери» и, наконец, «маленькая поэма» — «Русь Советская», давшая название всей книге,— вот те произведения, которые вошли в бакинскую книгу поэта. Все сказанное выше с еще большим основанием может быть отнесено к книге «Страна Советская». Есенин включил в нее «Возвращение на родину», «Русь Советскую», «Русь бесприютную», «Русь уходящую», «На Кавказе», «Поэтам Грузии», «Балладу о двадцати шести», «Письмо к женщине», «Страну негодяев» (отрывки из драматической поэмы), «Письмо от матери», «Ответ», «Стансы», «Письмо деду», «Ленин» (отрывок из поэмы «Гуляй-поле»), «Метель».

Во всю мощь звучит в книгах «Русь Советская» и «Страна Советская» голос новой революционной России, ее радости, тревоги, надежды.

Как и для одного из героев Есенина, комиссара Рассветова, отныне и навсегда Советская власть неотделима от России и для самого поэта. Взволнованно говорит он об этом в «Стране Советской»:

Но Россия... вот это глыба...
Лишь бы только Советская власть!..

Даже в глубоко **личном**, исповедальном, интимнейшем разговоре с любимой в знаменитом «Письме к женщине», разговоре, непосредственно, казалось бы, далеком от судеб родины, революции, поэт, как о самом главном изменении своей жизни, с радостью, счастливо сообщает любимой, что отныне он «за знамя вольности и светлого труда готов идти хоть до Ламанша». Романтически-революционная устремленность поэта в будущее в его стихах теперь неотделима от его личной судьбы. Как никогда ранее, творчество Есенина сейчас все зримее «стыкуется» с новью советской. Обостряется до предела чувство гражданской ответственности поэта перед своим временем, народом, Родиной. Мысли эти все больше волнуют Есенина. Предельно откровенны и глубоки раздумья поэта на эту тему в его «Стансах», написанных на Кавказе осенью 1924 года:

Стишок писнуть,
Пожалуй, всякий может —
О девушке, о звездах, о луне...
Но мне другое чувство
Сердце гложет,
Другие думы
Давят череп мне.

Эти «другие думы» поэта примечательны. Вспомним, что еще три-четыре года тому назад Есенину виделся его путь в литературе и жизни как путь «последнего поэта деревни». В «Стансах» же поэт дерзко мечтает о совершенно ином пути, иной своей судьбе в будущем:

Хочу я быть певцом
И гражданином,
Чтоб каждому,
Как гордость и пример,
Был настоящим,
А не сводным сыном —
В великих штатах СССР.

В книгах «Русь Советская» и «Страна Советская» чувство сыновней любви и верности Советской Родине высказано поэтом с особой художественной выразительностью и убежденностью. В «Предисловии» П. И. Чагин справедливо говорит о том, что было характерно и примечательно для Есенина как художника, творчество которого все более органично сливалось с Октябрьской эпохой. К сожалению, при жизни поэта крайне редко писали и говорили о его творчестве, особенно его историко-революционных поэмах и стихах, так объективно и заинтересованно, как это сделал в своем «Предисловии» главный редактор «Бакинского рабочего».

Наоборот, значительно чаще художественно смелый и граждански решительный поворот Есенина как поэта к советской действительности, образу великого Ленина, историко-революционным темам не получал должной и справедливой оценки в критике. Даже те из критиков и редакторов, которые в общем-то поддерживали лирические стихи поэта, крайне односторонне, а порой и просто отрицательно воспринимали смелое и настойчивое обращение Есенина к большим социально-гражданским темам и образам, считая, что за эти темы пока лучше поэту не браться.

Вот что, к примеру, писал о «Стансах» Есенина главный редактор «Красной нови» А. Воронский:

«После... чудесных лирических стихов «Стансы» режут слух как гвоздем по стеклу. Они небрежны, написаны с какой-то нарочитой, подчеркнутой неряшливостью, словно поэт сознательно хотел показать: и так сойдет». И далее: «...Хуже всего, что «Стансам» не веришь, они не убеждают. В них не вложено никакого серьезного, искреннего чувства, и клятвы поэта звучат сиро и фальшиво».

Но и этого критику показалось недостаточно. И он вновь и вновь повторяет, что «Стансы» «фальшивы, внутренне пусты, неверны, несерьезны, невески, их пафос неуместен, они безрадостны и худосочны». В конце автор приходит к такому заключению:

Глава из новой книги о С. Есенине.

«Если внимательно вчитаться в «Стансы», станет очевидным, что за внешней революционностью таится глубочайшее равнодушие и скука; как будто говорит поэт: хотите революционных стишков,— могу, мне все равно, могу о фонарях, об индустрии, о Ленине, о Марксе. Плохо? Ничего, сойдет; напечатаете».

Так резко отозвался о «Стансах» литератор, который в общем относился к Есенину со вниманием и охотно печатал в своем журнале есенинские стихи. Что же говорить о разного рода Крученых! Они и при жизни Есенина и особенно после смерти поэта всячески стремились убедить всех и вся, что «Есенин... в «советских» стихах беспомощно топтался на истрепанных и надоевших путях и образах — общих местах», что «вообще, в последний период его творчества ему лучше удавались строки о мрачном разрушении... нежели строки о светлом строительстве («Стансы» и проч.). Это вполне понятно — поэт всегда лучше всего пишет о том, что созвучно его внутренней жизни. А внутренняя жизнь Есенина в последние годы была только дорогой к смерти».

Как в таких случаях говорят: комментарии излишни. Заметим лишь, что сам поэт при жизни решительно отвергал подобные критические «поучения» и попытки доказать его равнодушие и неискренность в «Стансах».

Есть музыка, стихи и танцы,
Есть ложь и лесть...
Пускай меня бранят за «Стансы» —
В них правда есть.

Так отвечал поэт всем хулителям его «Стансов» в стихотворении «1 Мая», написанном на Кавказе весной 1925 года.

Здесь уместно будет вспомнить, что и раньше, в первые годы революции, обращение Есенина к темам гражданской революционной лирики, его искреннее стремление стать ближе к тем, кто творил великий Октябрь, далеко не всегда встречали правильное отношение и понимание. Вскоре после смерти поэта Георгий Устинов, знавший Есенина, встречавшийся с ним в разные годы, писал на страницах ленинградской «Красной газеты»:

«Сергей Есенин — может быть, очень не надолго, но крепко почувствовал железный, неуклонный шаг революции: в начале 1919 г. он однажды робко приносит мне на стол записку, написанную мелким прямым почерком, так похожим на почерк М. Горького. Это было заявление С. Есенина о его желании вступить в партию большевиков, «чтобы нужнее работать».

— Напиши, пожалуйста, рекомендацию... Я, знаешь ли... я понял... и могу умереть хоть сейчас.

Тогда с коммуниста это спрашивалось в первую очередь. В эти огненные годы нужна была полная готовность умереть за Советскую власть, за коммунизм, чтобы быть революционером. Других революционеров партия не знала.

— Нет, Сергей, в партию тебе... зачем?
— А стихи?
— Давай, попробуем...

И Сергей Есенин пишет слабоватое, но зато вдребезги «революционное» стихотворение «Небесный барабанщик». Я в то время был заведующим редакцией московской «Правды» и при нем, при Есенине, написал на уголке стихотворения: «По-моему, годится».— А впрочем, подожди,— говорю,— что скажут другие члены редколлегии». И послал стихотворение Н. Л. Мещерякову. Тот возвратил стихотворение тут же, с такой надписью: «Нескладная чепуха. Не пойдет. Н. М.».

— Ну, как... насчет заявления?
— Подожди... Надо подумать...

Через неделю-другую Сергей Есенин учредил теперь уже достаточно известную, достаточно надоевшую и достаточно забытую литературную секту под названием «имажинизм».

Вольно или невольно, но и Устинов и Мещеряков не поддержали поэта в очень важную для него пору. А ведь Есенин еще в 1914 году напечатал в «Правде» одно из своих ранних гражданских стихотворений — «Кузнец».

Есенин впервые приезжает в Баку 20 сентября 1924 года. В тот же день он встречается с П. И. Чагиным, с которым он познакомился в феврале 1924 года в Москве. «Я пожурил Есенина за то, что он так поздно приехал,— вспоминает П. И. Чагин,— ведь 20 сентября — священный для бакинцев день памяти 26 комиссаров. И если бы приехал дня на два раньше, он мог бы дать в юбилейный номер стихи. Есенин еще в Москве признавался мне, что тема гибели 26 комиссаров волнует его.

Быстро договорились поправить дело и поместить есенинские стихи по горячему следу в ближайшем номере газеты. Но их еще нет в природе. Как же быть?

Я вооружил Есенина материалами о 26 бакинских комиссарах — недостатка в них в Баку не было. Есенин жадно набрасывается на эти материалы и запирается в моем редакторском кабинете.

Под утро приезжаю в редакцию и вижу: стихи «Баллада о двадцати шести» на столе. И творец этой жемчужины советской поэзии лежит полусонный на диване, шепча еще не остывшие строки:

Пой, поэт, песню,
Пой.
Ситец неба такой
Голубой...
Море тоже рокочет
Песнь.
26 их было,
26.

В ближайшем номере, 22 сентября, «Баллада о двадцати шести» была напечатана в «Бакинском рабочем». Есенин посвятил ее художнику Г. Якулову.

Есенин был хорошо знаком с Г. Якуловым. В мастерской художника в Москве он видел его работу над памятником бакинским комиссарам. Возможно, именно Якулов своей увлеченной работой над памятником первоначально пробудил интерес к этой теме у Есенина.

Может показаться, что Есенин написал свою «Балладу» с «налету», чуть ли не шутя, без подготовки... На самом же деле он смог создать свои стихи о бакинских комиссарах так быстро именно потому, что тема эта волновала его уже не один день.

«36. Баллада». Так первоначально озаглавил Есенин в черновом автографе «Поэму о 36», написанную им в августе 1924 года. Продолжая после «Песни о великом походе» дальнейшую работу над историко-революционной темой, Есенин создает поэму, героями которой являются революционеры, узники Шлиссельбурга, идущие затем по этапу в сибирскую ссылку и каторгу. Их дух не сломлен. Они продолжают вести борьбу с царизмом и побеждают:

Их было тридцать
Шесть.
В камере негде
Сесть.
В окнах бурунный
Вспург.
Крепко стоит
Шлиссельбург,
Море поет ему
Песнь.

Эти строфы «Поэмы о 36» стали для Есенина как бы первыми поэтическими «завязями», первыми аккордами героической темы, которые в дальнейшем во многом определили высокое романтическое звучание его «Баллады о двадцати шести». Опыт работы над «Песнью о великом походе», и особенно «Поэмой о 36», естественно, способствовал созданию Есениным «Баллады о двадцати шести» в такие предельно сжатые сроки.

При этом в «Балладе о двадцати шести» для Есенина главное не история сама по себе, а современность, важен показ результатов героической борьбы бакинских комиссаров за свободу людей труда. Ради светлого будущего Родины отдали они свои прекрасные жизни. Вот почему герои бессмертны и всегда с нами, в наших сердцах, в нашей памяти. Мысль эта заглавная в «Балладе». В этом ее окрыляющий революционный пафос.

Слушая чеканные, литые строки «Баллады о двадцати шести», невольно вспоминаешь призывные ритмы «Левого марша» Владимира Маяковского. Одним из первых вместе с В. Маяковским, Н. Асеевым и другими зачинателями советской поэзии Есенин создает поэтический памятник, достойный славных сынов революционного Азербайджана.

В номере «Бакинского рабочего» за 22 сентября 1924 года вместе с «Балладой о двадцати шести» Сергея Есенина было напечатано стихотворение Демьяна Бедного «Не забывайте клятвы». В этом же номере «Бакинского рабочего» была напечатана поэма Николая Асеева «26. Памяти павших», датированная автором «Москва, Сентябрь 1924». Обращаясь в конце поэмы к бакинским комиссарам, к их памяти, Асеев взволнованно говорит:

Эта песня писана
в вашу честь,
Эта песня о вас,
двадцать шесть.
. . . .
Ваш последний шаг —
все звенит в ушах.
Той стране не пасть,
той стране цвести,
Где могила есть
двадцати шести.

К теме героической гибели 26 бакинских комиссаров обращается в это же время и В. Маяковский. В сентябре 1924 года поэт находится на Кавказе, в Грузии. Здесь он пишет свое известное стихотворение «Гулом восстаний, на эхо помноженным, об этом дадут настоящий стих, а я, лишь то, что сегодня можно, скажу о деле 26-ти».

Вчера —
20.
Сегодня —
100.
Завтра
миллионом станем!
Вставай!
Подымись, трудовой Восток,
единым,
красным станом!

В 1928 году в Баку выходит книга: «26. Сборник поэм и стихов памяти 26-ти бакинских комиссаров». На обложке — имена авторов произведений, составивших эту книгу: Д. Бедный, Н. Асеев, С. Есенин, В. Маяковский, бакинские поэты: М. Юрин, Б. Серебряков, М. Данилов, Ю. Фидлер (в таком порядке поэты были представлены в сборнике).

Стихи сборника «26» неоднократно читались на митингах и вечерах памяти бакинских комиссаров, звучали на этих встречах и строки есенинской «Баллады»...

«Помню,— рассказывает П. И. Чагин,— с каким вдохновением Сергей Есенин читал эту свою знаменитую «Балладу» у памятника двадцати шести и какой бурной овацией наградили его бакинские рабочие». Многих взволновало выступление поэта у памятника... «Голос Есенина,— вспоминает один из бакинцев,— несся над толпой, собравшейся у памятника, над домами, с которых свешивались восточные ковры. Негромкий, удивительно выразительный, этот голос как бы воздвигал другой, поэтический, памятник двадцати шести погибшим комиссарам».

«Баллада» положила начало активному выступлению Есенина на страницах «Бакинского рабочего» в 1924—1925 годах.

На другой день после ее опубликования, 23 сентября 1924 года, в газете под общим заголовком «Стихи Сергея Есенина», ставшим с той поры традиционным, были напечатаны: «Отговорила роща золотая...» и «Сукин сын» («Снова выплыли годы из мрака...») Это была первая публикация ныне известнейших есенинских стихов.

В том же номере газеты сообщалось о предстоящей встрече Есенина с бакинскими рабочими писателями: «В среду в 6 часов вечера в Черном городе, в клубе... состоится собрание рабочих писателей и поэтов, с участием поэта Сергея Есенина, находящегося в настоящее время в Баку. Повестка дня: читка стихов Есенина автором».

На следующий день — 24 сентября — в «Бакинском рабочем» впервые печатается «программная» «маленькая поэма» Есенина «Русь Советская».

25 сентября 1924 года газета публикует стихотворения «Пушкину», «Этой грусти теперь не рассыпать...». В этом же номере «Бакинского рабочего» была помещена статья о творчестве поэта, озаглавленная «Сергей Есенин». «У Есенина — истинный и глубокий талант»,— отмечает автор статьи, подчеркивая, что «самое удивительное в Есенине — это синтез Блока, Клюева и Маяковского. Многое взял он у своих предшественников и учителей. Взял и выплавил новый металл, горящий, искрящийся». Автор в заключение пишет, что «Есенин пойдет туда, где жизнь и живые люди».

26 сентября 1924 года на страницах «Бакин-

ского рабочего» печатается впервые «Низкий дом с голубыми ставнями...».

29 сентября 1924 года — «Страна негодяев» (отрывок из драматической поэмы). Это был знаменитый монолог Рассветова.

За неделю в «Бакинском рабочем» опубликовано восемь произведений С. Есенина. И каких! «Баллада о двадцати шести», «Русь Советская», «Отговорила роща золотая...», «Пушкину». Подлинный праздник русской советской поэзии в Азербайджане! Трудящиеся республики имели возможность ознакомиться с творчеством Сергея Есенина. «Бакинский рабочий» и в дальнейшем продолжает регулярно печатать стихи и поэмы Есенина. В газете были опубликованы впервые: «Я иду долиной. На затылке кепи...», «Спит ковыль. Равнина дорогая...», «Письмо деду», «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..», «Неуютная жидкая лунность...», «Синий май. Заревая теплынь...» — всего сорок шесть стихотворений и поэм.

1 и 3 мая 1925 года в газете «Бакинский рабочий» впервые была напечатана поэма «Анна Снегина», вошедшая ныне в классический фонд советской поэзии.

«Бакинский рабочий» не ограничивается публикацией стихов поэта. Газета рассказывает читателям о встречах Есенина с рабочими нефтяных промыслов, писателями, журналистами, студенческой молодежью. Так, 3 октября 1924 года в «Бакинском рабочем» сообщалось о выступлении поэта в Азербайджанском государственном университете. «Сегодня,— говорилось в заметке «Вечер Сергея Есенина»,— культпросветом АГУ в студенческом клубе имени «Сабира» устраивается вечер стихов поэта Сергея Есенина...

Широко известное всей читающей публике имя Сергея Есенина достаточно говорит за себя и дает уверенность в том, что весь литературный и любящий литературу Баку будет представлен на этом вечере полностью.

Сергей Есенин прочтет свои новые стихи и поэмы, являющие значительный перелом в его творческих настроениях и ряд крупнейших достижений в области поэтической формы».

6 октября 1924 года газета поместила отчет об этом вечере. Начинался он с полемического рассуждения автора о том, что «можно считать творчество Есенина нужным или ненужным, созвучным или несозвучным нашему времени, можно спорить о совершенстве его мастерства и значительности его достижений, можно называть его упадочником и попутчиком... Но немыслимо остаться равнодушным к звонкой простоте его стихов, чарующих неподдельной искренностью, доходящей до смелой откровенности, волнующих безудержной русской удалью...»

Были в Баку у Есенина и другие знаменательные встречи.

Весной 1925 года в Азербайджан на гастроли приехал Московский художественный театр. Приехали Станиславский, Качалов (с последним Есенин встречался еще в Москве, тогда же написал свои взволнованные, наполненные светлой грустью стихи «Дай, Джим, на счастье лапу мне...»). Со Станиславским поэт встретился впервые в Баку, беседовал, читал стихи. Мхатовцы в тот вечер играли «Царя Федора».

«Я... привел Есенина за кулисы, в нашу уборную,— рассказывает Качалов.— Познакомил со Станиславским. У Есенина в руке несколько великолепных чайных роз. Пальцы раскровавлены... «Это я вам, об шипы накололся, пожалуйста»,— поднес нам каждому по два цветка... Я ушел на сцену кончать последний акт «Царя Федора». Возвращаюсь... Станиславский, сощурив глаза, с любопытством рассматривает и внимательно слушает. Есенин уже без всякого звука хриплым шепотом читает стихи...»

Но, пожалуй, самым главным, по свидетельству одного из бакинских литераторов, явилось то, что в Азербайджане «Есенин, едва ли не впервые, близко видит делателей и мечтателей социалистической нови. На Есенина бакинского периода, несомненно, оказала влияние личность Кирова... Когда Киров всходил на трибуну — невысокий, коренастый, в скромной куртке военного покроя,— он казался небольшим, почти незаметным...

Негромкий голос поначалу звучал сдержанно, сухо. Потом голос Кирова крепчал, становился мускулистым, заполнял зал. Молнии гнева, пафоса, иронии, казалось, вспыхивали среди бури чувств и мыслей. Киров как бы вырастал, поднимался над трибуной...»

О встречах Есенина с Кировым и Фрунзе, с рабочими бакинских нефтепромыслов, партийными и хозяйственными руководителями республики много интересного и поучительного мы узнаем от П. И. Чагина.

«Одним из самых примечательных дней в бакинский период жизни Сергея Есенина,— отмечает он в своих воспоминаниях,— был день 1 мая 1925 года.

Первомай того года мы решили провести необычно. Вместо общегородской демонстрации организовали митинги в промысловых и заводских районах, посвященные закладке новых рабочих поселков, а затем — рабочие, народные гуляния. Взяли с собой в машину, где были секретари ЦК Компартии Азербайджана, Сергея Есенина. Он не был к тому времени новичком в среде бакинских нефтяников. Он уже с полгода как жил в Баку. Часто выезжал на нефтепромыслы, в стихию которых, говоря его словами, мы его посвящали. Много беседовал с рабочими, которые знали и любили поэта. Есенина на маевке встретили как старого знакомого. Вместе с партийными руководителями ходил он по лужайкам, где прямо на земле, на молодой весенней траве, расположились рабочие со своими семьями, читал стихи, пел частушки.

После этого поехали на дачу в Мардакьянах, под Баку, где Есенин в присутствии Сергея Мироновича Кирова неповторимо задушевно читал новые стихи из цикла «Персидские мотивы».

«Огромное впечатление,— отмечает П. И. Чагин,— произвела на Есенина эта встреча с Сергеем Мироновичем».

О том, сколь все это было важно для поэта, как все это согревало его сердце и душу, рассказывает один из участников встречи с рабочими-нефтяниками: «...Есенин... переходил от группы к группе, оживленный, разговорчивый, поднимая тосты за рабочих, принимая тосты за поэзию.

Тонкие морщинки у щек разгладились, на бледные губы легла улыбка. Казалось, Есенин, озябший в своем уединении, грелся среди людского множества у праздничных костров человеческого тепла.

Киров дружелюбным, умным, чуть насмешливым взглядом следил за весенним походом поэта «в массы».

Но, пожалуй, еще более восторженно и окрыленно о своих чувствах, рожденных светлым праздником трудового братства, рассказал сам поэт в стихах, посвященных этой памятной для него встрече. Он так и назвал их — «1 Мая». С доброй, веселой улыбкой ведет поэт свой праздничный «репортаж».

5 мая 1925 года это стихотворение Есенина было напечатано в «Бакинском рабочем», редакция которого стала для Есенина поистине родным домом.

«Дружище Сергей, крепись и дальше... Что пишешь? Персидские мотивы продолжай, невредно, но работай над ними поаккуратней, тут неряшливость меньше всего уместна,— замечает дружески в одном из писем к Есенину П. И. Чагин.— Вспомни уклон в гражданственность, тряхни стариной — очень неплохо было бы, чтобы соорудить что-нибудь в честь урожая, не браваду и не державинскую оду, а вещь, понимаешь?»

Сотрудничавший в те годы в «Бакинском рабочем» писатель Владимир Швейцер справедливо указывает, что для иных литераторов того времени «Есенин был только «упадочным» поэтом с сомнительным имажинистским прошлым. Для «Бакинского рабочего» это был ценный постоянный сотрудник — стихи его печатались рядом с передовыми статьями и фельетонами».

Живя в Баку, поэт не устает интересоваться делами нефтяников, он стремится воспеть «индустрийную мощь», рождающуюся на древней азербайджанской земле. Осенью 1924 года он писал в «Стансах»:

Дни, как ручьи, бегут
В туманную реку.
Мелькают города,
Как буквы по бумаге.
Недавно был в Москве,
А нынче вот в Баку.
В стихию промыслов
Нас посвящает Чагин.

«Смотри,— он говорит,—
Не лучше ли церквей
Вот эти вышки
Черных нефть-фонтанов.
Довольно с нас мистических туманов,
Воспой, поэт,
Что крепче и живей».

Нефть на воде,
Как одеяло перса,
И вечер по небу
Рассыпал звездный куль.
Но я готов поклясться
Чистым сердцем,
Что фонари
Прекрасней звезд в Баку.

Я полон дум об индустрийной мощи,
Я слышу голос человечьих сил.
Довольно с нас
Небесных всех светил —
Нам на земле
Устроить это проще.

Уже в те годы Баку становится одним из революционных форпостов индустрии молодой Советской республики на Востоке.

К широко известным тогда в стране промыслам Азнефти было приковано внимание всего Союза. Многие ведущие писатели приезжали тогда в Баку и писали о знаменитых нефтепромыслах. Одним из первых среди них был Есенин.

В 1926 году в Баку, на промыслах Азнефти, побывал Маяковский, а спустя два года — Горький. Оба они помнили и знали дореволюционный «черный город». Им было с чем сравнить, сопоставить настоящее и прошлое Баку.

Горького и Маяковского поразили результаты начавшихся социалистических преобразований бакинских нефтепромыслов, первые успехи свободного социалистического труда.

То, что так взволновало и обрадовало при встрече с Баку советским Горького и Маяковского, что наполнило гордостью их сердца и на что они так восторженно-увлеченно откликнулись живым писательским словом в своих очерках,— все это по-своему испытал и пережил Есенин.

Здесь, в Баку, он, пожалуй, впервые так явственно ощутил путь своей Родины в будущее.

Неоднократно Есенин говорит об этом в кавказских стихах. Особенно значительно и важно в этом плане стихотворение «Неуютная жидкая лунность...», написанное Есениным весной 1925 года в Баку. 25 мая 1925 года оно было напечатано в «Бакинском рабочем». Стихотворение наглядно раскрывает нам глубину исторического мышления поэта, его предельно четкую идейную гражданскую позицию, зрелость его художественного метода.

Равнодушен я стал к лачугам,
И очажный огонь мне не мил,
Даже яблонь весеннюю вьюгу
Я за бедность полей разлюбил.

Мне теперь по душе иное...
И в чахоточном свете луны
Через каменное и стальное
Вижу мощь я родной стороны.

Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.

Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальною
Видеть бедную, нищую Русь.

И, внимая моторному лаю
В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз,
Ни за что я теперь не желаю
Слушать песню тележных колес.

Как глубоко и самозабвенно надо было любить Родину, какую чистую душу надо было иметь, чтобы сказать так мужественно по отношению к самому себе и так проницательно в отношении будущего России!

В кавказских стихах Есенин с болью, но окончательно прощается со старой, нищей, патриархальной Русью. Всем сердцем теперь Есенин принимает и готов воспеть иную красоту — красоту рождающейся «стальной» Руси, ибо за ней будущее. Вместе с тем Есенин ни на йоту не поступается в стихах любовью к «рязанским раздольям», красоте родной земли. И здесь нет никакого противоречия. В наши дни об этом прекрасно сказал Александр Твардовский в стихотворении «Разговор с Падуном». Людям нужна «тá и тá» красота: и красота могучего ангарского падужного порога и красота могучей Братской плотины, усмирившей стремительный бег великой сибирской реки.

В двадцатые годы Есенин почувствовал это одним из первых среди наших поэтов, и не только почувствовал, но сумел сохранить в своих стихах для потомков красоту родной природы, русских раздолий, красоту души русского человека, чарующее звучание русского слова, русской песни, вместе с тем сумел смело заглянуть в будущее «стальной» Руси, сумел рассказать в стихах о новой красоте, рожденной Октябрем, о подвиге восставшего, революционного народа, который с особой реальностью так счастливо открылся сердцу поэта в Баку.

А ОЛЕНИ ЛУЧШЕ...

ЕЩЕ ОДНО ПОСЛЕСЛОВИЕ К ФЕЛЬЕТОНУ «ОХ, УЖ ЭТИ ПАССАЖИРЫ!»

«Паровоз хорошо, пароход хорошо, самолет хорошо, а олени лучше». Знакомая песня? Ну, насчет паровоза — это, пожалуй, так, для красного словца. Этих одышливых старичков давно уже сменили тепловозы и электровозы, которые тянут по стальным ниткам железнодорожных путей длинные составы. Но, как говорится, тянут-потянут, а вытянуть не могут. То есть рано или поздно поезда, конечно, приходят к месту назначения. Разумеется, лучше поздно, чем никогда, но и опаздывать нехорошо. Даже очень нехорошо. Это обстоятельство, представьте себе, признают даже сами железнодорожники, вплоть до заместителя министра путей сообщения П. Лемещука. Признают, но как-то так получается, что, несмотря на эти признания, поезда все еще выходят из графика и то и дело опаздывают.

Разговор этот, увы, не новый. Еще в «Огоньке» № 20 за этот год был напечатан фельетон «Ох, уж эти пассажиры!» В нем подвергалось критике Министерство путей сообщения СССР за систематические нарушения графика движения пассажирских поездов. Ответил на фельетон заместитель министра тов. Лемещук в № 24 журнала. Через три месяца редакция проверила, как выполняются «дополнительные меры по обеспечению СТРОГОГО следования пассажирских поездов по расписанию».

Оказалось, плохо, просто из рук вон.

Редакция взяла интервью у заместителя начальника Главного пассажирского управления МПС Б. И. Торбы, у начальников вокзалов Казанского, Ярославского и Курского. Плачевнее всего обстояли дела с выполнением графика движения пассажирских поездов на дорогах Казахской, Северокавказской и Закавказской.

Эти интервью, а также жалобы пассажиров и комментарии редакции были опубликованы в «Послесловии к одному фельетону» в № 39 «Огонька».

Прошло два месяца, и тов. Лемещук вновь откликнулся. Оказывается, Министерство путей сообщения считает вопрос, затронутый в «Послесловии», «одним из важнейших» и «...рассматривает график следования пассажирских поездов как главный показатель организации движения поездов на сети дорог».

Обратите внимание, товарищи читатели,— ГЛАВНЫЙ показатель! Но если это так, то мы полагаем, что поезд, который, допустим, должен отправиться по расписанию в 0 часов 21 минуту, а прибыть в место назначения в 18 часов 20 минут, никак не может отойти с опозданием на 20—30 минут и добраться в назначенный пункт на два часа позже. В этом же самом уверены и пассажиры и почему-то ужасно нервничают, когда приезжают с опозданием, скажем, на совещания или к постели больного родственника.

Министерство же, исходя из вышеуказанного, то есть из того, что график следования поездов рассматривается как главный показатель движения поездов, постоянно проводит работу по совершенствованию расписания. Об этом прямо так и пишет в своем последнем ответе тов. Лемещук: «проводится работа...» Гм... Но позволим себе напомнить, что еще сатирики И. Ильф и Е. Петров, говоря, например, о чистоте, советовали, что не надо бороться за чистоту, а надо просто убирать.

Вот и мы хотели бы сказать: не надо бороться за график, надо просто его соблюдать.

Между прочим, как сообщает тов. Лемещук, одной из мер борьбы за график является «новая система премирования работников локомотивных бригад за сокращение опозданий пассажирских поездов».

Мера эта, скажем прямо, кажется нам анекдотичной. С таким же успехом можно было бы премировать, допустим, начальников станций за выход на работу с «сокращенным опозданием». Может быть, этот опыт заслуживает распространения, и следует вообще ввести премирование не за выполнение и перевыполнение производственных планов, а за «сокращение невыполнений»? Почему бы заодно не премировать и работников самого Министерства путей сообщения за сокращение неисполнений своих обязанностей?

В конце письма в редакцию тов. Лемещук отмечает: «Проведение указанных мер позволило повысить уровень выполнения графика движения пассажирских поездов». Правда, каков этот уровень, он не сообщает.

Мы, конечно, понимаем, что достигнуть 100-процентного выполнения графика просто невозможно. По теории вероятности. Мало ли что может помешать: снежный буран, ливень, размывший пути, и даже нетрезвая поездная бригада. Думаете, такого не бывает? Увы, бывает. Не знаем, как часто, но пример есть, вы прочтете о нем в печатаемом ниже письме читателя «Огонька» пенсионера К. Н. Перехватова.

Сто процентов — это, так сказать, теория, голубая мечта, но стремиться к ней надо. Хотя бы к 99,9 процента.

А теперь посмотрим, как это выглядит на самом деле.

Вот что сообщил нам начальник технического управления Главного управления движения В. М. Тужилкин. В сентябре график движения по Казахской, Северокавказской и Закавказской дорогам (именно о них и шла речь в «Послесловии») выполнялся соответственно на 98, 98,1 и 97,9 процента, а в октябре на 98,1, 97,7 и 97,5 процента. Цифры, откровенно говоря, неутешительные. Далеко им до идеальных 99,9 процента.

А вот вам и конкретные примеры.

Поезда № 89 Новокузнецк — Москва, № 17 Фрунзе — Москва, № 23 из Павлодара, № 93 из Магнитогорска систематически опаздывают на 1,5 — 2 часа. Сведения самые свежие, сообщены они начальником станции Москва — Рязанская-пассажирская Н. В. Вощининым.

— Да что там дальние поезда! — возмущается Николай Викторович.— Поезд номер девять из Куйбышева, которому до Москвы всего-то ходу каких-нибудь семнадцать часов, почти ежедневно приходит с часовым опозданием.

А вот что говорит с вполне объяснимой горечью главный инженер станции Москва — Казанская-пассажирская Виктор Константинович Мазанов:

— В сентябре, как раз после опубликования «Послесловия» в журнале «Огонек», на нашей дороге опоздало 97 поездов, в октябре — 147, а за 20 дней ноября — 68. Особенно «отличается» поезд № 3 Новосибирск — Москва: 20 ноября он опоздал на 21 минуту, 23 — на 40 минут, а 24 — на целый час.

— Опоздания? Ох, бывают! — признается начальник станции Москва — Курская-пассажирская И. И. Клоков.— Правда, не так, как летом, когда в разгаре курортный сезон. Но вот вам примеры: 27 ноября поезд № 6 из Баку пришел с двухчасовым опозданием, поэтому и отправлен был тоже позже графика. 29 ноября тот же поезд опоздал на полтора часа. Особенно стыдно за поезд № 38 Горький — Москва: расстояние-то всего 440 километров, а опаздывает ежедневно чуть ли не на час.

Продолжать? Пожалуй, не стоит.

О какой же «усиленной воспитательной работе среди лиц, связанных с движением поездов», можно тут говорить? Не отписку ли прислали нам из Министерства путей сообщения? Это несерьезно и неуважительно по отношению к миллионам наших читателей.

В результате мы приходим к весьма неутешительному выводу, к тому самому, о котором поется в песне: «А олени лучше!» Как-то неудобно в наш технический век констатировать столь обидное явление. Впрочем, будем оптимистами. Будем надеяться, что МПС переубедит нас и докажет, что железнодорожное сообщение все же лучше, чем поездка на оленях.

В. ПРИВАЛЬСКИЙ

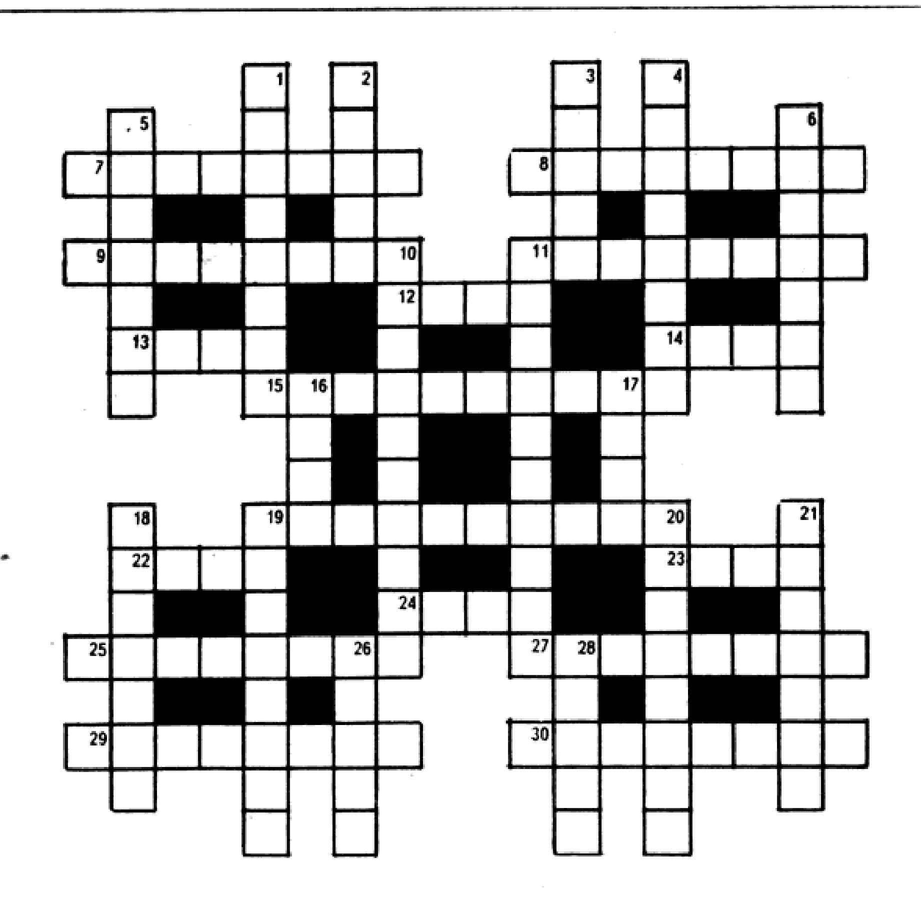
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемая редакция!

Хочу сообщить два факта. Один взволновал меня безответственным и бездушным отношением к людям со стороны работников Казанского вокзала. Второй порадовал хорошим, внимательным обслуживанием пассажиров на Ярославском вокзале. Два вокзала стоят друг против друга, а какая разница!

5 ноября я провожал своего родственника в Челябинск. Билет был взят на поезд 104, отбывающий из Москвы в 22 часа 20 минут. Примерно в 22 часа диктор объявил о посадке на 104-й поезд с пятого пути. Отъезжающие и провожающие вышли на перрон, куда уже был подан состав, но все вагоны были закрыты, без номеров, без света, и проводников не видно.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Русский писатель. 8. Конструктор дирижаблей. 9. Графическое украшение в книгах. 11. Хлопчатобумажная проклеенная ткань. 12. Автор панорам «Оборона Севастополя» и «Бородино». 13. Областной центр в РСФСР. 14. Денежная единица Японии. 15. Наука, изучающая историю человечества по вещественным памятникам. 19. Южная полярная область. 22. Газ. 23. Лошадь малорослой породы. 24. Хвойное дерево. 25. Спортивная лодка. 27. Приток Миссисипи. 29. Подставка для подрамника с холстом. 30. Древнегреческий философ-материалист.

По вертикали: 1. Морской рак. 2. Вид повествовательной литературы. 3. Естественный водоем. 4. Балет Л. Делиба. 5. Русский художник. 6. Самый большой остров в Малой Курильской гряде. 10. Пьеса А. Доде. 11. Украшение вокальной мелодии. 16. Река в Европе. 17. Государство в Азии. 18. Персонаж повести А. И. Куприна «Поединок». 19. Совместное исполнение музыкального произведения несколькими участниками. 20. Горная система в Северной Америке. 21. Спутник планеты Уран. 26. Башкирский духовой инструмент. 28. Порт в Югославии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

По горизонтали: 5. Кручинина. 8. Лейтенант. 9. Рубильник. 10. Клодт. 13. Потомак. 16. Гершель. 18. Леопард. 19. Жалюзи. 20. Родари. 21. Теорема. 24. Картина. 26. Транзит. 28. Аванс. 30. Калатозов. 31. Кинология. 32. Абонемент.

По вертикали: 1. Окинава. 2. Рудник. 3. Пируэт. 4. «Затишье». 6. Вершок. 7. «Жизель». 11. Ломоносов. 12. «Декамерон». 14. Окулист. 15. Калитва. 16. Гидрант. 17. Шарабан. 22. Каштан. 23. Симеиз. 25. Николаи. 27. Реторта. 28. Аносов. 29. Свитер.

Диктор по радио спокойно объявляет, что продолжается посадка на поезд 104, что до отправления поезда осталось 5 минут, просит выйти провожающих. А посадка фактически еще не начиналась. Люди бегают по перрону, спрашивают друг друга, где какой вагон, почему нет посадки. А вагоны стоят закрытые, темные. Пассажиры в недоумении, волнуются, ничего не могут понять. К счастью, в середине состава открыли или сломали двери, и все бросились на посадку. Мой родственник вместо 6-го вагона был втолкнут в 8-й вагон.

Мне около 70 лет. Много мне пришлось ездить на Дальний Восток, в районы Крайнего Севера и другие места, но такого безобразия я не видал. Поезд 104 из Москвы ушел с большим опозданием. При выходе на перрон я встретил женщину в железнодорожной форме с красной повязкой на рукаве, и на мой вопрос: «Почему же допущено такое безобразие?» — она мне на ходу ответила, что вся поездная бригада пьяная, и она ничего сделать не может, что она куда-то сообщит, кажется, резерву. И тут вспомнил я фамилии товарищей, которые упоминались в журнале «Огонек» № 39 за сентябрь этого года, в том числе и начальник Казанского вокзала тов. Карпов М. Ф.

А вот еще факт. 14 ноября мне пришлось провожать другого своего родственника с Ярославского вокзала поездом № 22. Состав был подан вовремя. Вагоны за номерами, полностью освещены. Проводники в парадной форме, спокойно стали производить посадку. В вагоне — чистота, на столиках белоснежные скатерки, в тарелочке — печенье к чаю, конфеты, вафли и даже свежая газета «Вечерняя Москва». Пассажиры входят в вагон радостные и довольные. Я был удивлен заботой и вниманием со стороны проводников и начальника поезда, сумевших создать такой уют для пассажиров в пути. Следовало бы работникам Казанского вокзала сходить на Ярославский и поучиться, как нужно обслуживать пассажиров.

Пенсионер **ПЕРЕХВАТОВ К. Н.**

Москва.

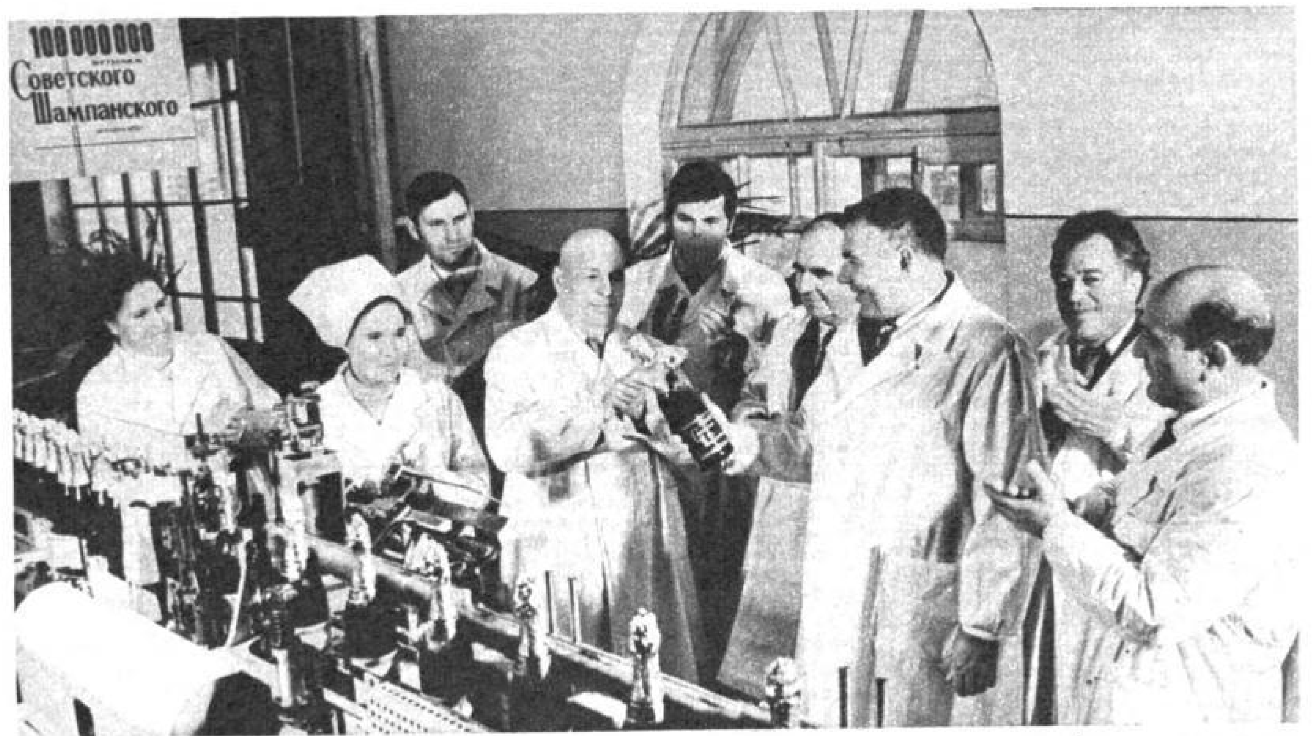

На первой странице обложки: С Новым годом! Работница винсовхоза Абрау-Дюрсо Валентина Ломовская (см. в номере репортаж «Сто миллионов тостов»).

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Хороший денек!

Фото Г. Макарова.

Есть стомиллионная.

СТО МИЛЛИОНОВ ТОСТОВ

К. БАРЫКИН

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

ПРЕДНОВОГОДНИЙ РЕПОРТАЖ

Еще в начале нынешнего года в Министерстве пищевой промышленности СССР нам сказали:

— В декабре будет выпущена стомиллионная бутылка Советского шампанского...

А недавно уточнили:

— Это произойдет в Абрау-Дюрсо...

Но 100-миллионная бутылка Советского шампанского выпуска 1973 года — приятное событие для всех наших виноделов. В ней, в стомиллионной, частица труда каждого из них — и тех, кто работает на знаменитом Московском заводе шампанских вин, и на предприятиях Ленинграда, Севастополя, Горького, Нового Света, словом — всех заводов шампанских вин!

И вот мы выходим из самолета в Краснодаре, а затем едем под Новороссийск, в Абрау-Дюрсо, в подвалах которого и происходит до сих пор никем до конца не понятое таинство превращения обычного сухого вина в напиток, которому нет равных. Нас сопровождает винодел Виктор Сигизмундович Винярский, человек знающий, не устающий рассказывать и о самом шампанском, и о его достоинствах, и о людях, которым вручена судьба этого напитка.

Абрау-Дюрсо — райский уголок. Пронзительного цвета озеро, опустевшие сейчас виноградники на склонах гор. И словно только что выбеленные стены завода шампанских вин.

— Где же стомиллионная? — первым делом спрашиваю директора предприятия, Героя Социалистического Труда Бориса Алексеевича Анашкина.

— Сами ждем... Видимо, завтра, примерно в полдень.

Советское шампанское — гордость нашего виноделия, и выпуск стомиллионной бутылки — событие торжественное и приятное. Не случайно и то, что юбилейная бутылка должна появиться именно здесь, в Абрау-Дюрсо, в винсовхозе, прославленном выпуском этого напитка. Давно замечено, что вина лучших марок производятся в краях, расположенных близ северных границ произрастания винограда. Абрау-Дюрсо занимает именно такие географические позиции. Местные игристые вина неизменно завоевывают первые места на всех советских конкурсах вин. 32 медали получило Советское шампанское из Абрау-Дюрсо, четырнадцать из них — золотые. Всем маркам шампанского с этикеткой Абрау-Дюрсо присвоен государственный Знак качества.

Сейчас предприятие живет планами значительной реконструкции. Будут созданы «Большие хутора» Абрау-Дюрсо, они соединятся с нынешними виноградниками — площадь плантаций возрастет более чем в два раза. Словом, расцвет сил. И помогает этому слаженный, дружный коллектив. Отсюда и ритмичность работы.

— Но все же в декабре темп чуть нарушается,— заметила одна из ветеранов завода шампанских вин, Раиса Ивановна Литовченко. — Предновогодье мы чувствуем по-своему: продукция-то праздничная, даже парадная.

И впрямь — какой новогодний тост без шампанского! Традиция? Пожалуй, но не только: есть в этом игристом вине торжественность и благородство, есть способность сделать стол нарядным, создать праздничное, радостное настроение...

Долго ежегодные выпуски Советского шампанского не превышали десятков тысяч бутылок. Потом счет пошел на миллионы, но немногие, как говорится, считанные. И теперь впервые за всю историю отечественного виноделия пищевики докладывают:

— Есть стомиллионная бутылка!

У главного шампаниста Абрау-Дюрсо Якова Ивановича Тамояна мы спрашиваем о том, что предшествовало этому событию, Тамоян и разговаривать не хочет: «Пока не отведаете...» Условие, признаться, приятное. Яков Иванович ставит бокалы, и вот они уже искрятся золотистым светом. Напитка в бокалах совсем немного...

— Вино может затеряться в больших количествах...

(Это один из советов, который виноделы адресуют потребителям своей продукции.)

...Нас угощают брютом. Если шампанское — король виноградных вин, то брют — глава всей королевской династии; это великолепное, совершенно сухое, без намека на сахар вино — настоящее произведение искусства. Как и всякое искусство, виноделие связано с историей. Есть она и у шампанского — вина с судьбой счастливой и разной.

Придумал этот напиток аббат дон Периньон еще до «Математических начал натуральной философии» Исаака Ньютона, задолго до паровоза и радио... С той поры нашли поправки к ньютонову закону, паровоза — и след почти простыл, радио «отпочковало» телевидение, а шампанское все не меняется.

Вечный напиток? Аббат хранил секрет за десятью замками своей памяти. Так и унес с собой в могилу. Но не затем родилось шампанское, чтобы умереть вместе со своим создателем! Оно было вновь открыто, но виноделы так намаялись с ним, что назвали «напитком дьявола» — случалось, треть всех заложенных на выдержку бутылок превращалась в осколки: при созревании шампанское набирало такую силу, что не всякое стекло могло устоять перед ней. Но и возле осколков стояла охрана — секрет приготовления шампанского по-прежнему оберегали от посторонних глаз и ушей. И когда в России начались работы по выпуску игристого вина, то пригласили специалистов из Франции. А уехали они и увезли с собой все тонкости дела.

Потому-то и занимает столь почетное место в музее Абрау-Дюрсо портрет русского профессора А. М. Фролова-Багреева. Это он стал основоположником науки о Советском шампанском, он подобрал к нему ключи и передал их всем виноделам страны. Наверное, сегодняшний день выпуска 100-миллионной бутылки стал бы для

Фролова-Багреева знаменательным днем. Естественно, что и у учеников знаменитого винодела нынче праздник.

Один из них, консультант винсовхоза Абрау-Дюрсо, бывший его главный шампанист, историограф этого предприятия, человек таких знаний, которые не исчерпать не то что одной беседой, а и многими вечерами, Эдуард Яковлевич Клоц, знакомит нас с хранилищами шампанского, расположенными на сорокаметровой глубине тоннелями и штольнями, самыми нижними «этажами» предприятия. Здесь при постоянной температуре и вылеживается три года разлитое в бутылки шампанское. Более четырех километров тоннелей — есть в один, есть в два яруса. В каждом таком «коридоре» — до 600 тысяч бутылок. Вот они в штабелях одна к одной. Смотрят на нас испещренными белыми цифрами донышками.

Но даже это выстоявшееся вино не готово к тому, чтобы попасть на праздничный стол. За три года ожидания накапливается в бутылке осадок. Несчетное число раз поворачивают наклоненную бутылку, чтобы согнать, свести весь осадок к горлышку, поближе к пробке, пока временной. Когда убеждаются, что это сделано, горлышко замораживают, и под пробкой оказывается небольшая льдинка с осадком. Теперь его надо удалить. Это только сказать легко — удалить...

Мастерица стоит, как фехтовальщица,— с такой же, закрывающей лицо сеткой, в плотном костюме. Движения ее столь же быстры, уверенны и изящны. Незаметный поворот руки — сорвана скоба, три года державшая в повиновении игристое, непослушное вино. Неугомонная его сила мгновенно выстреливает пробку, будто снаряд из орудийного ствола. А вместе с ней вылетает и льдышка с вмороженным осадком. Очистительная пена смывает замешкавшиеся остатки льда. Теперь напиток прозрачен и чист как слеза. Сделали его таким мастера, профессия которых — дегоржеры.

От них шампанское выходит на свою «финишную прямую». Идет оно к бракерам, одна из которых, Надежда Ивановна Гапонова,— мастер знающий, умелый, не случайно же ей в числе других лучших работников предприятия доверен выпуск стомиллионной бутылки. Двадцать два года Гапонова на своем посту. Сколько же за это время она проверила шампанского, если каждый час перед ней на ярко освещенном экране высвечивается до 2 000 бутылок... Вот-вот должна появиться и 100-миллионная. Надежда Ивановна еще не знает, какая в этом ряду — юбилейная, и будет к ней строга так же, как и к другим. «Знала бы, еще придирчивее была бы»,— говорит она. Машина так и сяк переворачивает бутылки, показывает их бракеру со всех сторон... Вино слагается, как стихи. Нет двух одинаковых поэтических строк, не может быть и совершенно одинакового вина — пусть того же названия, той же марки, из винограда того же сорта. Тем строже оценивают его создатели, и не только дегустаторы, но и заводские бракеры.

Теперь-то уже можно с большой долей определенности сказать: 100-миллионная окажется в том ряду, который только что прошел мимо бракера, а до этого побывал в руках таких мастеров, как ремюор Анна Тарасовна Чередниченко, дегоржер Мария Ивановна Егорова, заведующая лабораторией Татьяна Леонтьевна Боярских... Это они и их товарищи помогают родиться 100-миллионной бутылке игристого.

Машина уже готова одеть бутылки в парадный наряд — в фольгу, в кольретку; затем наклеить этикетку, на которой теснятся, выстроившись рядком, медали: золото и серебро самых почетных конкурсов.

К конвейеру пригласили передовиков предприятия. Из Краснодара приехал начальник Росглаввино Федор Андреевич Коваленко. Он рассказывает:

— 1973 год — первый в истории советского виноделия, когда шампанские заводы выпустили такое количество игристого вина. Мне кажется не случайным, что именно Абрау-Дюрсо выпала честь порадовать нас юбиляром — это предприятие по праву считается флагманом шампанского производства в нашей стране. Это не только старейшее, но и уникальное предприятие. Советское шампанское — гордость нашего виноделия, его можно считать лидером всех вин, сделанных из виноградной грозди. Посмотрите, в бокале словно играет солнце. Как тут не вспомнить слова Максима Горького, сказавшего, что в вине больше всего солнца!..

* * *

Прервем интервью! Фотокамеры направлены на ковейер — идет юбилейная бутылка Советского шампанского... Ей уже повязали торжественный красный бант, а сверху не забыли поставить табличку — 100 000 000.

И вот уже бутылка переходит из рук в руки! А затем ее передают директору заводского музея. Там ей и место.

Солнце в бокале! Советское шампанское...

И пусть один из новогодних тостов будет поднят в честь людей, создающих этот солнечный напиток!

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление И. К. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 3/XII—73 г. А 00169. Подп. к печ. 18/XII—73 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2658. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1488.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Эти снимки сделаны в цехах, на складе готовой продукции, у дегустаторов и в хранилищах Абрау-Дюрсо.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663